

АНТЕЙ ИЛИТВЕР
(Иванов Лука Мефодиевич)

**ПРЕДЫСТОРИЯ
ЧУВАШСКОГО
НАРОДА**

(Опыт выявления генеалогической линии этноса)

Чебоксары - 2003

ББК 63,5 (2Р-6 Чув) + 63,3(2Р – 6 Чув)
И43

**Автор выражает глубокую признательность
Фонду историко-культурологических
исследований им. К.В. Иванова
за поддержку в издании данной книги.**

Рецензент: В.П.Иванов,
кандидат исторических наук, доцент.
(Книга издается в авторской редакции).

И $\frac{0503010000 - 65}{М 136(03) - 2003}$

© Илитвер Антей (Иванов Л.М.), 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для того чтобы приблизиться к истине, нужны гипотезы, пусть даже самые невероятные и, на первый взгляд, ошибочные. Только их наличие может свидетельствовать о движении мысли, о перестройке сознания, а в конечном случае – об отсутствии застоя в изучении истории чувашского народа. Для этого необходимо иметь возможность свободного и доброжелательного обсуждения фактов нашего недавнего и очень далекого прошлого, которых мы продолжаем для себя открывать по мере публикуемых в нашей прессе материалов по истории чувашского народа.

С 1947 по 1969 год я проживал в Узбекистане, вырос далеко от Чувашии. Мои познания о чувашах сложились под впечатлением рассказа профессора Самаркандского университета Василия Ильича Шахмайкина, чуваша по национальности, с семьей которого дружила наша семья. В школе я изучал историю Древнего Рима, а у профессора В. И. Шахмайкина историю древних чувашей. Поэтому в моей детской памяти одинаково сохранились, как история Древнего Рима, так и история древних чувашей.

Когда я после окончания Ташкентского политехнического института в 1969 году переехал в Чебоксары, то мои познания о чувашском народе стали вступать в противоречие с принятой здесь хронологией исторических событий. Например, я приехал в город Чебоксары, когда шла подготовка к празднованию 500-летия Чебоксар. Это меня очень удивило, потому что мы, живущие в Самарканде чувашаи (со слов В. И. Шахмайкина), были убеждены в том, что Чебоксары лишь в два раза моложе Самарканда, который собирался в 1970 году отметить свое 2500-летие.

По рассказам профессора В. И. Шахмайкина, крепость Чебоксары была заложена в 922 году суварским князем Вырыгом, который, отказавшись принять ислам, увел часть своих соплеменников из левобережья Волги на правый ее берег (к родственным савирам) и построил там, на землях марийцев крепость, которую в честь своей прежней столицы, города Сувар, назвал «Вёдё Сувар», что на их языке означало «небольшой по величине город Сувар», или просто «Малый Сувар». Это подтверждается тем, что на карте португальского путешественника Фра-Мауро 1459 года, территория современной Чувашии названа Амазонией, и на которой, на месте современных Чебоксар, изображен город с названием Веде-Суар, где слово «суар» и есть марийское название левобережных чувашей из племени «сувар».

Эту суварскую крепость мари́йцы стали именовать «Суас-кар», то есть «чува́шской крепостью», или «чува́шским городом», аналогично следующим финно-угорским названиям: Шешкар (населенный пункт в Моргаушском районе Чувашии), Сыктывкар (столица Республики Коми), Кудымкар (столица Коми-Пермяцкого автономного округа) и т. д., где финно-угорское «кар» (карда) означает – крепость (ограда).

В конце XIV века, после разгрома Золотой Орды Тимуром (Тамерланом) (1336-1405 годы), крепость (город) Суас-Кар стали именовать – Шупашкар (городом шупашей). Словом «шупаши» именовали предков чувашей, во времена династии Караханидов в Средней Азии, то есть при династии Тимуридов, а еще раньше при хане по имени – «Узбек» (имевших среднеазиатское происхождение) делалась попытка – именовать чувашей их прежним среднеазиатским именем (см. далее, стр. 107,110).

Таким образом, согласно вышеизложенной гипотезе В.И. Шахмайкина, Чебоксарам исполнилось 1000 лет – в 1922 году.

Происхождение гуннов (одних из предков чувашей) профессор В.И. Шахмайкин связывал с гипотезой дрейфа материков, оледенениями Европы и катастрофическими наводнениями, после таяния ледников, в регионах Средиземноморья. Его предсказания во многом подтверждаются и сейчас.

Например, он еще в 1947 году предсказывал, что из-за «подползания» Индостанской литосферной плиты под Евразию происходит рост Гималаев и приподнятие южного края Евразийской литосферной плиты, что влечет за собой неминуемое обмеление и высыхание водных остатков бывшего Сарматского, или Скифского моря. По его предположению (высказанному в 1947 году), Аральское море к 2000 году должно значительно обмелеть и в итоге (к 2050 годам) превратиться в рядовое озеро, повторив участь озера Лобнор, являющегося водным остатком древнего «Ханьхай-моря» («Восточного Тетиса», или «Таежного моря»), блуждающего в настоящее время в песках пустыни Такла-Макан, на дне Люкчунской котловины в Северо-Западном Китае.

Не прекращающийся тысячелетний процесс дрейфа материков, по предположению В.И. Шахмайкина, приведет к смещению (по направлению к экватору) материковой суши Антарктиды, что приведет (в будущем столетии) к значительному потеплению на Земле.

Его предположение о том, что 6000 лет до н. э. реки Средней Азии текли с востока на запад, а не как современные – текущие с юга на север, подтверждается снимками, сделанными из космоса, на которых отчетливо видны русла среднеазиатских рек того периода – направленностью с востока на запад. Его предположение конца 40-х годов о том, что в дельте Волги в древности располагался гуннский город – Итиль, также подтвердилось в конце 80-х годов снимками, сделанными из космоса, на которых отчетливо просматриваются очертания этого затонувшего города.

Ввиду того, что ареал обитания чувашского народа, в течение последних тысячелетий, постепенно перемещался из Центрально-Азиатского региона в Волго-Уральский регион России, рассмотрим общую историко-этническую периодизацию процесса, приведшего, в конечном счете, к формированию, а затем и к современному состоянию чувашского народа – в Волго-Камской историко-этнографической области. В рамках этой периодизации выделим следующие пять главных этапов:

1. Вероятно, предки чувашей первоначально проживали в Северо-Западном Китае, являясь в течение длительного времени ближайшими соседями китайцев в Центрально-Азиатском регионе.

2. Следующий этап, охватывающий II и I тысячелетия до н. э., связан со смешением финно-угорских племен с индоиранскими и пратюркскими племенами, с тенденцией к сложению обширной культурно-исторической зоны, включавшей: Южную Сибирь, Приуралье, Поволжье и Северный Кавказ.

3. Третий этап (от середины I-го тысячелетия нашей эры до начала XIII-го века) характеризуется постепенным изживанием первобытнообщинных отношений и становлением феодализма, взаимодействием финно-угорского населения с раннетюркским, а также возникновением болгарского феодального государства.

4. Предпоследний этап (XIII первая половина XVI-го века) наполнен событиями и процессами, связанными с позднетюркской иммиграцией.

5. Последний этап (с середины XVI-го века по настоящее время) связан с широкой русской миграцией, существенно изменившей этнический состав населения и этнокультурную ситуацию в Волго-Уральской историко-этнографической области.

Постепенно разбираясь с вышеприведенными историко-этническими процессами при формировании чувашского народа и с возникшими при этом разночтениями исторических фактов нашего прошлого, так разбросанных по разным изданиям, что головы у читателей все равно остаются замороженными множеством гипотез происхождения чувашского народа и, убедившись в правильности многих предположений профессора В. И. Шахмайкина, я принял решение попытаться восстановить в памяти три первых этапа становления предков чувашей и вынести их на суд наших читателей, основываясь на версии профессора Самаркандского университета – Василия Ильича Шахмайкина. При этом, естественно, я вовсе не считаю свою точку зрения по поднятым в книге вопросам единственно правильной. Нужны новые поиски и дискуссии.

В возникновении рас людей и в формировании народонаселения Евразии огромную роль сыграли два последних глобальных оледенения Евразии:

1). Оледенение в начале каменного века (около двух миллионов лет назад);

2). Днепровское (рисское) оледенение (около 300–80 тысяч лет назад), а также три катастрофических наводнения в регионе Средиземноморья за последние 12000 лет истории Человечества.

В.И. Шахмайкин.

ГЛАВНЫЕ СОБЫТИЯ В ИСТОРИИ ЗЕМЛИ

Земная кора состоит из литосферных плит (сфер), которые вместе с расположенными на них материками и океанами (по сантиметрам в год) перемещаются относительно друг друга¹. В результате дрейфа этих плит суша нашей планеты за миллиарды лет своего существования не раз распадалась и вновь соединялась в единое целое². К примеру, около 300 миллионов лет назад перед переходом через Южный полюс суша нашей планеты вновь собралась в едином материке, названного – Пангеей (всей Землей), дрейфовавшем в безбрежном первичном океане Тетис³.

В этот период, названный каменноугольным⁴, на участках суши прошедших через Южный полюс или вблизи его, очевидно, и произошло одно из отмеченных на Земле самых массовых вымираний теплолюбивых видов растений и животных.

Около 225–135 миллионов лет назад, при переходе через Южный полюс, Пангея раскололась на части и представляла собой два крупных сверхматерика, в составе: Лавразии (блок Евразии с Северной Америкой) и Гондваны (блок Африки и Южной Америки с Индостаном, Австралией и Антарктидой), продолжавшие медленно перемещаться относительно друг друга (см. рис. 1)⁶.

Ввиду различных скоростей перемещения этих двух сверхматериков Индостанская и Афро-Южноамериканская литосферные плиты стали подползать под Лавразию и выдавили из её прибрежного океанического дна величайший на планете горный пояс, протянувшийся от Атлантики на западе до Тихого океана на востоке, заперев при этом океан Тетис в виде рэструба расширяющегося на восток. В районе современного Кавказа его ширина была 2500 километров, а на траверсе Памира – не менее 4500 километров (см. рис. 2, 3). Возникший здесь пояс горных сооружений, протянувшийся через всю южную часть Евразии от Атлантического до Тихого океана в направлении с запада на восток, становится все более мощным и высо-

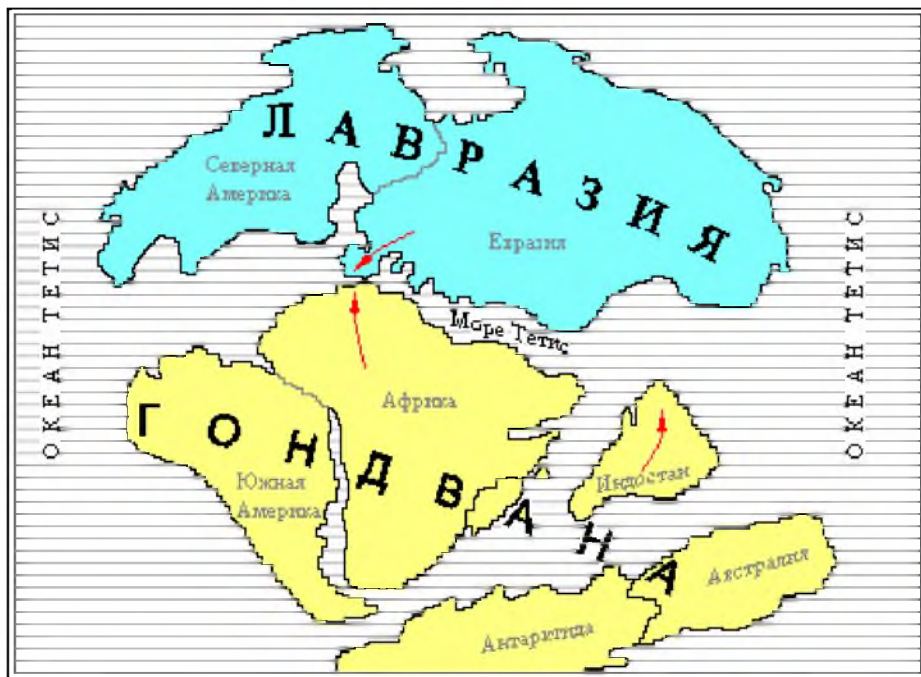

Рис. 1. Распад Пангеи на Лавразию и Гондвану. Начало формирования моря Тетис (Herman Naack. Atlas weltmeer, Cotha, DDR, 1989, с. 8-9).

ким, достигая наибольших высот Земли в пределах Гималаев и Тибетского нагорья, то есть на месте столкновения Индостанской литосферной плиты с Евразийской.

Там где плиты сталкиваются, более тонкая и глубоко погруженная океаническая литосфера ломается и *«ныряет»* под континентальную, унося на своей *«спине»* океанические острова и континенты со скоростью нескольких сантиметров в год (см. рис. 3).

Вдоль Южного крыла этого раструба, подпирая Тетис с юга, вздыбились Атласские, Кавказские, Тянь-Шаньские, Гималайские и другие горные системы, для удобства названные нами в дальнейшем – «Южным горным поясом», которые по мере своего бурного роста и приподнятия южного края Евразийской плиты переместили прежнее ложе моря Тетис вглубь Евразии, образовав там огромный водоем, названный нами (в отличие от Средиземного моря) – «Срединным морем».

Рис. 2. Распад Гондваны. Формирование Атлантического океана (Herman Haack. Atlas weltmeer, Cotha, DDR, 1989, с. 8-9).

После прохождения Южного полюса некоторые участки суши, отколовшиеся от Пангеи, пересекли экватор и продолжили с различными скоростями свой дрейф из Южного полушария в Северное⁷.

Продолжая сближаться с Лавразией и упираясь в южную оконечность Европы⁸, Афро-Южноамериканский блок соединил в районе Гибралтара Африку и Европу горным перешейком, который в дальнейшем, под напором скапливающейся здесь воды послеледниковых периодов, не раз разрушался, а затем, под воздействием непрекращающегося надвига Африканской плиты под Европу, вновь восстанавливался. Кроме того, около 65 миллионов лет назад в результате столкновения с Лавразией от Афро-Южноамериканского блока откололась Южная Америка и «уплыла» на запад, формируя по мере своего перемещения Атлантический океан.

В результате смыкания «Южного горного пояса» с системой Пиренейских гор на западе, а также с восточноазиатским горным поясом на

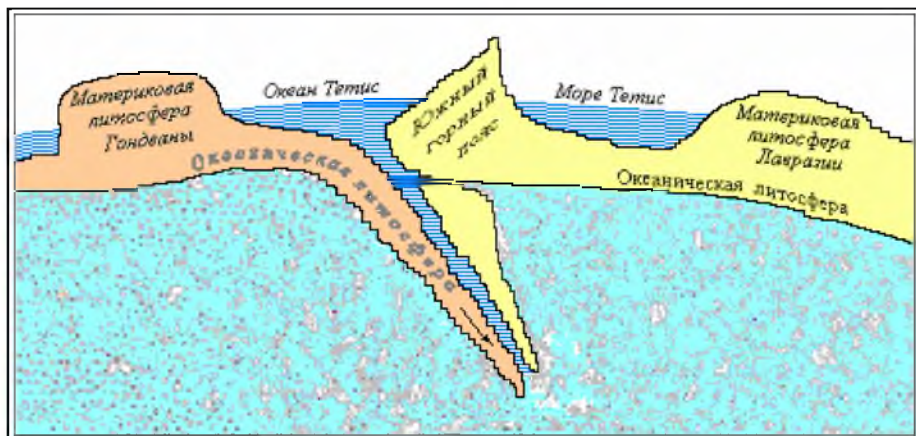

Рис. 3. Подползание литосферных плит Гондваны под Лавразию с последующим выдавливанием «Южного горного пояса» и закрытие, вследствие этого, моря Тетис внутри Евразии (Наука и жизнь. 1981, № 12. Проект «Литосфера», с. 68-73).

востоке, часть древнего океана Тетис, отброшенная вглубь Евразии, оказалась практически запертой между этими горными системами, превратившись здесь (по мере таяния ледников) в замкнутый пресноводный водоем, остатки и следы которого сохранились до наших дней в виде Средиземного, Чёрного, Азовского, Каспийского, Аральского и других морей и озер, а также в виде: пустынь и полупустынь Северо-Восточной Африки, Средней и Центральной Азии, представлявшими собой в древности песчаное дно огромного пресноводного водоема, именуемого в дальнейшем нами – Срединным морем⁹, или морем Тетис¹⁰, названное так по имени древнегреческой богини морей – Тетиды (см. рис. 4).

Приблизительно в этот же период, около 60 миллионов лет тому назад, при перемещении от экватора к Северному полюсу, в результате столкновения Индо-Австралийской плиты с Евразийской и продолжающегося надвига Африканской плиты под Евразию произошел раскол и самой Лавразии: на Северную Америку, Евразию и Гренландию. Образовавшиеся трещины между Евразией и Северной Америкой постепенно увеличивались и заполнялись водой, превратившись впоследствии в Северный Ледовитый океан, в котором с востока на запад через Северный полюс перемещалась Гренландия.

Следует отметить, что в результате продолжающегося надвига Африканской и Индостанской литосферных плит под Евразию из-под дна Тетиса

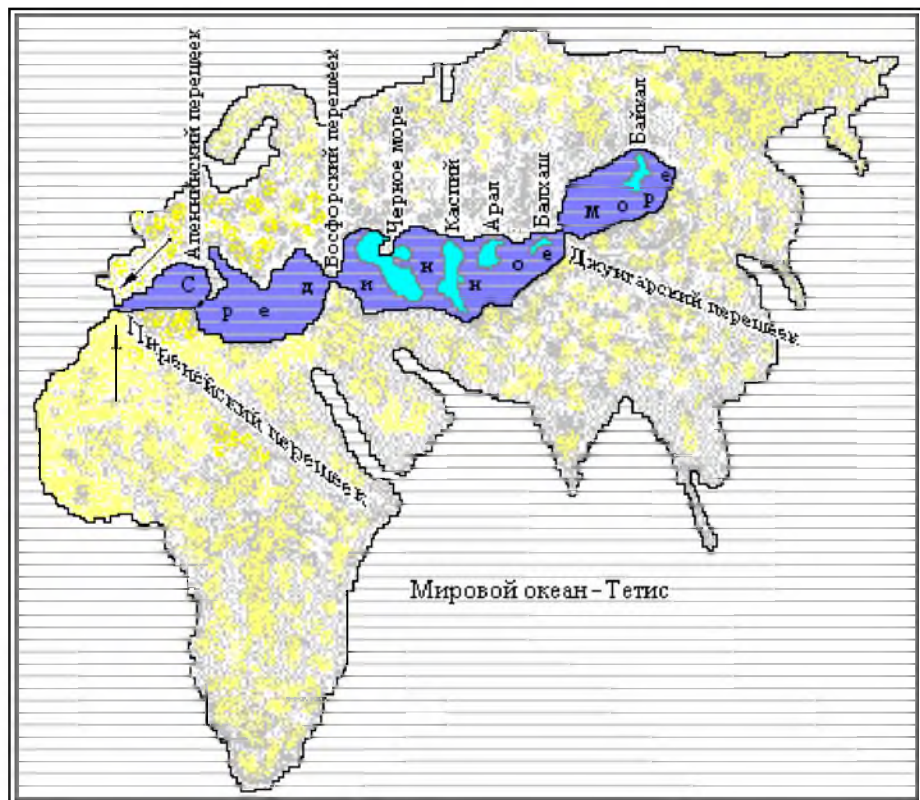

Рис. 4. Смещение моря Тетис вглубь Евразии с превращением его, после таяния ледников, в пресноводное Срединное море.
(Карта-схема в редакции автора)

выдавливались хребты не только Южного горного пояса, направленностью с запада на восток, но и направленностью с юга на север. В акватории Срединного моря, таких горных хребтов было четыре. Это: Пиренейский, Апеннинский, Джунгарский и Босфорский – на месте стыка Малой Азии с Европой.

При глобальных потеплениях Земли в результате интенсивного таяния ледников эти горные перешейки периодически скрывались под водами тающих ледников, превращаясь в подводные горные хребты, а при глобальных похолоданиях они обнажались, образуя «мосты суши» между южной и северной береговыми линиями Срединного моря.

Один из таких подводных горных хребтов периодически обнажался

на месте современных Аппенинского полуострова и Сицилии, образуя, при обмеленьях Срединного моря, «мост суши» между Африкой и Европой.

Второй обнажался на месте современных проливов Босфора и Дарданеллы, образуя, в периоды глобального похолодания, «мост суши» между полуостровом Малая Азия и Европой.

Третий подводный горный хребет обнажался на месте современных хребтов Джунгарского Алатау, образуя, при обмеленьях Срединного моря, «мост суши» между Тянь-Шанем и Алтаем.

Образовавшиеся перешейки между Европой и Африкой, Тянь-Шанем и Алтаем, Европой и полуостровом Малая Азия подразделяли Тетис (Срединное море) на: западную, центральную и восточную его части.

Дно морей под воздействием морских течений и донных отложений постепенно выравнивается, превращаясь при высыхании моря в равнинную поверхность, что подтверждается тем фактом, что после высыхания восточной части Срединного моря (восточного Тетиса), от Тянь-Шаня до Алтая сохранился до наших дней так называемый – «Великий водораздел Азии».

Этот водораздел едва уловим, потому что он образовался на ровном дне бывшего когда-то здесь древнего моря. Поднявшееся впоследствии из-под ровного дна моря плато сохраняет и по сей день свою равнинную поверхность. Говорят, что здесь даже след лошадиных копыт может изменить направление течения талых вод¹¹, то есть с какой стороны (с приходом весны) здесь будет проложен первый след (человеческий или какого-либо животного), то в том направлении и потекут здешние весенние ручейки. С этого водораздела талые воды могут потечь на северо-запад (если эти следы будут идти с запада) – в бассейн Аральского моря, или же на юго-восток (если следы идут с востока) – в сторону Турфанской впадины. К примеру, минимальный уклон этого водораздела продолжает еще сохраняться в районе от озера Алаколь, зеркало воды которой 343 метра над уровнем моря, до расположенного в 400 километрах от него пресноводной части Балхаша, зеркало воды которого 342 метра над уровнем моря¹², имея перепад уровня воды в этих двух озерах всего в один метр на таком большом расстоянии.

Поднятие центрально-азиатской платформы, из-за продолжающегося надвига Индостанской литосферной плиты под Евразию, повлекло за собой поднятие дна Тетиса (Срединного моря), с истечением его вод (иногда и с катастрофическими последствиями) из восточной его части в западную.

В начале из-за этого значительно обмелел восточный Тетис (восточная часть Срединного моря), водные остатки которого (до недавнего времени) сохранялись на северных окраинах пустыни Гоби – в виде «Таежного моря» Южной Сибири, а на южных ее окраинах – в виде многочисленных водных остатков «Ханьхай-моря».

Затем, в результате продолжавшегося приподнятия восточного края Евразийской плиты, начал мелеть и центральный Тетис (центральная часть

Срединного моря), в результате чего от него впоследствии отделилось и обособилось Скифское, или Сарматское море, песчаное ложе которого сохранилось до наших дней в виде пустынь Средней Азии и лессовых (донных) отложений в долинах Сырдарьи и Зеравшана. Водные же его остатки сохранились в виде: озера Балхаш, Черного, Азовского, Каспийского и Аральского морей.

Следствием не закончившегося поднятия восточного края Евразийской плиты является продолжающееся обмеление Аральского моря – ввиду истечения подземных грунтовых вод из-под Аральского моря в Каспий, уровень воды которого к настоящему времени на 73 метра ниже «зеркала» Арала.

КЛИМАТ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

За миллиарды лет дрейфа суши нашей планеты уже побывала как над экватором, так и над Южным и Северным полюсами, и поэтому на ней не раз ледниковые эпохи сменялись потеплениями, потепления же – новыми ледниковыми эпохами. Прохождение некоторых участков суши вблизи Южного полюса подтверждается, как мы уже отмечали выше, массовым вымиранием на них теплолюбивых видов растений и животных. Прохождение же через экватор подтверждается тем, что на Шпицбергене 30–40 миллионов лет назад продолжали еще расти пальмы и другие виды теплолюбивых растений.

Похолодания и потепления на Земле бывали как глобальными, так и частичными¹³. Частичные похолодания на Земле происходили, в основном, по причине изменения теплых течений Мирового океана или же по каким-либо другим геолого-геофизическим причинам, кардинально изменявшим направления переноса тепла этими течениями или явлениями. Примеры тому: теплое течение Гольфстрим, парниковый эффект, катастрофические извержения вулканов.

Попадая в полярные области и покрываясь ледниковым покровом, континенты становятся глобальными «холодильниками», а когда материки покидают полярные области, то благодаря сравнительно небольшой отражающей способности воды и ее крупномасштабности циркуляции в океане наступает заметное на десятки градусов потепление. Ввиду того, что вода поглощает солнечные лучи лучше, чем материковая суша, наиболее сильное потепление Земли наблюдалось в те периоды, когда над обоими полюсами нашей планеты оказывались моря или океаны, а глобальное похолодание наблюдалось в те периоды, когда одновременно на обоих полюсах Земли оказывалась материковая суша, игравшая роль гигантского охлаждающего устройства.

К примеру, последнее глобальное похолодание Земли произошло как раз в тот период, когда над Южным полюсом находилась материковая суша Антарктиды, а над Северным полюсом оказалась оторвавшаяся от Евразии и Северной Америки материковая суша Гренландии, которая около четырех миллионов лет назад начала покрываться, при входе в полярную область, огромным ледниковым покровом, сравнимым с ледниковым панцирем Антарктиды.

Как мы отмечали выше, суша у полюсов Земли – это признак глобального похолодания и поэтому, когда Антарктида и не меньше ее размерами Гренландия около двух миллионов лет назад оказались над противоположными полюсами планеты, на Земле началось глобальное похолодание.

В результате наступившего похолодания, то есть с установлением отрицательных общегодовых температур, над Евразией стали выпадать атмосферные осадки исключительно в виде снега, постепенно формируя из года в год ее ледниковый покров. В течение тысячелетий продолжалась *«сплошная зима»*. Весна, лето и осень исчезли из такого понятия, как – «времена года». В высоких и средних широтах Евразии ландшафт стал примерно таким, как в современной Антарктиде. Огромный ледник толщиной свыше двух километров покрыл территорию северной части Евразии. В центральных частях ледникового щита среднегодовые температуры стали на 20–30 градусов ниже нуля, что влекло за собой гибель или отступление на юг теплолюбивой флоры и фауны.

ВРЕМЯ ПОЯВЛЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ЕВРАЗИИ

После совпавшего оледенения Антарктиды с Гренландией (около двух миллионов лет назад) началась первая ледниковая эпоха (геологического) четвертичного периода, который, кроме того, называют и антропогенном, то есть временем появления и становления человека¹⁴. В археологической же периодизации время появления и становления человека, то есть последние два миллиона лет, именуют палеолитом (каменным веком), который в свою очередь подразделяется на: нижний палеолит (2–0,1 миллиона лет назад), средний палеолит (100–35 тысяч лет назад) и верхний (поздний) палеолит (35–10 тысяч лет назад)¹⁵.

В целях понимания возникновения человеческих рас нам необходимо обратить внимание на то, что человек первоначально проживал исключительно в районе Африканских тропиков. Затем он начал широко распространяться и по другим климатическим зонам. Перед началом первой ледниковой эпохи четвертичного периода он проник в Европу, а начавшееся здесь похолодание поставило его перед фактом выживания в суровых условиях холодающего климата.

Проникшие в Европу люди раннего палеолита в своем развитии находились еще на стадии питекантропа¹⁶ (обезьяночеловека), не утратившего еще многих своих обезьяньих особенностей. Животная зависимость проникшего в Европу питекантропа от суровых природных условий обитания оказывала существенное влияние на формирование его внешнего облика.

При начавшемся глобальном похолодании, неприспособленные к проживанию в холодных условиях Европы (не научившиеся еще пользоваться ни огнем, ни одеждой), ее обитатели под натиском наступающих ледников стали двумя потоками покидать Европейский континент. Причем обитатели Западной Европы через сохранявшиеся в те времена Пиренейский и Апеннинский перешейки успели вернуться на север Африканского континента, где они в результате смешения с людьми негроидного физического типа положили начало формированию высокорослых жителей Северной Африки. Жители же Восточной Европы оказались практически запертыми в средних широтах Евразии: с севера и запада – надвигающимися ледниками, а с юга – Срединным морем, протянувшимся от Пиренейского перешейка – на западе, до озера Байкал – на востоке. Единственно возможным путем отступления для них, оставался лишь путь на восток (см. рис. 4).

Столкнувшись впервые с фактором снега, запертые в Европе ледниками, люди раннекаменного века (питекантропы), находившиеся ещё из-за неумения пользоваться одеждой в полной зависимости от природных условий обитания (под натиском надвигающихся ледников и снега), отступали все дальше на восток. Приспосабливаясь к изменяющимся природным условиям холодающего климата, в результате биологической перестройки организма¹⁷, менялись и сами, принимая все больше черт, присущих коренным жителям холодного климата.

Человек как биологический вид чрезвычайно пластичен. И он, чтобы не умереть, был вынужден перестраивать свой организм. Его конечности и другие выступающие органы тела, в целях уменьшения поверхности теплоотдачи относительно объема тела, уменьшились или укоротились, а глазные щели, в результате приспособления глаз к избытку света отраженного льдом и снегом, постепенно сузились, в дальнейшем сложившись в характерные черты людей монголоидной расы.

Холодовой стресс, адаптация к холодному климату и формообразующая роль естественного отбора привели, в конце концов, к появлению, в невероятно суровых условиях Евразии, низкорослых людей (как мы уже отметили выше – монголоидного физического типа) с присущими им и сохранившимися до наших дней некоторыми признаками коренных жителей местностей с холодным и суровым климатом.

Между тем ледниковый щит Европы все больше разрастался и вытеснял ее обитателей за Уральский хребет. И так как обмелевшее во время похолодания Срединное море из-за концентрации огромного количества

воды в ледниках обнажило между Алтаем и Тянь-Шанем подводные хребты Джунгарского Алатау, то по нему бывшие обитатели Восточной Европы и ушли в более теплые (южные) края Центральной Азии.

Мелеющее здесь ложе восточного Тетиса представляло собой в этот период засоленные озера или песчаные пустыни (аналогичные современным Каракумам и Кызылкумам), не имевшие для этих людей никакого хозяйственного значения. Поэтому пришедшие сюда из Восточной Европы люди, продвигаясь на юго-восток, селились подальше от этих *гиблых* мест – в бассейне реки Хань (притоке Хуанхэ), на северо-западе Китая. Дошедшего сюда 800–500 тысяч лет назад человека раннего палеолита (питекантропа), перенесшего холодовой стресс Евразии, назвали синантропом (китайским человеком), который и явился исходным материалом для формирования в Центральной Азии монголоидной расы, к которой, в первую очередь, относятся китайцы¹⁸ и праторкские племена, именовавшиеся – синами.

ЧЕЛОВЕК ЕВРАЗИИ В СЕРЕДИНЕ КАМЕННОГО ВЕКА

Когда один из полюсов Земли освободился от материковой суши, то есть когда Гренландия *обошла* Северный полюс и началось разрушение его ледникового панциря, на Земле произошло очередное потепление. Максимальное же потепление Земли (согласно тому, что вода у полюсов Земли – это признак глобального потепления), очевидно, произойдет, по утверждению В.И. Шахмайкина, по мере освобождения и Южного полюса от материковой суши Антарктиды. Наступившее потепление Земли вызвало бурное таяние ледникового щита Евразии. В результате чего огромные массы талой воды хлынули на юг¹⁹.

Центральный Тетис (часть Срединного моря), простиравшийся к концу первой ледниковой эпохи четвертичного периода от Апеннинского перешейка на западе до Джунгарского перешейка на востоке, стал стремительно переполняться и из-за отсутствия стока вод в Мировой океан перелился в ложе западного Тетиса, вновь соединив центральный, восточный и западный Тетисы в единый замкнутый пресноводный водоем под названием Срединного моря.

В результате продолжающегося наполнения чаши Срединного моря тальми водами и отсутствия стока вод в Мировой океан, к окончанию вышеуказанной ледниковой эпохи, произошло разрушение Пиренейского перешейка с образованием между Африкой и Европой Гибралтарского пролива.

Следует отметить, что возникновение и разрушение Пиренейского перешейка за последние несколько миллионов лет происходило не один раз, потому что после его разрушения скоплением талых вод, из-за непрекращающегося надвига Африканской плиты под Европу, происходило сращи-

вание Африки с Европой. Легенда о сближающихся и разъединяющихся геркулесовых столбах очевидно и есть память человечества об этих сближениях или разъединениях Африки с Европой.

Истечение талых вод Срединного моря через образовавшийся Гибралтарский пролив привело к выравниванию высокого уровня западной его части с уровнем Атлантического океана. Уровень же остальной части Срединного моря из-за наличия Апеннинской, Босфорской и Джунгарской природных плотин продолжал оставаться выше уровня Мирового океана, тем самым накапливались потенциальные силы к предстоящим катастрофическим наводнениям и различным геологическим катаклизмам в дальнейшей исторической судьбе Евразии.

Для удобства в дальнейшем Срединным морем мы будем называть только ту его часть, оставшуюся после образования Гибралтарского пролива, которая продолжала возвышаться на несколько десятков метров над уровнем мирового океана, подразделяясь на: западный Тетис – от Апеннинского перешейка на западе, до Босфорской природной плотины на востоке; центральный Тетис – от Босфорской до Джунгарской природной плотины; восточный Тетис – от Джунгарского перешейка на западе, до озера Байкал на востоке.

В наступившем послеледниковом периоде большая часть обезлюдевшей северной части Евразийского субконтинента оказалась практически изолированной от остального мира пресноводным Срединным морем, протянувшимся от Апеннинского перешейка на западе до сохранившегося до наших дней Байкала – на востоке. О том, что Каспийское море и озеро Байкал прежде входили в состав Срединного моря подтверждается тем, что на Байкале и в Каспийском море обитают дельфины, сохранившиеся здесь еще со времен образования Срединного моря.

По мере перемещения Гренландии с востока на запад в том же направлении исчезал и ледниковый покров Евразии. Поэтому новое заселение Европы началось по мере таяния ледников не с западной, а с восточной ее части – людьми монголоидного физического типа, сложившимися в Центральной Азии на основе подвергнувшегося деградации «китайского человека» (синантропа), которого по пришествию в Европу впоследствии и назвали – неандертальцем, по месту находки его костных останков в долине реки Неандерталь, вблизи города Дюссельдорф, в Германии. Следует отметить, что небольшая часть неандертальцев через Апеннинский перешеек успела проникнуть и на Африканский континент, где, однако, была быстро истреблена кроманьонцами.

Западная Европа стала заселяться позже, по мере отступления ледников и отсюда, выходцами из Северной Африки, сложившимися там путем смешения беженцев Европы доледникового периода с аборигенами Северной Африки, на основе которых, в результате проявления гетерозиса, и сло-

жил человек современного вида – кроманьонец, названный так по первой находке, сделанной в 1868 году во Франции, в пещере Кроманьон.

Эти два типа людей, из-за различных условий формирования, имели существенные различия. К примеру, внешний облик неандертальца еще в достаточной степени нес отпечаток обезьяньего прошлого. Его рост в среднем не превышал 158 см. Тело было коренастым, с массивным скелетом. Череп удлинненной формы, с хорошо выраженными глазными валиками монголоидной формации. Объем черепной коробки неандертальца в среднем не превышал 1400 см³ и был недостаточно развитым по сравнению с кроманьонцем, у которого в результате метисации и проявлениями гетерозиса все вышеперечисленные показатели были на порядок выше. Его черепная коробка имела округлую форму с крупным и развитым мозгом (1800 см³).

Если неандертальцы были низкорослыми людьми монголоидного физического типа с узкими и длинными головами, сформировавшимися в жестких и неблагоприятных условиях холодного климата, то кроманьонцы были, наоборот, высокорослыми людьми (с некоторыми негроидными признаками), сформировавшимися в благоприятных климатических условиях Северной Африки. Кроме того, в отличие от неандертальцев, пришедших в Европу лишь с зачатками речи «китайского человека» (синантропа), кроманьонцы уже обладали и хорошо владели речевым аппаратом человека современного вида²⁰.

К середине каменного века большая часть территории Западной Европы покрылась дремучими лесами. Поэтому пришедшие сюда из Африки предки кроманьонцев были вынуждены приспособливаться к проживанию в лесной зоне. Поставив себе на службу огонь, используя его для приготовления пищи и обогрева усовершенствованного (с применением древесины) жилья, потомки кроманьонцев и позже не расставались с лесом, что в дальнейшем из-за недостаточного солнечного облучения (под тенью леса) сыграло решающую роль при формировании из темнокожих кроманьонцев белокожих людей лесной зоны – предков всех людей белой расы. Одним из отличительных особенностей этих людей был обряд захоронения покойников под большими курганами в бревенчатых срубках, отчего их и именовали племенами срубной культуры.

Степные же пространства Южной Европы освоили неандертальцы, пришедшие сюда из центрально-азиатских степей вслед за передвигающимися на запад тучными стадами диких животных, *дармовая* шкура и мясо которых составляли основу их жизнедеятельности. Отличительной особенностью этих людей был обряд захоронения покойников, связанный с отсутствием в степных просторах древесины. Покойников они хоронили, защищая их тела от растерзания хищниками, в небольших углублениях или пещерах, а сверху заваливали грудой камней или же упаковывали их тела со всех сторон каменными плитами, отчего их и именовали племенами ката-

комбной (плиточной) культуры. Чем был выше ранг усопшего, тем была выше груда камней или размеры каменных плит.

Непосредственное соприкосновение передвигающихся на запад неандертальцев, а на восток – кроманьонцев произошло вдоль лесостепной границы Западной и Восточной Европы, за Карпатами, что подтверждается находками в пещере Крапин на Балканах (вблизи Загреба), где начинают встречаться вперемежку черепа длинноголовых неандертальцев и круглоголовых кроманьонцев.

Ледниковый панцирь Западной Европы растаял гораздо позже ледникового покрова остальной части Евразии, поэтому неандертальцы успели прийти в Европу из далекой Центральной Азии гораздо раньше, чем кроманьонцы из близлежащей Африки, заняв за это время (пока предки кроманьонцев *«отсиживались»* в теплой Африке) огромные степные пространства всего Евразийского субконтинента.

Неандертальцы подразделялись на ранних и поздних. Ранние неандертальцы и современные китайцы происходят от общего их предка – синантропа, отпочковавшегося от европейского питекантропа в начале каменного века около двух миллионов лет тому назад.

Одна из ветвей синантропа, оказавшаяся в междуречье Янцзы и Хуанхэ, перешла на оседлый (земледельческий) образ жизни. Занятие земледелием сильно усложнило поведение этой ветви синантропа эволюционируя их дальнейшее развитие, в отличие от другой их ветви, продолжавшей вести примитивный кочевой образ жизни на степных просторах Евразии.

Эту ветвь синантропа охотников и собирателей стали именовать ранними неандертальцами, а дошедших до степных пространств Европы – поздними неандертальцами.

Естественный отбор и борьба за существование в трудных условиях лесной зоны сильно усложняли поведение предков кроманьонцев и играли более заметную роль в эволюции кроманьонцев, чем у ранних неандертальцев, которые лишь следовали, аналогично хищникам, за кочующими стадами диких животных, затрачивая минимум усилий для добывания себе пищи. Легкость добычи пищи не способствовала эволюции ранних неандертальцев. Эта монголоидная ветвь людей, одна из ветвей «китайского человека», по мере продвижения из центрально-азиатских степей на запад постепенно деградировала. Их примитивный образ жизни стал сравнимым с образом жизни хищных животных.

Деградация синантропа, одной из ветвей «китайского человека», в неандертальца подтверждается тем, что в результате археологических раскопок установлены существенные различия между ранними и поздними неандертальцами. Ранние неандертальцы были более близки к «китайскому человеку», чем поздние неандертальцы²¹.

Из всего вышеизложенного подтверждаются высказывания некото-

рых американских исследователей о том, что неандертальцы (как отдельная ветвь «человека разумного») на Земле не существовали. Поздние и ранние неандертальцы – это одна из ветвей синантропа, сложившаяся в результате постепенной деградации потомков «китайского человека».

Язык ранних неандертальцев, как и язык современных китайцев, формировался на основе языка «китайского человека» (синантропа), но в результате деградации ранних неандертальцев их язык был упрощён поздними неандертальцами до предела. В общении друг с другом поздним неандертальцам были достаточны около трех десятков слов, составленных из одного, двух, в крайнем случае, из трех звуков, доставшихся им от потомков «китайского человека».

Более мощные и высокорослые кроманьонцы, обладавшие более высоким интеллектом, в конкурентной борьбе истребляли и даже поедали поздних неандертальцев, потому что в этот период среди людей существовало еще явление каннибализма. В результате чего, около 40 тысяч лет тому назад, поздние неандертальцы были уже повсеместно истреблены, перемешаны с кроманьонцами или же вытеснены из степей Европы обратно в степи Центральной Азии, передвигающимися на восток кроманьонцами.

Приход кроманьонцев из Африки, через Западную Европу, в Азию подтверждается тем, что в костных остатках, дошедших до территории нашей страны кроманьонцев, продолжали ещё прослеживаться негройдные

признаки²², которые по мере перемещения кроманьонцев на восток не только исчезли, но и превратились в условиях лесной зоны (под тенью леса) в физиологические признаки людей белой расы.

Следует отметить, что при последующих похолоданиях физический тип человека уже не претерпевал существенных изменений, как это было с синантропом, перенесшим холодовую стресс Евразии, потому что в ходе своей морфологической эволюции человек завоевал потенциальную способность адаптироваться к любым условиям проживания, но уже без изменения своих видовых черт.

РИССКОЕ, ИЛИ ДНЕПРОВСКОЕ ОЛЕДЕНЕНИЕ

Как мы отмечали выше, Гренландия перемещалась через Северный полюс с востока на запад и около 80–70 тысяч лет назад, при выходе за пределы Северного Ледовитого океана, перегородила собой и своим ледовым окружением (сравнимым с ледниковым покровом Антарктиды) теплое течение Гольфстрим²³. Резкое ослабление поступления теплых морских вод из Атлантического океана в Северный Ледовитый океан вызвало заметное охлаждение Евразии. Полюс холода переместился с Азиатского континента на Европейский.

Приносимые с Атлантического океана атмосферные осадки, из-за установившихся в Европе отрицательных среднегодовых температур, перестали выпадать в виде дождей, а исключительно (даже в летнее время) – в виде снега, постепенно (в течение тысячелетий) формируя не тающий ледниковый покров Евразии. Благодаря ежегодной концентрации в виде снега огромного количества воды в ледниках, уровень Мирового океана понизился на несколько метров, что окончательно прекратило поступление теплых вод в Северный Ледовитый океан. Акватория Полярного морского бассейна стала покрываться мощными нетающими, так называемыми, «паковыми льдами» и превратилась в «морскую сушу», которая аналогично материковой суше над полюсами стала играть роль гигантского охлаждающего устройства. В этот период с севера на Европейский континент стал вновь наползать огромный ледник толщиной два-три километра, границы которого пролегли вдоль северной широты, южнее современного Берлина, Киева и Волгограда. Общая площадь, занимаемая оледенениями суши и моря, составили не менее 25 процентов всего Северного полушария нашей планеты²⁴.

Аналогично современной Антарктиде огромные территории Евразии превратились в безлюдную пустыню. Южнее ледника образовались не пригодные для жилья тундра и холодные степи. В период максимального оледенения Европы, названного днепровским (рисским) оледенением²⁵, даже Крымский полуостров занимала тундра.

Под натиском ледника и арктического холода люди стали вновь покидать Европейский континент. Причем кроманьонцы Западной Европы через обнажившийся во время похолодания Апеннинский перешеек возвратились на север Африканского континента, а кроманьонцы Восточной Европы, спасаясь от холода, двумя потоками ушли в юго-восточном направлении, потому что продвижению их в теплые южные края препятствовало Срединное море.

Основная группа восточноевропейских кроманьонцев, спустившись вдоль Днепра, в его южные лесные массивы, практически не смешиваясь с поздними неандертальцами, ушла на восток, заселив в неолитическую эпоху лесные просторы: Среднего Поволжья, Урала и Западной Сибири, положив начало формированию там «лесных людей» – динлинов, которые в условиях длительного проживания в лесной зоне превратились в светловолосых и синеглазых людей лесной зоны; сформировавшись здесь постепенно в одну из основных ветвей людей белой расы, в том числе и в одного из наших белокурых предков, савиров, или северян.

Другая же группа восточноевропейских кроманьонцев, спустившись вдоль Дуная, попала в причерноморские степи, где, постепенно приспосабливаясь к проживанию в непривычных для них степных условиях, сформировались в «степных кроманьонцев» – треров.

При дальнейшем похолодании треры из низовьев Днепра и Дуная двинулись еще дальше на восток, частично смешиваясь с поздними неандертальцами, вытесняя остальные их племена за пределы Европы. Часть треров, приспособившихся к проживанию в степных условиях, осталась в степях Восточной Европы, расселившись вдоль северной границы Срединного моря, сложившись здесь впоследствии – в «степных людей» (киммерийцев).

Вытесняемые же из степных пространств Восточной Европы поздние неандертальцы тоже уходили на восток. Причем одна из их ветвей уходила в степи Южной Сибири, вслед за уходящими от холода на восток стадами диких животных. Другая же их ветвь, частично смешавшаяся со «степными кроманьонцами» (трерами), ушла в пустынные степи Северо-Западного Китая, сформировавшись там в одного из предков тюркских народов – синов, поселившись по соседству с предками китайцев, проживавшими в долине реки Хань (притоке Хуанхэ).

Для удобства в дальнейшем и более полного рассмотрения возникновения изначальных корней чувашского народа проследим их происхождение по раздельным генеалогическим корням. И поскольку мы избрали главным объектом исследования историю возникновения тюркоязычных народов, то естественно, что другие народы Евразийского суперконтинента в наших изысканиях будут представлены в своеобразных ракурсах и степенях влияния их на формирование пратюркских племен и народов.

ПОТЕПЛЕНИЕ В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ

В результате непрекращающегося дрейфа Гренландии и разрушения его огромного ледникового панциря восстановившимся Гольфстримом, около 40 тысяч лет тому назад, началось новое потепление Европы.

В то время, как по просторам Азии еще продолжалось продвижение потомков кроманьонцев и поздних неандертальцев, уходящих от холода на восток, освободившаяся от ледников около 35 тысяч лет тому назад Западная Европа стала вновь заселяться через Апеннинский перешеек жителями Северной Африки, положив начало формированию в Западной Европе кельтских племен, сложившихся в Северной Африке на основе западноевропейских кроманьонцев, ушедших туда в начале днепровского (среднеплейстоценового) оледенения Европы.

Восточноевропейские же кроманьонцы (приспособившиеся к проживанию, как в лесной, так и лесостепной зоне Европы) в этот период ушли далеко на восток, вытеснив из степных пространств Западной и Восточной Сибири потомков поздних неандертальцев за пределы Евразийского суперконтинента или же смешивались с ними, образуя метисные (смешанные) племена и народы. По внешним морфологическим признакам представители этих метисных племен, в результате смешения их со степными кроманьонцами (трерами), стали напоминать современных казахов.

Вытесняемые с Азиатского континента потомки этих ранних и поздних неандертальцев, спасаясь от уничтожения и даже «поедания» кроманьонцами, ушли около 35 тысяч лет тому назад через «Берингов мост» на Североамериканский континент, унеся туда и некоторый словарный запас своего примитивного языка, сформировавшегося как и пратюркские языки, на базе языка «китайского человека».

Небольшая часть далеких потомков неандертальцев, побоявшись трудностей преодоления «Берингового моста», ушла вдоль береговой линии Северного Ледовитого океана на запад и вновь вернулась в Европу, формируя по мере своего продвижения на запад – самодийские народности Крайнего Севера.

Лесные просторы Среднего Поволжья, Урала и Западной Сибири ещё в неолитическую эпоху были заселены пришедшими из Приднепровья восточноевропейскими кроманьонцами, положив начало формированию там предков «лесных людей» – динлинов, общих предков финно-угорских и большинства европейских народов белой расы.

С началом очередного потепления Земли, по мере исчезновения тундры и восстановления на ее месте лесов и степей, часть динлинов стала возвращаться на свои прежние земли обитания, в бассейн Днепра, начав мир-

ное заселение безлюдных до них территорий Восточной Европы. Причем предки финно-угорских народов тяготели к лесной зоне Восточной Европы, продвигаясь от Уральских гор на востоке до Скандинавского полуострова на севере Европы в такой последовательности: район Сунгирия под Владимиром освоен был ими около 30 тысяч тому назад²⁶, Печорский Урал – около 25 тысяч лет назад, районы Ленинградской области – около 10 тысяч лет назад, а район Стокгольма был заселен ими лишь после ухода оттуда ледников – около 9 тысяч лет тому назад.

Оставшиеся же в лесостепной зоне Западной Сибири и в Приуралье динлины, люди европеоидного физического типа, стали смешиваться с пришедшими сюда около 4000–5000 лет тому назад индоиранскими племенами (кучерявыми арабами), людьми восточно-средиземноморского (брахикранного) физического типа. В результате чего в степях юга России около 2000 года до н.э. появились новые так называемые индоевропейские (арийские) племена белокурых или рыжеволосых людей европеоидного физического типа. Одни из этих индоевропейских племен продвигались в сторону Балканского полуострова, формируя по мере своего продвижения на запад, предков славянских и некоторых других народов. Другие же, тяготившие к степям юга России, ушли в начале III-го тысячелетия до н. э. через земли треров на полуостров Малая Азия и Иранское нагорье, формируя по мере своего продвижения на юг, другие ветви индоевропейских (арийских) племен и народностей.

ИСТОКИ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

Похолодание в Европе наступило не сразу, а постепенно, поэтому перемещение метисных потомков кроманьонцев и поздних неандертальцев на восток шло в течение жизни нескольких их поколений, не раз сближая или разъединяя эти две расы людей.

Более сильные и обладавшие большим интеллектом степные кроманьонцы (треры) не только теснили и истребляли потомков поздних неандертальцев, но и смешивались с ними, постепенно растворяясь в более многочисленной среде людей монголоидного физического типа, в процессе их продвижения из южных степных пространств Европы в степи Северо-Западного Китая.

Сложившиеся на основе смешения потомков кроманьонцев и поздних неандертальцев эти метисные племена сохранили свой материнский язык, в основе которого были слова, доставшиеся им от их дальнего родственника – «китайского человека». Язык этих метисных племен мы будем именовать в дальнейшем – пратюркским языком, а их самих – пратюркскими племенами, которые, будучи типичными степняками, заняли пустующие до них сте-

пи и нагорья Северо-Западного Китая, где в упорной борьбе с местным земледельческим населением (китайцами), не пропускавшими их дальше на восток, закрепились в непригодных для земледелия степях этого региона, сложившись здесь впоследствии в тюркоязычные племена под самоназванием – синь.

К моменту прихода в Северо-Западный Китай потомки кроманьонцев практически растворились в тюркоязычной среде потомков поздних неандертальцев, сохраняя свои европеоидные морфологические признаки лишь в немногочисленной среде их племенной знати – людей европеоидного физического типа. Приход в Северо-Западный Китай вместе с пратюрками – потомков кроманьонцев подтверждается тем, что в костных останках *шандунского* человека, обнаруженного на территории Китая, отчетливо прослеживаются кроманьонидные черты, хотя до этого традиционный кроманьонский тип всегда связывался только с Европой и не предполагалось пребывания его в азиатской части суперконтинента.

Особенностью формирования древнейших языков, к которым относится и китайский язык, является краткость их слов. Многие слова китайского языка, сохраняя особенности формирования древнейших языков, составлялись на стадии своего изначального формирования из одного, двух или трех звуков. И так как зачатки речи предков поздних неандертальцев и современных китайцев зарождались на основе примитивного языка синантропа, то эта их закономерность, то есть краткость и схожесть древнейших слов китайского языка и изначальные слова пратюркского языка, сохраняются и по настоящее время, что хорошо прослеживается в сравнении современных китайских слов, с одним из древнейших тюркских языков – чувашским:

китайские	чувашские	русские
мэнрэнъ	минре	дурень
айжэнь	арсын	мужчина
женьси	сынсем	люди
куайлэ	кулă	смех
канлэ	канлĕ	благодатный
мэйли	майлă	умелый
чэнху	чĕнĕ	зов
жень	сын	человек
сюнь	сун	гореть
чигу	чике	локоть
чулу (чуру)	сĕрĕ	проход (вход)
суй	сул	год
шуй	шив	вода
шэн	сĕн	побеждать
цин	чĕн	звать

пэ	пер	бросай
си	си	кушай
ма	лапа	лошадь
шу	шут	счёт
юэ	уйах	луна
ю	юхам	течение

Из приведенного сравнения количества букв или звуков в китайских, чувашских и русских словах можно сделать вывод, что чувашские и китайские слова, по количеству звуков в их словах, гораздо короче русских слов и поэтому китайский и пратюркский языки, сформировавшиеся на основе языка синантропа, можно отнести к наиболее древним языкам – в сравнении с более молодыми славянскими языками.

Вышеизложенная модель формирования слов в древних и усложнения их в более молодых языках подтверждается схемой формирования слова лошадь в китайском, чувашском и русском языках. К примеру, слово лошадь в китайском языке – «ма», а в пратюркском языке – «ша» (дикая, или песчаная лошадь), которое подтверждается тем, что окраины пустыни Гоби, где когда-то паслись табуны диких лошадей (тарпанов), китайцы продолжают именовать словом – «шасай», что в пратюркском языке означало – «долина диких лошадей». Где слово «ша» – дикая лошадь (тарпан), а слово «сай» означает – долину (местность).

Следует отметить, что китайцы в тот период не использовали своих лошадей для верховой езды, а использовали их только в упряжке (в колесницах). Пратюрки же, являясь типичными кочевниками, не могли пользоваться (при отсутствии у них проторённых дорог) громоздкими колесницами, а стали просто ловить диких лошадей и приручать их к верховой езде, что было гораздо проще и удобнее для быстрого передвижения в условиях бездорожья.

В результате одомашнивания (приручения) дикой лошади (ша), название этого животного в пратюркских языках превратилось уже в слово «алаша», или «аласа», где слово «алá» означает «рука», а слово «ша» «лошадь», и поэтому слово «алаша», или «аласа» можно перевести как «ручная лошадь». В чувашском же языке (в слове «алаша») начальное «а» редуцировалось в звук «ä», а затем и вовсе выпало из слова в такой последовательности: алаша > äлаша > лаша.

Аналогичное происхождение слова лошадь в корейском и японском языках. Лошадь по-корейски «ммари», где «мма» – это китайское «ма», то есть лошадь, а суффикс «ри» придаёт этому слову значение – приручения чего-либо. То же самое произошло и с японским словом «норитэ», которое можно перевести как слово «всадник» и как «лошадь, руководимая челове-

ком, где слово «тэ» значит «рука».

Если, в вышеприведенных языках слово лошадь образовалось от значения приручения, то в других языках сложилось в значении верховой езды на ней. Так, в некоторых тюркских языках, по этой причине, кроме слова «алаша», появилось и другое название лошади – «ат» (верховая лошадь), аналогично русским словам – конь и лошадь, имеющим одно и то же значение, при различных формах их написания.

В некоторых тюркских языках эти два слова, имеющие одно и то же значение, даже объединились в одно сложное слово, превратившись в одних языках в слово «лаша-ат», а в других, например в ногайском и азербайджанском языках, в слово «аласа-ат» (мерин, или кляча), вобрав в себя оба названия этого животного, что в русской транскрипции звучало бы как «коне-лошадь». Таким образом, усложнившееся тюркское слово «лаша-ат», несколько видоизменившись, впоследствии перешло в русский язык уже как слова лошадь и лошак.

Из вышеизложенного можно констатировать, что название лошади из древних языков переходило, все усложняясь, в более молодые языки в такой последовательности: китайское «ма» (состоящее из одного слова – лошадь) > чувашское слово «лаша», то есть «ручная лошадь» (составлено уже из двух слов – рука и лошадь) > и русское слово «лошадь» (состоящее уже из трех слов – рука, конь и лошадь), что и подтверждает древность или молодость того или иного языка.

ПРАТЮРКИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КИТАЕ

До прихода в Северо-Западный Китай монголоидные предки пратюркских племен были в основной своей массе народом примитивным, не знающим земледелия, лишенным государственной организации и не имевшим ещё даже потребности в ней. В своём развитии они находились ещё на стадии такого общественного строя, при котором богатство и знатность человека не играли решающей роли, а в человеке ценились его рост и сила, в результате чего во главе их родов в большинстве случаев оказывались потомки кроманьонцев, обладавшие, в сравнении с пратюрками, большим интеллектом, высоким ростом (до 180 см.) и необычайной силой.

Господство физической силы постепенно превратилось в обычаи и традиции пратюркских племен, сохранившиеся в течение последующих периодов их становления. В целях культивирования силы и роста пратюрки, согласно своим традициям и обычаям, ежегодно весной устраивали турниры и игрища (курултаи), где выявлялись в каждом роду самые сильные и рослые мужчины, которых именовали «паттър», то есть батыр (богатырь). И

так как каждый род стремился из своих питомцев вырастить сильных и рослых воинов, то согласно их «силовым» традициям, батырам, оказавшимся во главе их родов, разрешалось вступать в беспорядочные половые связи с любым количеством женщин рода, что подтверждается данными исторических хроник, говорящих об отсутствии у пратюркских племен семейных традиций и резком ослаблении их родственных связей. Поэтому дети у пратюрков в этот период были общими. Воспитанием их занимался весь род. Такое привилегированное положение батыров стало приводить к тому, что у предков тюркоязычных племен, по законам селекции, иногда стали появляться люди очень высокого роста (свыше двух метров), которых они называли «улыпами», то есть великанами.

Культ роста и силы у некоторых тюркских народов продолжал еще сохраняться даже в начале нашей эры. В описаниях обычаев гуннов (дальних потомках пратюркских племен) говорилось, что: «молодых и сильных у них уважают, пожилых и слабых мало почитают; сильные едят жирное и самое лучшее, пожилые же питаются остатками после них». Эти жестокие обычаи культивирования роста и силы сохранились у некоторых народов, имеющих пратюркские корни, и по настоящее время, например у якутов и японцев, в их национальной борьбе «сумо». К этой борьбе согласно пратюркским традициям допускаются самые сильные и рослые (а у японцев – самые тяжелые) атлеты, которые, как и гуннские батыры едят самое жирное и лучшее, а более слабые и новички обязаны (символически) питаться остатками после них.

На пост вождя пратюркского племени избирался наиболее сильный и решительный глава отдельного их рода и получал звание – «улу-батыр», то есть самый большой из батыров (великан). Факт того, что во главу пратюркского племени избирался самый большой из батыров (силач, богатырь) подтверждается тем, что человека, возглавлявшего гуннское кочевье (род), китаицы именовали словом «дажень», то есть «большим человеком», а верховного вождя всех кочевий (вождя нескольких родов, то есть «улу-батыра») они уже именовали словом «шаньюй», что в дословном переводе с китайского означало «гороподобный», а в переносном смысле «великан» или «великий», которое впоследствии и закрепилось в китайском языке, как титул гуннского царя, или хана.

Слово «улу-батыр» в древнечувашском (гуннском) языке произносилось как слово «улу-паттър» или сокращенно «улпът», которое первоначально имело двойственное значение и употреблялось как «вождь» и как «великан», но затем, с разложением общества на богатых и бедных, появлением племенной знати и передачей титула вождя племени по наследству, слово «улу-паттър», утратив смысловое значение силы и роста, распалось на три отдельных слова: «улап», «улпът» и «паттър». Поэтому для обозначения слова «великан» стали пользоваться словами: «улап», «улып», или «алп».

Впоследствии чуваши в своих преданиях и мифах улу-батыра (Улыпа) наделили неимоверным ростом и необычайной силой, который выполнял в их мировоззрениях роль покровителя и защитника народа (см. рис. стр. 29).

Слова же «улпӑт» и «паттӑр» (батыр) стали применяться в значении племенного «князька» или местного феодала, которые впоследствии уже перешли в современные тюркские языки, как два самостоятельных слова – «улпӑт» (феодал, барин) и «паттӑр» богатырь (батыр). То, что слова «улпӑт» и «батыр» первоначально означали феодал или барин, подтверждается тем, что чуваши в своих преданиях «О завоевании булгар монголами», записанных в 70-х годах XIX века, продолжали ещё именовать татарских феодалов «батырами»²⁷.

Оказавшись, около 3000 лет до н. э., в Средней Азии и Северо-Западном Китае потомки выходцев из Месопотамии покорили местные пратюркские племена, сложившись здесь в метисные тюрко-ираноязычные племена – серов. С глубокой древности у их предков – «ассиров», «самаритян», «сумаров» (*шумеров*) на время войны советом старейшин избирался военный правитель (полководец), которого они именовали словом – «лугаль». Согласно сохранившейся своей такой традиции, вновь сформировавшиеся здесь метисные тюрко-ираноязычные племена серов, в случае войны тоже избирали своего военачальника, титул которого стали именовать теперь уже не словом «лугаль», а тюркским словом «гун» (*хун*), ставшим означать в пратюркских языках то же самое, что и «лугаль», то есть князь или полководец.

Кроме того, пришедшие в Среднюю Азию «ассиры» (самаритяне) считали, что их предки тоже были «великанами», поэтому-то новое название «улу-батыров» – «гун», прочно закрепилось в их языке, не противореча мировоззрениям пратюрков, так и их завоевателей – «ассиров» (*самаритян*).

Таким образом, с приходом в Среднюю Азию индоиранских племен, прежнее название племенного вождя пратюркских племен – «улу-батыр» было заменено на слово «гун», что значило «князь военного времени». Сей титул не передавался по наследству и действовал только в случае войны. Впоследствии же (в степях Южной Сибири) термин «гунны» был распространен и на название части этого метисного тюрко-ираноязычного народа.

УЛЫП

Чуваши в своих преданиях и мифах наделили Улу-батыра (Ульша) невероятным ростом и необычайной силой, который выполнял в их мировоззрениях роль покровителя и защитника народа.

САМОНАЗВАНИЕ ИРАТЮРКОВ И ИХ ПРОЗВИЩА

Вторгшиеся в Северо-Западный Китай пратюркские племена, растеорявшие уже к этому периоду большинство своих европеоидных морфологических признаков, доставшихся им после смешения со степными кроманьонцами (трерами), представляли собой племена, состоящие в основной своей массе из людей монголоидного физического типа. Пратюрки до прихода на территорию современного Северо-Западного Китая были ещё в достаточной степени, как мы уже отметили выше, людьми примитивными. В своем развитии они находились ещё только на стадии формирования первобытнообщинного строя, при котором у них не было ещё ни института «отцовства», ни прочных семейных связей. Хотя они и ассимилировали в своей многочисленной среде потомков кроманьонцев, но всё же по пропорциям тела и строению головы продолжали сохранять свои монголоидные признаки, то есть во внешнем своем облике они продолжали ещё сохранять многие особенности «китайского человека» (синантропа).

Пришедшие из холодных мест пратюрки, защищая свои тела от холода, научились пользоваться одеждой, сшитой из овечьих шкур. Одежда из овечьих свежесделанных шкур, сшитая мехом наружу и обладавшая в таком виде бактерицидными свойствами, защищала их тела не только от холода, но и от различных кожных заболеваний. Такое одеяние пришельцев выглядело странным и непонятным для местных жителей теплого Китая. Такая одежда делала их сходными с обезьянами, за что предки китайцев, проживавшие в долине реки Хань, стали именовать их «дикими людьми» (еженями) или ещё обиднее – «хоуженями», то есть «обезьяньим народом», а их племенных вождей (улу-батыров) они стали именовать, не иначе, как «царями обезьян». В некоторых старинных китайских сказках и сказаниях упоминаются даже имена царей этого «обезьяньего народа», к примеру, имя такого «царя обезьян», как Су-хоу. Где слово «хоу» и значит обезьяна.

Интересно отметить, что своим самоназванием «ханьжень», переводящимся на русский язык, как – «люди с реки Хань», китайцы всячески подчеркивали перед пришлым «обезьяньим народом» свое человеческое происхождение. В течение ещё многих последующих столетий местное оседлое население этих пришельцев (кочевников) продолжало считать неполноценными людьми, придумывая им всякие обидные прозвища.

Китай в древности был окружен необразованными народами, и китайцы полагали, что и все другие народы обитавшие дальше их диких соседей, находились в подобном же невежестве, поэтому из презрения к ним они давали им прозвища, заключающих в своем смысле какую-либо насмешку (см. Н.Я. Бичурин «Ради вечной памяти», стр. 230).

Следует отметить, что праторки не мирились со столь обидными для них китайскими прозвищами. Точно так же, как китайцы именовали себя «людьми», вернее «людьми с реки Хань», так и праторки стали себя именовать то же «людьми», что на их языке звучало, как слово «сын», которое в индоиранской транскрипции звучало, как «чин», или «sin», закрепившись и в их языках, как самоназвание этих тюркоязычных племен. Из вышеизложенного можно констатировать, что изначальное самоназвание праторков – это «сын», или «sin», которое подтверждается тем, что античный астроном и географ Птолемей на своей карте древнего Мира помещает на территории современного Северо-Западного Китая народ под названием «sin», или «сины»²⁸.

Отгороженные от ближневосточной цивилизации древние китайцы даже не предполагали, что на свете могут быть люди отличающиеся своей внешностью от китайцев. Разобравшись (наконец-то) с внешностью праторков, поняв, что их волосяной покров это лишь их одежда, они стали впоследствии все же признавать, что праторки по своим внешним признакам чем-то схожи даже с самими китайцами.

Пришедшие же в степи Северо-Западного Китая, во главе праторкских племен, светловолосые и голубоглазые потомки кроманьонцев так резко отличались своей внешностью и ростом от черноволосых и низкорослых китайцев, что ввергли их в замешательство, заставив китайцев воспринять этих людей в качестве «духов», то есть, как «людей потустороннего мира».

Неопознанные существа, чем-то напоминающие своей внешностью людей, у многих народов древности зачастую олицетворялись в их языческих мировоззрениях с образами: демона, черта, дьявола, или джинна. Так, например, в русских сказках и сказаниях эти существа олицетворялись в образе демона, или чертей, а в восточных сказках и сказаниях в образе джинна. Даже в современном научно-фантастическом романе А. Беляева «Человек-амфибия», главный герой романа Ихтиандр, из-за своей внешности и непонятного для окружающих образа жизни под водой, именовался – «морским дьяволом».

Если праторкских простолюдинов китайцы именовали «дикими людьми» или «обезьяньим народом», то их племенную знать, светловолосых и голубоглазых людей, резко отличавшихся своей внешностью от китайцев, они также (как и другие народы в вышеприведенных примерах) стали именовать «дьяволами», вернее «дьяволами пришедшими из холодных мест», что в древнекитайском языке соответствовало слову «динлэн». Где, слово «ди» или «дин», означает «дьявол» (дьяволы), а слово «лэн» (лэн дэ) «холод» (холодный). В переносном смысле слово «динлэн» можно перевести, как – «холодные или северные дьяволы».

Известно, что древние арабы и персы, при упоминании светловолосых и голубоглазых жителей северных стран, затрудились определять их

конкретную принадлежность. Им казалось, что все люди белой расы – одинаковы и не различимы друг от друга. Они не могли улавливать различия между русскими, украинцами, финнами или шведами, именуя их всех одним словом – «сакалиба» или «шурави», что как на арабском, так и на языке фарси, означает одно и то же – «бледнолицый» или в переносном смысле – «северянин», или «северяне».

В русском языке тоже есть понятия «северяне» или «южане», определяющее место проживания людей южнее или севернее средней полосы России, так и у китайцев, народы, проживающие севернее китайцев, с течением времени стали именоваться не только «дикарями» или «дьяволами», но и «киданями», что в переводе и означает «северяне».

В дальнейшем мы должны иметь в виду то, что при упоминании северных соседей, китайцы в своих письменных источниках никогда принципиально не употребляли их самоназвания. Поэтому, если китайцы в своих документах перечисляют нам названия праторкских племен, именуя их племенами: «ди», «ху», «дин», «жун», «сюнну», «кидань», «туфань», «кумоси», «татань» и т.д., то это мы должны воспринимать не как самоназвания этих племен, а именно только лишь как различные китайские прозвища праторков, типа: «кочевники», «дикари», «дьяволы», «варвары», «беглые рабы», «северяне», «туземцы», «песчаные люди», «камышовые люди», «лесные люди» и т.д.

СИНЫ И СЕРЫ

Около 5000 лет тому назад произошло разрушение Босфорской природной плотины с катастрофическим сбросом воды морей «центрального Тетиса» в бассейн современного Средиземного моря, вызвав тем самым неслыханное наводнение в Ближневосточном регионе Средиземноморья.

В результате выравнивания (через образовавшийся пролив) высокого уровня «центрального Тетиса» до уровня «западного Тетиса», его акватория (простиравшаяся до этого от Босфорской природной плотины – на западе, до Джунгарского горного перешейка – на востоке) уменьшилась в несколько раз, сузившись в пределах Средней Азии до размеров Скифского, или Сарматского моря. Остатки и следы «центрального Тетиса» сохранились до наших дней, как мы уже упоминали, в виде Черного, Азовского, Каспийского и Аральского морей, а также в виде современных пустынь Средней Азии и Казахстана, представлявшими собой, около 5000 лет тому назад, песчаное дно этого огромного пресноводного водоёма, не имевшего стока в Мировой океан.

Как мы отмечали выше, «центральный Тетис» на востоке ограничивался Джунгарским горным перешейком который после обмеления «центрального Тетиса» стал играть роль гигантской природной плотины, удерживая воды морей «восточного Тетиса» от истечения в бассейн Скифского, или Сарматского моря, располагавшегося в те времена как единый водоём на месте современных: Каспийского и Аральского морей. Огромные пространства Средней Азии и Казахстана, освободившиеся из-под воды морей «центрального Тетиса», превратились, аналогично дну мелеющего Арала, в песчаную пустыню.

Сброс миллиардов кубических метров воды из бассейна «центрального Тетиса» в Средиземноморье ускорил процесс приподнятия центрально-азиатской части Евразийской литосферной плиты, в результате чего и воды морей «восточного Тетиса» постепенно стали скатываться на запад и скапливаться у Джунгарской природной плотины. Грунтовые воды «восточного Тетиса», просачиваясь через тектонические разломы и трещины Джунгарской природной плотины, стали питать реки Средней Азии. Они в тот период начинались у этой природной плотины и текли на запад – в сторону Скифского моря, что подтверждается снимками сделанными из космоса, на которых отчетливо видны русла рек, по которым (после обнажения дна «центрального Тетиса») начали течь реки Средней Азии. Начинались они у Джунгарской природной плотины – на востоке и текли на запад – в сторону бывшего Скифского моря, а не как современные реки Средней Азии – текущие с юга на север.

Западные склоны Джунгарского горного перешейка раньше всех освободившиеся из-под воды морей «центрального Тетиса», примерно к концу

II-го тысячелетия до и. э. стали осваиваться пришедшими из степей Северо-Западного Китая кочевыми пратюркскими племенами – синами, которые из-за невозможности дальнейшего продвижения на восток, перекрытого китайцами, стали перемещаться (со своими стадами) на запад – на освободившиеся из-под воды территории Средней Азии, пока не были остановлены движущимися им навстречу так называемыми в дальнейшем ираноязычными племенами, отступившими сюда из Ближневосточного региона, после случившегося там катастрофического наводнения.

Следует отметить, что к моменту прихода на территорию Средней Азии индоиранских племен только узкая полоса земли вдоль западных склонов Джунгарского горного хребта была пригодна для жилья человека, остальные же территории современных республик Средней Азии и Казахстана были заняты огромной песчаной пустыней, образовавшейся на обнажившемся песчаном дне «центрального Тетиса». Поэтому на этой узкой полоске земли осталась только часть пришедших сюда индоиранских племен с самоназваниями мар и серы. Основная же масса индоиранских племен (в том числе и часть племени мар, или мари) ушла вдоль западных склонов Джунгарского горного хребта – на север: в степи Западной Сибири и Южного Урала, где в результате смешения с «лесными людьми» (динлинами) и положили начало формированию так называемых индоевропейских (арийских) племен.

Оставшиеся в Средней Азии и ушедшие на север индоиранские племена были людьми восточно-средиземноморского (брахикранного) физического типа – выходцами из районов Плодородного Полумесяца, что были расположены на территории современных: Турции, Сирии, Ирака, Израиля, Иордании и Ирана²⁹.

Более 8000 лет тому назад, до катастрофического наводнения в областях Плодородного Полумесяца, там продолжали ещё существовать остатки самых ранних человеческих цивилизаций, возродившиеся впоследствии под названием – урукской (шумерской) культуры.

После случившейся здесь, около 3000 лет до н. э., природной катастрофы эти остатки прежних человеческих цивилизаций были частично унаследованы ушедшими отсюда на восток так называемыми индоевропейцами, или индоиранскими племенами. Урон от этого наводнения был столь значительным, что часть культуры этой цивилизации (под названием культуры Шумера) была возрождена лишь через много веков возвратившимся в Месопотамию населением.

Пришедшие в Среднюю Азию индоиранские племена, наследники шумерской (урукской) культуры, находились на более высокой ступени своего развития, чем китайцы того периода, и тем более, чем пратюркские племена – сины.

Пришлые индоиранские племена уже знали колесо. У них здесь снова

возродились зачатки письменности и металлургии. Они умели строить города и возводить неприступные крепости. Владели опытом объединения племен и их последующим государственным устройством. Умели строить ирригационные сооружения и оросительные каналы, что было особенно важным для выживания их в полупустынных условиях Средней Азии и Северо-Западного Китая.

В результате смешения пришлых индоиранских племен вначале с синами, а затем и с китайцами, их знания и культура постепенно перенимались как синами, так и китайцами, укоренившись (около 2500 лет до н. э.) в сельскохозяйственных районах долины реки Хань, как культура Луншань (см. 29, с. 42). Недаром время возникновения самых древних городов, обнаруженных при раскопках в Китае и Средней Азии, археологи относят именно к этому периоду, в том числе и среднеазиатских городов Мары и Мараканда (Самарканда).

Очевидно, основателями города Мараканда (переводящегося на русский язык как город народа мар) были индоиранские племена с самоназванием мар, или мари, которые впоследствии были вытеснены из Зеравшанской долины на запад на менее плодородные земли в среднем течении Амударьи другими, более могущественными индоиранскими племенами, именуемыми – серами, которые по названию своей знати (самар, или сумар) и переименовали город Мараканда, в город – Самарканд, что в переводе и стало означать «город жрецов», или «город знати».

Как мы установили выше, наследниками шумерской культуры Месопотамии стали ушедшие на восток индоиранские племена, которые, как и оставшиеся на Ближнем Востоке племена, сохранили многие элементы этой культуры: письменность и календарь; навыки и знания орошаемого земледелия; своды законов; религиозные верования и обычаи; умение создавать крупные общественные образования, такие, как селения, города и даже государства.

Находясь на более высокой ступени человеческой цивилизации, индоиранские племена, покорив часть пратюркских кочевых племен, сложились на территориях современных республик Средней Азии и Северо-Западного Китая в смешанные тюрко-ираноязычные (земледельческие) племена – серов.

Таким образом, если оставшиеся в Месопотамии предки серов, именовавшиеся «ассирами» или «самаритянами», образовали там государство под названием Ассирия (Сирия), то осевшие в Средней Азии их потомки стали именоваться серами, а их страна – «Серикийей», или «Серика» (см.28, с.428). В древнем же Китае среднеазиатские серы из-за отсутствия в китайском языке звука – «р» и пристрастия китайского языка к укорочению чуждых им слов, стали известными под названием мифического народа: «сэ»³⁰, или «хя»³¹, а в пекинском произношении, как народа – «ся» (см.31, с.192).

Из-за многочисленности пратюркских племен часть пришлых индоиранских (семитских) племен постепенно отуречивалась, но при этом прочно оставалась их новой ираноязычной племенной знатью.

В этот период вновь сформировавшиеся здесь племена, особенно их племенная знать и жрецы, сумели сохранить многие элементы языка и культуры индоиранских племен, в том числе и клинопись, трансформировавшуюся впоследствии в китайском и пратюркских языках в их иероглифы и пиктограммы.

Многие слова шумеро-аккадского и индоиранского происхождения проникли в этот исторический период в языки китайских и пратюркских племен. К примеру, в чувашском языке, относящемся к одному из древнейших пратюркских языков, сохранилось до двухсот слов персидского и около десятка слов шумеро-аккадского и индийского происхождения. Кроме того, в древнечувашских верованиях отчетливо прослеживаются следы древней иранской религии – маздаизма (учение Зороастра), сочетающейся с верой в единого бога (см.25, с.28).

В 2824 году до н. э., образовавшиеся на территориях современных республик Средней Азии и Казахстана, а также на землях Джунгарии (Северо-Западный Китай) города-государства серов (с выборными правителями и жрецами), объединились в государственное образование под названием «Сери́ка», или «Сери́кия». Данное событие впоследствии и было принято жрецами серов началом их летосчисления, в том числе и болгаро-чувашского календаря.

В 2600 годах до н.э. основная часть тюрко-ираноязычных серов уходит в Китай и покоряет местное китайское население, образовав в верховьях реки Хуанхэ новое царство.

Следует отметить, что проживавшие на землях Джунгарии пратюркские племена, после смешения их с пришлыми индоиранскими племенами, стали подразделяться на кочевников и оседлых земледельцев: синов и серов. Причем южную и северную часть территории Джунгарии занимали кочевые пратюркские племена синов, потомков которых китайцы первоначально именовали племенами «хуньюй», то есть просто «степными кочевниками», а впоследствии племенами «каньгюй». Средние же территории Джунгарии (долины рек Или, Зеравшана и оазисы Люкчунской котловины, удобные по всем своим параметрам для орошаемого земледелия) заняли земледельческие племена серов.

С покорением местных пратюркских племён и создания пришельцами городов-государств начинается разделение зарождающегося здесь общества: на классы и касты. Высшую ступень в иерархической лестнице здешних городов-государств занимали знать и жрецы пришельцев, которые жителей покоренных ими *диких* племен стали именовать – «турками», придавая этому слову значение – *темный, невежественный народ*.

Оставшаяся же в Турфанском оазисе и Илийской долине племенная знать серов постепенно отуречивалась, постепенно уступая свое верховенство бывшим своим подданным – «туркам», или «тюркам», передав им свои знания и культурное наследие предков.

В 2134 году до н.э. произошел раскол серов: на ираноязычных и тюркоязычных. Ираноязычные серы проживали в Зеравшанской долине, а тюркоязычные серы – в Илийской долине и Турфанском оазисе. Илийские и турфанские (тюркоязычные) серы, после отложения их от зеравшанских серов, стали именоваться «тюрками» (турками), а впоследствии, с приходом к ним беженцев из царства «Ся», «киданиями», то есть «северянами».

После затопления Люкчунской котловины основная часть «тюрков» (киданей), в 1327 году до н. э. уходит в степи Внутренней Монголии и покоряет местное население, начавшее складываться здесь примерно с XXIII века до н. э. на основе беглых рабов из Китая.

Небольшая часть ираноязычных серов осталась на незатопленных западных склонах Тянь-Шаньских гор, сложившись впоследствии в ираноязычные сакские племена, предков среднеазиатских скифов (юэчжей).

До прихода в монгольские степи киданей (тюрков) местное население именовало себя народом «халха». Название «монголь» они получили гораздо позже. Это название было принесено к ним, завоевателями их земель киданями, и связано оно с именем или прозвищем одного из сыновей Илихана – покорителя населения Халхи (современной Монголии). Слово «монгол» в пратюркских языках происходит от слова – «мән-гун» и переводится, как – «великий полководец».

Н.Я. Бичурин, ссылающийся на династийную историю Вэй-шу (История династии Северная Вэй), происхождение монгольской племенной знати относит к 1864 году до н. э. (см.31, с.231), то есть на много лет раньше того, как появились кидане в степях Монголии, тем самым тоже подтверждая не монгольское, а иное происхождение киданей. Пришедшие в степи Монголии метисные тюрко-ираноязычные племена, покорив местное население, разделились на четыре части и начали создавать здесь свои обособленные династийные Дома, о которых более подробно будет сказано, чуть позже – в следующих главах нашего повествования, потому что подошла очередь рассказать и о другой ветви тюркоязычных племен под названием сины, продолжавшей вести кочевой образ жизни в степях Джунгарии, вплоть до северных индийских княжеств.

Тюркоязычные кочевые племена синов, или как их ещё именовали китайцы – «племена хуньюй» (степные кочевники), в связи с начавшимся затоплением Люкчунской котловины (по отрогам Монгольского Алтая) откочевали за Тарбагатайский горный хребет, сложившись впоследствии на просторах Казахского мелкосопочника в сложный конгломерат тюркоязычных (огузских) кочевых племен, под названием «кангюйцы» – одних из

предков современных казахов.

Сны, как и их потомки, в отличие от серов, вели исключительно кочевой образ жизни. Древние авторы, так описывали жизнь кочевников: «Все они... кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят свою жизнь. Здесь жёны ткут им *жалкую* одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости»³². Скудные степные пространства Центральной Азии ограничивали прирост населения, поэтому в пратюркских (кочевых) племенах стимулировалась детская смертность и межплеменные войны. Современному европейцу и то и другое кажется дикой жестокостью, но в ней своя логика и строгая целенаправленность.

При присвояющем натуральном хозяйстве определенная территория может прокормить определенное количество людей. Чрезмерный прирост населения ведет к истощению природных ресурсов. Следовательно, остается только самоограничение прироста населения, а это легче всего сделать с новорожденными.

Для проверки на выживаемость пратюрки своего ребенка бросали в снег, а затем его кутали в тулуп или шкуру барашка. Если ребенок оставался жив, то вырастал богатырем; а если умирал, то через год появлялся новый сын. Когда он становился юношей – его посылали в набег на соседей. Если его убьют – *ладно*, новый вырастет, а если он привёз добычу – значит, он герой и заслуживает почестей (см.23, с.11). Разбой у пратюрков считался не преступлением, а проявлением удалства и племенной доблести. Набеги совершались не только с целью получения добычи, но также для того, чтобы показать свою храбрость.

Женщинам-кочевницам, занятым многочисленными хозяйственными заботами, не приходилось особенно нянчиться со своими детьми. В «*Великой степи*» женщина выполняла все домашние работы и была владелицей дома: мужу же принадлежало только оружие, ибо ему полагалось умереть на войне.

Перед «культом закаливания ребенка морозом», пратюрки резали барашка и в свежесделанную овчину, обладающую бактерицидными свойствами, заворачивали ребенка. Для того чтобы грудной ребенок не выпадал из колыбели при сильной тряске и случайном опрокидывании кибитки, а также чтобы он не переворачивался в колыбели и не задохнулся от этого, ребенка привязывали к колыбели лицом кверху. Фиксация положения тела и головы ребенка приводило к деформации черепа, отчего затылок ребенка становился плоским. Плоский затылок стал в дальнейшем отличительной особенностью некоторых пратюркских племен. Обычай формирования плоского затылка (аналогично формированию, в недалеком прошлом, маленькой ступни ног знатных китайцев) сохраняется, в некоторых районах Средней Азии и по настоящее время.

В эпоху Луншань, с приходом в Среднюю Азию и Северо-Западный Китай индоиранских племен, произошло смешение пратюркских племен, людей монголоидного физического типа, с ираноязычными племенами, людьми европеоидного (восточно-средиземноморского) физического типа, сложившись здесь в тюрко-ираноязычные племена – «тюрков» (киданей). Внешне представители этих метисных племен (кидане, или турки) стали напоминать современных узбеков³³, а их племенная знать – «серы» (выходцы из Месопотамии) – таджиков Самаркандской области Узбекистана. Кочевые же племена синов, именуемые китайцами «хуньюй» (степные кочевники), менее подвергшиеся метисации с пришлыми индоиранскими племенами, сумели сохранить свои пратюркские (монголоидные) морфологические признаки, а в языке – отсутствие звука «р». Внешне они напоминали современных казахов.

Основным божеством некоторых индоиранских племен, пришедших в Среднюю Азию из районов Плодородного Полумесяца, был бог солнца. Цари предков шумер и египтян считались сыновьями бога солнца. Вероятно, первые их цари были шатенами, то есть брахикранного (рыжего) физического типа, цвет волос которых отождествлялся с золотистым цветом солнечных лучей. Поэтому первые цари шумер и египтян (если они не были рыжеволосыми), имитируя золотистый цвет, прикрывали свои бороды золотым футляром, а их знать, чтобы подражать своим царям, красили свои бороды хной. Этот обычай крашения бороды в рыжий цвет, сохранялся у индоиранских племен, вплоть до прихода их в Среднюю Азию и Северо-Западный Китай.

О том, что племенная знать серов – «самаритяне» (самары, или сумары) принадлежали к европеоидному (брахикранному) типу людей, подтверждается рассказами цейлонских послов. Согласно их словам, серы – рослые и рыжеволосые люди, живущие за Гималаями³⁴. Территория, на которой жили серы, согласно сводке сделанной Томсоном, простирается от Кашгара до Северного Китая (см.28, с.428). Эта территория, как мы уже отмечали выше, по утверждению китайцев, была занята – мифическим народом «ся», которых мы имеем право отождествить с серами, а впоследствии и с «ираноязычными сакскими племенами» (потомками «*зеравианских серов*», уцелевшими после «*потоп*» на западных склонах Тянь-Шаньских гор): как по территориальному, так и по морфологическим признакам (см.34, с.19).

ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ ПЛЕМЕНА В КИТАЕ И ИХ ИЗГНАНИЕ

Пратюркские племена сформировались путем постепенной деградации «китайского человека» (синантропа) – в позднего неандертальца. Вследствие этого пратюркский язык первоначально был, как мы уже подметили выше, сходным с языком «китайского человека», в котором, как и в современном китайском языке, отсутствовал звук «р».

Так как в языках китайцев и пратюрков отсутствовал звук «р», то китайцы при произношении чуждых им слов, меняли звук «р» на звук «л». Это пристрастие китайского языка, к замене звука «р» на «л», сохраняется и по настоящее время. Пратюрки же при произношении чуждых им слов меняли звук «р» на звук «з», кроме того, они меняли звук «у» на звук «а», звук «х» на «к». Такая замена звуков одного языка на звуки другого называется *ротацизмом*.

К примеру, если в современных *тюрко-огурских* языках слово *бык* – «огур» (*байкър*), то в *тюрко-огузских* языках оно меняется на – *огуз*. Слово *хёр* (девушка) превращается в – *кыз*, слово *хур* (гусь) – в слово *каз*, слово «хуран» (котёл) – в *казан*, а слово *хурах* (разбойник) превращается уже в слово – *казак* и т. д.

Пратюркский язык синов, который впоследствии стал именоваться огузским и смешанный тюрко-иранский язык киданей, или тюрков который получил название – огурский, стали отличаться друг от друга лишь изменениями труднопроизносимых звуков в их словах. К примеру, в огузских языках слово *бык* «огуз», а в огурских языках оно уже превращается в «огур», поэтому-то и делят тюркоязычные племена на «огуров» и «огузов».

В середине III-го тысячелетия до н. э. серы вторглись на исторические земли китайцев. Здесь они во главе высокорослых и мощных людей европеоидного физического типа, владевших многими достижениями цивилизации того периода, стали захватывать и подчинять разрозненные племена оседлых китайцев, постепенно заняв главенствующее положение и среди китайцев, превратившись впоследствии в их царскую династию «Ся», правившую Китаем, согласно китайским легендам, примерно с 2600 года до н. э. (см.34, с.12). Царство «Ся» владело здесь областью Хэнань и юго-западной частью Шаньси.

Как мы уже отмечали выше, пришлых пратюрков (синов) китайцы первоначально именовали, за их странное одеяние и непонятный их образ жизни, не иначе как «дикими людьми» или «дьяволами». Следует отметить, что самоназвание пратюрков «сын» еще в глубокой древности превратилось (в китайской транскрипции) в слово «дин», в такой последовательности: «сын» > «дзин» > «дин». Где слово «дин», став китайским прозвищем синов, и стало в их языке означать «дьявол». В других же восточных языках

слово «сын» (дзин), превратилось в слово «джинн» и стало тоже, аналогично китайскому, означать «дьявол», или «дьяволы».

Пришедших же позже и осевших в Северо-Западном Китае серов, красивших свои бороды в рыжий цвет, китайцы стали, в отличие от синов, именовать уже «рыжеволосыми, или рыжебородыми дьяволами»³⁵.

В результате этнического смешения китайцев с серами у китайцев стали встречаться высокие носы и пышные бороды, что было необычным для внешности местного китайского населения. Так, по Грумм-Гржимайло, многие китайские императоры, вследствие этого, имели орлиный профиль и пышную бороду. Точно также описана внешность многих героев в знаменитой хронике «Троецарствие». Один из них, рыжебородый Сюнь Цюань, даже именуется «голубоглазым отроком» (см.34, с.18), что подтверждает наше утверждение о том, что первая царская династия Китая – это пришлая династия завоевателей.

Новая племенная знать передала китайцам не только часть своей шумерской культуры, но принесла в среду китайцев также: письменность, календарь и часть своей разговорной речи, превратившуюся впоследствии в смешанный язык китайской аристократии и их чиновничества.

Прообразом китайского календаря летосчисление которого начинается с 2637 года до н. э. был более древний календарь серов, летосчисление которого начиналось 2824 годом до н. э., то есть календарь серов на 187 лет старше китайского. Некоторые исследователи 2637 год до н. э. считают датой основания в Китае царства «Ся» тюрко-ираноязычными завоевателями. О том, что у истоков становления китайской государственности стояла династия «Ся», не отрицает даже столь скептический исследователь китайской древности, как Латтимор. Признавая легендарность рассказов о «Ся», Латтимор считает, что эта династия действительно существовала и в древности «Ся» значило то, что мы теперь называем, Китаем (см.34, с.13).

С появлением письменности произошло разделение китайского языка: на чиновничье-аристократическую, именуемую «гуан-хуа» (см.31, с.166), фиксирующуюся и сохраняющуюся с помощью письма, и на устную разговорную речь простолюдинов и рабов, речь которых не была постоянной, изменяясь в следующих поколениях, в зависимости от преобразований и изменений в низших слоях китайского общества. В чиновничье-аристократическом письме «гуан-хуа» было больше заимствованных индоиранских слов, чем в языке китайских простолюдинов.

К середине III-го тысячелетия до н. э., между государством «Ся» и пратюркскими племенами синов, оставшихся кочевать на юге Джунгарии, возникли серьезные разногласия. В 2600 годах до н. э. «жёлтый император» (рыжеволосый император) царства «Ся» предпринял поход против бывших своих союзников – синов, изгнав их с верховьев реки Хуанхэ в степи и лесистые горы Джунгарии. Пленных же кочевников китайцы царства «Ся»

стали обращать в государственных рабов, используя их труд для рытья каналов и возведения многочисленных дамб.

Китайское население длительное время не признавало главенства над собой династии завоевателей, именуя их «жёлтыми или рыжебородыми дьяволами». Последний правитель династии «Ся» по имени Цзе-Куй отличался страшной жестокостью. Среди местного населения зрело недовольство чужеземными правителями и бесчинством их военных дружин. Это закончилось тем, что в конце XVIII-го века до н. э., в результате дворцового переворота, вместо династии «Ся» утвердилась китайская династия «Шан»³⁶.

При династии «Шан» Китай превратился в настоящее рабовладельческое государство: с наследственной властью и аристократией. С этого времени начинаются гонения на потомков серов и их тюрко-ираноязычных подданных, которых повсеместно стали обращать в государственных рабов. Эти гонения продолжались, то утихая, то возобновляясь в течение нескольких веков и закончились страшной трагедией при китайском правителе Ши Минь, когда он приказал перебить всех китайцев с возвышенными носами и пышной бородой и тем самым навсегда избавить Китай от людей иной расы (см.35, с.15).

Тюрко-ираноязычная аристократия и военная знать из династии «Ся» вынуждены были, по этой причине, бежать (вместе со своим царём, умершим в изгнании) за пределы Китая. Так, например, в 1797 году до н. э., вельможа царства «Ся» по имени Гун-Лю, попавший из-за своей внешности тоже в опалу, бежал вместе со своими соплеменниками на запад.

Бежали они к родственным турфанским серам, которые ещё продолжали проживать, не смешиваясь с китайцами в долинах Турфанского оазиса. Жителей Серикии, проживавших в оазисах Турфана, китайцы издревле именовали племенами «дин» или «ди», что было не самоназванием серов, а их китайским прозвищем, имевшим в китайском языке, как мы уже упоминали выше, двойственное значение: и как «дьяволы», и как «северяне».

Оказавшись на землях Турфана, пришедшие с полководцем Гун-Лю китайцы из династии «Ся», образовали небольшое княжество и стали здесь властвовать самостоятельно, в независимости от Китая³⁷. Местность же, где проживали племена «ди», они стали именовать «дидань», ставшую означать у них «край северян», то есть край или страну племен с названием «дин» или «ди». Слово «дидань», или «кидань» затем было распространено и на название всего населения Турфанского оазиса. С течением времени, по сообщениям китайских источников, пришедшие с Гун-Лю китайцы из династии «Ся» полностью растворились в среде «варваров», ничем не отличаясь от них внешне (см.34, с.13).

Если прежде китайцы этих своих северо-западных соседей именовали «жунами», то есть просто «варварами», то теперь они их именовали также и «диданями», или «киданями», то есть уже в более благожелательном значении – «северяне», которое подтверждается тем, что слово «кидань» и в

современном китайском языке продолжает нести понятия: «холодный», «студёный», «морозный»³⁸.

К моменту прихода к власти династии «Шан» в Китае уже было несколько десятков тысяч государственных рабов, занятых на всевозможных общественных работах. Большое количество рабов в этот период бежало на север – в пустыню Гоби, откуда их уже не могли достать китайские власти.

После того, как была низвергнута чужеродная династия «Ся», Шун Вэй (сын царя Цзе-Куя, последний отпрыск из этой династии) с семейством и подданными бежал в 1764 году до н. э. в пустыню Гоби – к беглым рабам, а оттуда ещё дальше на север – в степи Южной Сибири (см.37, с.40).

Таким образом, к середине XVIII-го века до н. э. в пределах Средней Азии и Северо-Западного Китая сложились три ветви тюркоязычных племен и народов.

Первые две ветви складывались на северо-западе Китая на основе кочевых и земледельческих племен синов и «тюрков». Их антропологические типы были схожими (как мы уже подметили выше) с современными казахами, узбеками. Ираноязычная же племенная знать Серикии, в отличие их подданных, напоминала современных таджиков Самаркандской области Узбекистана.

Третья их ветвь (на основе плененных пратюрков) формировалась первоначально внутри самого Китая, а впоследствии в степях и полупустынях Внутренней Монголии на основе беглых рабов из Китая. Их антропологический тип был первоначально сходным с казахским, но в дальнейшем из-за сильного китайского влияния стал весьма схожим с современным монгольским типом.

Итак, пратюркские племена продолжили свое формирование путем принятия в свою среду: первоначально ираноязычных племен, а впоследствии еще двух волн изгнанников из Китая.

Заслуга джунгарской (северо-западной) ветви тюркоязычных племен, сложившихся на основе культуры пришлых индоиранских племен, заключается в том, что они сумели сохранить для потомков свою письменность и календарь серов. Заслуга же северной (монгольской) ветви пратюркских племен, сложившихся на основе беглых рабов из Китая, заключается в том, что они сумели (предводимые Шун Вэйем) перебраться через пустыню «песчаное море Гоби», на север, то есть, открыли Сибирь, как и их современники финикийцы, научившиеся плавать по морю, открыли Европу. Оба этих открытия были важны для судеб грядущей истории, и трудно сказать, какое из них было более значительным? (см.34, с.24).

Северо-западная (джунгарская) ветвь тюркоязычных племен подразделялась на две группы племен: синов и киданей (тюрков). С течением времени китайцы стали считать синов людьми своей расы, а киданей (тюрков) относили к иному физическому типу, то есть к европеоидам, именуя их

«киданиями», то есть «северянами».

В результате многочисленных войн и набегов кочевые «з»-язычные праторкские племена синов (за период «тысячелетней войны» китайцев со своими северными соседями) были изгнаны из Китая или же обращены в государственных рабов. Племена же тюрко-ираноязычных турфанских серов были для китайцев более крепким *«орешком»*, занимая обширные в те времена оазисы Люкчунской котловины (Турфанской впадины). Здесь они в результате смешения с китайцами из династии «Ся» стали именоваться киданями, или «турками».

Кидане, будучи независимыми от Китая, сумели сохранить свою самобытность, смешанный тюрко-иранский (огурский) язык и некоторые элементы индоиранской культуры; их солнечный календарь и их клинопись (пиктограммы).

ПОЧЕМУ У КИТАЯ ТАК МНОГО НАЗВАНИЙ?

Как известно, Китай и Индию (юго-западного соседа китайцев) разделяют непроходимые горные системы Гималаев. С севера, отгораживая китайцев от их соседей, окружают непроходимые прежде пустыни Центральной Азии. Единственным связующим звеном Китая с «западным миром» в течение многих веков были «Джунгарские ворота», образовавшиеся между горными системами Тянь-Шаня и Алтая. Вторгшиеся же в Северо-Западный Китай праторкские племена нарушили это связующее звено – между Китаем и их западными соседями, изолировав китайцев от остального мира (см.34, с.10). Проследим, каким же образом приход праторкских племен в Северо-Западный Китай повлиял в дальнейшем на многочисленность названий Китая.

Северо-западные территории современного Китая, занятые племенами синов и серов, с древнейших времен именовались: «Сина» и «Серика». После же принятия в свою среду первой волны беженцев из Китая (во главе с вельможей Гун Лю), земли Турфанского оазиса и Илийской долины стали именоваться «краем или стороной киданей».

Следует иметь в виду то, что первоначально слово «кидань», или «кидане» не означало название какого-либо конкретного народа, а было лишь очередным обобщённым китайским прозвищем различных племен, проживавших за северными границами Китая тех времён, то есть китайское значение слова «кидане» в древности соответствовало понятию «северяне».

После же переселения потомков серов (тюрков) из Джунгарии в степи Внутренней Монголии и смешения их там с потомками беглых рабов из Китая, прежнее нарицательное название жителей Северо-Западного Китая «кидань», или «кидане» становится самоназванием сформировавшихся в

степях Монголии некоторых тюрко-ираноязычных племен.

Многовековая изоляция китайцев от Индии и западной цивилизации существенным образом повлияла на то, что их ближайшие соседи, а с ними и остальной «западный мир», *позабыв* о том, что племена синов и серов – это лишь «пришлый народ», стали ошибочно считать их коренным населением Китая.

Так, например, юго-западные (ближайшие) соседи синов – индийцы, по самоназванию синов – «sin» (сын), стали именовать Китай слегка искаженным в индийском языке словом «Чин». Затем самоназвание пратюрков «sin» (сыны) переходило, все больше искажаясь, во многие другие языки: во французский язык как слово «Шин», в персидский «Чин», а в немецкий «Хин» (Hina). Английское же название Китая «Чайна», исключение из правил, образовавшееся уже позднее из слова «чай» или «ча», и переводящееся с китайского, как «чайный лист», а вернее, как «молодой чайный листок».

Практически без существенного искажения самоназвание пратюрков «сын» сохранилось в названии Китая у соседствовавших когда-то с ними сакскими племенами (*это потомки серов, уцелевшие после «потопа», на западных склонах Тянь-Шаньских гор*), от которых затем перешло через несколько веков и к народам бывшего Туркестана (в том числе и к предкам современных турков), входивших в те далекие времена в состав Парфянского царства. Так, в турецком языке слово Китай и по сей день продолжает сохраняться, как слово «Gin»³⁹, аналогично первоначальному самоназванию пратюрков «sin» (сын), то есть «человек», а местность, где когда-то проживали пратюркские племена синов, продолжает именоваться тюркскими народами словом «Синьцзян», то есть стороной или краем пратюркских племен с самоназванием – сыны. Где слово «Синьцзян», аналогично чувашскому слову «Сынень», означает «край или страну людей», в отличие от китайского означавшего в древности «страну дьяволов, рабов и варваров». Современные же китайцы слово «Синьцзян» все чаще употребляют в значении «Западный край». В русский и некоторые другие славянские языки слово «Китай» пришло от китайского прозвища турфанских серов – «кидань», проживавших севернее синов, отгородивших китайцев от внешнего мира и с этой стороны. От пришедших из Средней Азии в Европу скифов, слово «кидань» (дидань, или китань) затем и перешло в русский и некоторые другие славянские языки как слово «Китай».

Сами же себя китайцы называют «ханьжень», то есть «людьми Хань», а свою страну именуют совсем по-другому – «Чжаньго», то есть «Срединным государством», не связывая свое название (как это делают другие страны) с самоназванием народа.

Кроме того, у китайцев есть еще и другие названия их страны, возникшие оттого, что китайское государство издревле не имело своего постоянного названия, а получало его от названия царствующего Дома (дина-

стии). Такая традиция была положена ещё в глубокой древности легендарной династией «Ся», правившей Китаем в третьем тысячелетии до н. э., и давшей Китаю её первоначальное название – «Ся». С этого времени в названиях Китая фигурируют лишь названия их правящих династий.

Если Китаем, скажем, правила династия Хань, то он именовался империей Хань, а если у власти была династия Цинь, то Китай уже именовался империей Цинь и т.д.

Утверждение некоторых исследователей о том, что название Китая «Чин» пришло в индийские и иранские языки из названия китайской империи Цинь – не соответствует действительности, потому что царство Цинь только в 231 году до н. э., объединив разрозненные китайские княжества, превратилось в империю, а Птолемей на много веков раньше (до возникновения империи Цинь) уже помещал на территории современного Китая – синов, то есть тогда, когда даже царства Цинь, а тем более империи Цинь просто ещё не существовало. Это утверждение подтверждается и тем, что «китайского человека», костные останки которого были обнаружены при археологических раскопках в Китае, стали именовать не «циньюантропом», а всё же, по Птолею «синантропом».

Из вышеизложенного, мы вправе утверждать, что название Китая – «Чин» пришло в индийские и персидские (иранские) языки от названия тюркоязычных (огузских) племен с самоназванием «сын» или «синь», отгородившие Китай от Индии и остального Мира.

Мы обратили внимание читателей на множество названий Китая, имея в виду то, что это обстоятельство оказало сильное влияние впоследствии на появление такого же множества названий и у тюркоязычных народов. Это происходило потому, что один и тот же народ в различные исторические периоды именовался по-разному, в зависимости, как и у китайцев, от имени находящегося у власти хана или царствующего Дома, или даже от имени старейшины рода.

ОТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАБОВ КИТАЯ К МОНГОЛО-ТАТАРАМ

Для начала проследим вкратце, каким же образом менялись прозвища пратюркских племен, присвоенные китайцами тюркоязычным племенам Джунгарии и Северо-Западного Китая.

В древности китайцев интересовали лишь внутренние проблемы. Считая свою страну избранную самим богом «Поднебесной», они на окружающие их народы не обращали никакого внимания, пока те сами не вынуждали их к этому.

Вначале, как мы уже отмечали, китайцы именовали своих северо-западных соседей унижительно – «дикими людьми», «варварами» или «дья-

волами». По мере изменения политической ситуации в Китае менялось и отношение их к соседним народам, что затем, как правило, отражалось в новых переименованиях прозвищ тюркоязычных племен, даваемых им китайцами.

Аналогично тому, как древние римляне не удосуживались именовать соседние народы их самоназваниями, а именовали лишь обидными различными прозвищами, так и китайцы именовали своих северо-западных соседей первоначально «дикими людьми», а перед началом «тысячелетней войны» китайцев с «дикими народами» (по китайской мифологии – это 2600 год до н. э.) они их именовали уже «жунами», то есть (как и римляне) просто – «варварами».

Когда же часть пратюркских племен, успевшая осесть в Северо-Западном Китае, была истреблена, и «тысячелетняя война» была перенесена на земли кочевников, то китайцы жителей воюющих против них стороны стали именовать «туйфанями», или «туфанями», то есть просто «туземцами», опять же без упоминания самоназвания этих племен.

Как мы уже отмечали выше, тюркоязычные племена с течением времени стали подразделяться: на оседлые (огурские) и на кочевые (огузские) племена. После этого и китайцы стали их подразделять на кочевые и оседлые племена. Пратюркские племена синов, кочевавших в степях Северо-Западного Китая, они стали именовать племенами «хуньюй», то есть «степными кочевниками», а земледельческие племена турфанских серов принявших в свою среду беженцев из династии «Ся», они стали именовать не только «киданями» (северянами), но также и племенами «ханьюнь», то есть «китайскими отщепенцами». Где слово «хань» значит «китаец», а слово «юнь» – «отщепенец» или «беженец».

Такие китайские исторические традиции, когда в течение нескольких столетий не упоминаются самоназвания тюркоязычных соседей Китая, а фигурируют лишь их китайские прозвища, сильно усложняет и вносит путаницу в определение принадлежности соседей Китая к тому или иному этносу. В течение длительного времени европейцы считали, что эти китайские прозвища и есть самоназвания народов, заселявших Северо-Западный Китай. Поэтому при использовании китайской терминологии (когда они один и тот же народ в различные исторические периоды именуют по-разному) мы должны помнить, что все эти китайские прозвища относятся не к разным народам, а к тюркоязычным и ираноязычным потомкам – синов и серов.

С централизацией китайского государства начались многочисленные войны между китайцами и их северо-западными соседями – пратюркскими племенами.

Аналогично тому, как в древней Руси крестьян, попавших в зависимость от государственных властей, пренебрежительно именовали «простолюдинами», а впоследствии «смердами» (черню, мужичьём), так и китай-

цы, трансформировав на свой лад самоназвание праторков «*sin*» (сын), то есть «человек» (люди), стали их именовать не словом «*sin*», а искажённым в их языке словом «сюн», что у китайцев первоначально было синонимом дикости и невежества пленённых кочевников, превратившись впоследствии уже при династии Чжоу (в X веке до н. э.) в синоним невольника или раба, аналогично постепенному превращению «смердов» в крепостных крестьян феодальной Руси.

Когда же у китайцев появились и беглые рабы, то их стали именовать «сюнну», что уже в языке китайцев, стало означать «злой невольник» (см.34, с.34), «злой беглый раб»⁴⁰, или просто – «разбойник», точно так же, как беглых крепостных крестьян России, тоже стали именовать «казаками» или «разбойниками».

Следует отметить, что к моменту прихода праторков в Северо-Западный Китай современные территории Внешней и Внутренней Монголии продолжали еще представлять собой безжизненные пустыни.

Недавно освободившееся из-под воды песчаное дно одного из многочисленных морей «восточного Тетиса» (именуемое здесь «Таёжным морем») (см.34, с.26), стало только около 10 тысяч лет назад покрываться растительностью, постепенно превращаясь из пустыни в безлюдные степные пространства Центральной Азии, потому что китайцы сюда не стремились, так как степная жизнь не соответствовала житейским навыкам оседлых китайцев, а праторкские племена в процессе своей миграции на восток до этих мест пока ещё просто не добрались.

Аналогично тому, как в 1251 году до н. э. (по другим источникам в 1224–1204 годах до н.э.), порабощённые египтянами евреи через Сирийскую пустыню ушли из рабовладельческого Египта на свои прежние «Земли обетованные», так и государственные рабы Китая (сюнну), спасаясь от своих порабощителей, в массовом порядке стали уходить в XXIII–XII веках до н. э. в труднодоступные места Монголии, а оттуда ещё дальше на север – в прибайкальские степи.

Известно, что из латинского языка древних римлян возникли современные романские языки, которые сформировались в тот период, когда римские легионеры, размещенные в Галлии, Испании и Румынии, стали смешиваться с местным населением. Грубые римские солдаты, конечно, не владели утончённым литературным языком Горация, у них был свой разговорный (вульгарный, блатной) вариант латинского языка. На основе этой «народной» (вульгарной) латыни и возникли впоследствии современные романские языки Западной Европы⁴¹.

Праторкский язык государственных рабов Китая, ввиду многовекового их порабощения китайцами, аналогично формированию романских языков Западной Европы, испытал довольно сильное влияние: конечно же, не со стороны утончённого официального языка китайской знати, а со сто-

роны «вульгарного» (народного) языка китайских простолюдинов. Поэтому, к моменту начала исхода государственных рабов из Китая, их язык уже существенным образом отличался от пратюркского языка своих предков – синов, вобрав в себя заимствованные слова народного (вульгарного) варианта китайского языка, сложившись впоследствии, в зависимости от той или иной меры смешения их языка с китайским, в древнемонгольские языки беглых рабов из Китая.

Известно, что у каждого языка имеются свои пристрастия. И порой происходят странные изменения в звучании слова, когда оно заимствуется одним языком из другого, искажая это слово: в одних языках до смешного, а в других – просто до неузнаваемости.

Каким же образом, пратюркский язык государственных рабов Китая, перерождался впоследствии в монгольские и другие языки? – удобнее всего показать на примерах: немецкого, японского и чувашского языков.

Для начала рассмотрим некоторые случаи и ситуации, возникающие при разговоре немцев на русском языке, и допускаемые ими при этом искажения русских слов. Для этого откроем «Капитанскую дочку» А.С. Пушкина на той странице, где генерал-немец Андрей Карлович разговаривает с Петрушей, прочитав письмо его отца: *«Поже мой!– сказал он. Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был ещё твоих лет, а теперь вот уши какой у него молотец! Ах, фремя, фремя!»* (см.41, с.45).

Дело здесь в том, что немцам трудно различать твердые и мягкие согласные. Поэтому они вынуждены при разговоре на русском языке изменять мягкие согласные на твердые, что, кстати, происходит и в чувашском языке. К примеру, слово «базар» в чувашском языке произносится, как «пасар», слово «башмак» превращается в «пушмак», слово «бахча» произносится, как «пахча», а слово «жаль» превращается в «шель», то есть в чувашском языке, как и в немецком, происходит замена мягких согласных на твердые, что, вероятно, происходило и с пратюркскими языками государственных рабов Китая при заимствовании ими слов китайского языка.

Очень заметны искажения заимствованных слов в японском языке. А дело здесь в том, что в японском языке нет звука «л» – его заменяет «р». Во-вторых, японское слово (как и итальянское) не может кончаться на согласном. В-третьих, в японском нет звука «в», но есть звук «ф», с которым сочетается только один (единственный) звук – «у». Вследствие этого, к примеру, слово «матрос», заимствованное из европейских языков, превращается в японском в «мадоросу»; английское слово «айс-крим» (мороженное) в японском языке звучит, как слово «айсукуруиму»; русская фамилия «Леонтьев» превращается в японское «Реонтиёфу», а украинский город «Львов» оказывается уже городом с названием «Рифуофу», искажившись в японском языке до неузнаваемости.

Если в японском языке отсутствует звук «л» и его заменяют на «р»,

то в китайском языке, наоборот, отсутствует звук «р» и его заменяют на «л». Кроме того, китайский язык не имеет изменения в словах по окончаниям, и, сверх того, в китайском слоге (из-за невероятной древности их языка) не могут быть более двух или трёх звуков, вследствие чего инородные (чужие) слова в китайском произношении обезображиваются (как и в японском) просто до неузнаваемости (см.31, с.313). Приведём для этого примеры того, как искажаются русские слова в произношении китайского уличного торговца, когда он пытается говорить на русском языке:

- 1 Эдин лю-ди бо-ли-ше-лэ.
- 2 Ти-би, бу-ли-я-ти-л я не ш-на-лэ (ше).
- 3 Ти-би ду-ва-л гао-ху-да хо-ди?
- 4 Ву-чи-ла бо-ли-ше-лэ.
- 5 Я ся-кэ ду-в-л е-сы.
- 6 Ху-лао-ши ду-ва-л э-дай.
- 7 Ли-ши-ка ня-бу-ло-си.
- 8 Бу-ляо-ма цай-на гао-ву-ли.
- 9 Ти ма-ла, ма-ла бу-ли-бей-вэй.

Поняли ли вы что-нибудь из этого? Вот вам буквальный смысл того, что он хотел сказать:

- 1 Один человек пришёл.
- 2 Тебя, приятель, я не знаю.
- 3 У тебя товары, когда придут?
- 4 Вчера пришли.
- 5 Я (у меня) всякой товар есть.
- 6 Хорошего товара подай.
- 7 Лишка не проси.
- 8 Прямую цену говори.
- 9 Ты мало, мало прибавь.

Принципы превращения пратюркского языка в монгольские языки государственных рабов Китая, можно показать и на примере чувашского языка, сохраняющего, как и вышеперечисленные языки, склонность к изменению заимствованных слов чужого языка.

В чувашском языке, как и в японском, есть такие заимствованные слова, в которых практически изменяются все входящие в состав слова звуки, искажая эти слова до неузнаваемости. Если в японском языке таким характерным словом является слово «Рифоуфу» (что означает, в японском произношении – город Львов), то в чувашском языке к таким словам, в первую очередь, можно отнести слово «хурах» (разбойник), от которого впоследствии и образовалось (у «з»-язычных огузских племен) слово «ка-

зак». Действительно, если в слове «казак» заменить (согласно вышеприведённым принципам ротацизма) звук «к» на «х», «а» на «у», «з» на «р», то оно и превратится в неузнаваемое (даже родственными чувашам по языку – татарами) слово – «хурах». В чувашском языке слова «хурах» и «казак» – синонимы. Оба эти слова в современном чувашском языке означают одно и то же «разбойник».

Из вышеприведённых примеров заимствования чужих слов: немецким, японским, китайским и чувашским языками выяснилось, что заимствованные слова из чужих языков претерпевают значительные искажения.

И если таких заимствованных слов окажется слишком много, то может образоваться новый язык, что очевидно и произошло с праторкскими языками государственных рабов Китая, при заимствовании ими китайских слов. Поэтому-то язык государственных рабов Китая стал отличаться от праторкского языка синов, положив начало формированию на его основе, а также «вульгарного» (народного) языка китайских простолюдинов – монгольских языков.

Следует отметить также и то, что сложившиеся впоследствии в степях Монголии и юга Сибири народы, заимствовали не только китайские слова. В их среду в этот период в значительной мере проникли и элементы китайской культуры. К примеру, многие музыкальные инструменты китайцев сохраняются у тюркоязычных народов и по настоящее время. Довольно ощутимое сходство китайских и чувашских песенных мелодий подтверждает эту же мысль.

Часть беглых рабов из Китая, не сумевших преодолеть пространства «великой песчаной пустыни Гоби», осталась проживать в суровых условиях пустынных и полупустынных местностей Монголии, расселившись вблизи сохранявшихся еще в тот период многочисленных водных остатков морей «восточного Тетиса», поросших сплошными камышовыми зарослями.

Беглых рабов, скрывшихся от китайцев в песчаных пустынях, стали именовать «кумоси», то есть просто «песчаными людьми», исходя из слова «кумсын» (песчаный человек), где слово «кум» означает «песок», а слово «сын» – «человек» (люди).

Часть из этих беглецов селилась вблизи озер, скрываясь от китайских властей в камышовых зарослях, отчего их здесь стали именовать также и «камышовыми людьми» – «татаями», или «татанями» (см.31, с.289). Где, слово «тат», означает «камыш» (тростник), а слово «ай» (ввиду того, что первые беглые рабы были, в основном, людьми мужского пола) означает «мужчина», которое подтверждается тем, что слово «ай» сохраняется в китайском языке в сложном слове «айжень» (мужчина), а слово «татами», как «камышовая циновка», покрывающая пол в жилище у японцев.

Тюркоязычные (огурские) племена, отгороженные от китайского влияния кочевыми тюркоязычными (огузскими) племенами синов, ещё дол-

гое время сохраняли свою независимость и свою шумерскую культуру, но в XIV-XIII веках до н. э. они вынуждены были уйти из своих «насиженных» мест, из-за начавшегося затопления Люкчунской котловины (Турфанской впадины).

Часть «р»-язычных киданей (метисные потомки серов) ушла на север, где и смешалась с обитавшими в верховьях Иртыша динлинскими племенами савиров (сабиров) (см.25, с.27), сложившись впоследствии в одного из наших предков, о которых более подробно будет сказано в последующих главах нашего повествования.

Основная же масса тюрко-ираноязычных потомков серов (которых китайцы, в различные исторические периоды именовали по-разному, в том числе и «жунами», то есть просто «варварами») во главе со своим князем Шань-фу, в 1327 году до н. э. была вынуждена уйти на возвышенные места современной Внутренней Монголии, а оттуда (через 300 лет) на территорию Китая, поселившись в современном Шэньси – у горы Цишань (см.37, с.67).

Пришедшие на территорию современной китайской провинции Шэньси потомки турфанских серов (кидане) – люди европеоидного физического типа, вскоре полностью растворились в многочисленной среде черноголовых китайцев – людей монголоидного физического типа, положив начало здесь китайской династии – Чжоу (см.37, с.41).

То, что тюркоязычные выходцы из Турфана (кидане), поселившиеся в Северном Шэньси, были действительно людьми европеоидного физического типа, подтверждается такими высказываниями Грумм-Гржимайло: «В то самое время, когда ахейцы разоряли Трою, а предки хуннов пересекли Гоби, чжоуский царь Вэнь-ван, силами белокурых варваров (жунов), совершал завоевания между морем (имеется в виду Жёлтое море) и Тибетским нагорьем» (см.35, с.69).

Пришедшие в степи Внутренней Монголии кидане (метисные потомки серов) столкнулись здесь, с пришедшими туда ранее (в XXIII–XVII веках до н. э.) – «песчаными» и «камышовыми» людьми, то есть с потомками беглых рабов из Китая.

«Кумоси» (песчаные люди), проживавшие западнее «камышовых людей» (татаней), под влиянием пришлых «белокурых варваров» (жунов), сложились с течением времени здесь в западномонгольские племена, которые после падения государства Киданей (в начале IX-го века) и стали называться монголами.

«Татани» же, то есть «камышовые люди», располагавшиеся восточнее «кумоси» и поэтому не попавшие под полное влияние киданей (жунов), сохранили свою (более китаезированную, чем у «кумоси») культуру, сложившись в дальнейшем в предков восточномонгольских племён под названием – «тата».

Пришедшие из Турфана в степи Монголии тюркоязычные кидане

(они же и жуны) стали потомков беглых рабов из Китая (татаней), аналогично китайцам, тоже именоваться «камышовыми людьми», что на языке «р»-язычных племен (огуры) уже произносилось как слово «татар». Где, слово «тат» – «камыш», а слово «ар», означающее «человек» (мужчина), до сих пор хорошо сохраняется в одном из тюркских (огурских) языков – в чувашском: в таких словах, как «арсын» (мужчина), «арсури» (леший, или «мужской детёныш»), «хёрарам» (женщина) и «сунарса» (охотник).

Первые достоверные сведения о северных соседях Китая начинают встречаться в так называемых надписях на китайских гадательных костях, составленных в XIV–XIII веках до н. э.⁴², как раз в период исхода серов (предков жунов, или киданей) из оазисов Турфана в степи Внутренней Монголии. О том, что предки тюркоязычных племён некогда действительно обитали в тот период в северо-западных районах Китая, убедительно доказывают в своих работах, не только Грумм-Гржимайло, но также и Санкт-Петербургский (Ленинградский) исследователь древней истории Китая Итс Р.Ф. (см.18, с.5).

Из истории известно, что нарицательные имена народов иногда могут перейти в их этнонимы. Так, например: франки – означает «свободные», чуваша – «мирные люди», норманны и савиры – «северные люди», марийцы и буряты – «лесные люди», а свевы (шведы) – «бродяги»⁴³.

Так и нарицательное имя метисных потомков турфанских серов – «кидане» (северяне) с течением времени превратилось в степях Монголии в этноним некоторых племен этого народа. С какого периода времени эти племена стали себя именовать официально «киданиями» – нам не известно. Наиболее ранние сведения о киданях содержатся в династийной истории Вэй-шу (История династии Северная Вэй), написанной в 551–554 годах (см.42, с.15). Нам только известно, что племенная знать современных монголов была инородного (иноземного) происхождения.

Нам известно и то, что своё возникновение кидане относят к 1864 году до н. э., среди тюрко-ираноязычных племен Турфана и Илийской долины, и что после ниспровержения в 1115 году Дома Кидань, западномонгольские и восточномонгольские племена оказались под Домом Монгол и стали именоваться монгольским народом (см.31, с.231).

Монголия по естественному своему положению разделяется на четыре части: Монголию восточную, западную, южную и северную (см.31, с.231). Пришедшие на территорию современной Монголии «р»-язычные тюркские племена (огуры) стали отсюда, затем расселяться по всем четырём её сторонам.

1. Одна из их частей, покорив «кумоси», сложилась впоследствии, после вхождения в Дом Монгол, в современные западномонгольские «р»-язычные племена.

2. Другая же часть тюркоязычных племён ушла на север, в прибай-

кальские степи, к потомкам беглых рабов из Китая, ушедших туда в XVIII-XVII веках до н. э., под предводительством Шун Вэйя.

3. Третья их часть ушла с потомками Шань-фу на юг (в Северо-Восточный Китай), где сумела «силами белокурых варваров» покорить часть китайских племён в Северном Шэньси и даже утвердиться там, как китайская династия Чжоу.

4. Последняя, четвёртая часть тюркоязычных племён, продолжавшая именоваться китайцами – киданями, или жунами, то есть «северянами» или «варварами», постепенно перемещалась на восток на земли «татаней», а затем – в Северо-Восточный Китай, сформировавшись здесь в племенную знать маньчжурских племён.

Потомки киданей и татаней *здесь взаимно возвышались и упали, и сим образом в двух линиях попеременно господствовали тринадцать столетий* (см. 31, с.231).

Следует отметить, что небольшая часть потомков серов, оставшаяся в Турфанском оазисе, спаслась в хребтах Наньшаня (хребет Пржевальского) – протянувшегося вдоль южной окраины Турфанской впадины. После окончания случившегося здесь наводнения они спустились с гор и расселились в долинах рек: Данхэ и Тарима, текущих по Турфанской впадине и исчезающих в песках пустыни Такла-Макан.

Потомков серов, поселившихся в долине реки Данхэ, китайцы стали именовать «большими жунами» (большими варварами) или просто усунями (высокими), а поселившихся в долине Тарима – каракиданиями (чёрными киданями)⁴⁴.

Разница этнических черт метисных потомков серов и китайцев была такова, что обычаи и внешность одних вызывали у других (ещё со времён династии «Ся») физические отвращения, кроме того, китайцы не употребляли молочные продукты – основную пищу кочевников. Между ними не было взаимопонимания, из-за презрения к такой пище одних и непонимания, и раздражения по поводу такого неприятия у других. Поэтому соприкосновение этих этносов сопровождалось, как правило, нескончаемыми войнами и попытками изживания одних другими (см.32, с.67). Так, например, в 1125 году во время похода китайцев в Джунгарию, при переходе через Турфанский оазис, ими были полностью вырезаны проживавшие здесь каракидане. Их название в дальнейшем вообще исчезает из исторических документов.

После падения государства Киданей в Монголии, их племенная знать (люди европеоидного физического типа) уходит в Северо-Восточный Китай, где постепенно и растворяется в среде местных племён, став их новой племенной знатью, под названием «мånжуны», или «маньчжуры» (большие жуны), то есть, китайцы продолжали их здесь именовать (как и турфанских усуней) – «большими жунами», или «большими киданями».

Последние сведения о трагической судьбе этой ветви киданей, полу-

чившей здесь название «маньчжуры», исходят от учёных Западной Европы, описывавших период войны китайцев с англичанами. Во время этой войны один английский офицер писал из Китая в Европу, что в числе китайцев, убитых в сражении под Кантоном встречаются и кидане. Маньчжурскую племенную знать англичане продолжали именовать киданями.

Из-за малочисленности и значимости для здешних китайцев – киданей, их никогда не вводили в сражение с англичанами, а ставили их во время боя (в крайнем случае) надзирателями, для того чтобы китайцы, дерущиеся с неприятелем, не показали ему *«тыл»*. Киданей англичане легко распознавали среди убитых (после снятия с них китайской одежды), как пишет английский офицер, – *по «атлетическим их членам»*, что ещё раз подтверждает наше утверждение об инородном (иноземном) происхождении киданей (больших, жунов).

Если вышеперечисленные ветви потомков серов, ушедшие на юг, на восток, и оставшиеся в Турфане каракидане исчезли с исторической арены, то другим их ветвям, ушедшим в Прибайкалье и в верховья Иртыша, а также оставшимся в Турфане усуням, несомненно, сопутствовал успех.

Для удобства в дальнейшем тюркоязычных потомков серов мы будем именовать первоначально, придерживаясь их китайских прозвищ, таким образом: ушедших в прибайкальские степи – «восточными жунами», или «хуннами», ушедших в верховья Иртыша – «западными жунами», или «сижунами» (западными варварами), а оставшихся в степях Внутренней Монголии (потомков беглых рабов из Китая) будем именовать «дунху» (восточными варварами).

ДИНЛИНЫ, ИЛИ “ЛЕСНЫЕ ЛЮДИ”

Как мы уже отмечали, население лесной и лесостепной зоны Приуралья и юга Сибири сформировалось около 80–40 тысяч лет тому назад, на основе восточноевропейских кроманьонцев, отступивших туда во времена последнего (днепровского) оледенения Европы.

В XVIII– XVII веках до н. э. потомки беглых рабов из Китая сумели, через непроходимые до этого пустыни Центральной Азии открыть путь из Китая в степи Южной Сибири и через них китайцы узнали, что в лесистых горах Саяно-Алтая тоже проживают светловолосые и синеглазые люди совсем непохожие своей внешностью на китайцев.

Если пришедших в Северо-Западный Китай в составе праторкских племён светловолосых и голубоглазых людей европеоидного физического типа, резко отличавшихся своей внешностью от местного населения, китайцы именовали словом «динлэн», то есть «дьяволами, пришедшими из холодных мест», то светловолосых и синеглазых людей, проживавших в хвойных лесах Саянского горного хребта, китайцы стали именовать (не мудрствуя лукаво) аналогичным же образом «дьяволами горных лесов», что в более поздней китайской транскрипции уже звучало как слово «динлин». Впоследствии название «Динлин» было перенесено китайцами на Саянские горы и на территорию от Енисея до Алтая, то есть и на земли обитания народа (см.34, с.22).

В предыдущих главах книги мы уже отмечали, что от самоназвания праторкских племён «сын», то есть человек, образовались слова: «джинн», «дзин» и «дин». Слово «дин» в китайском языке первоначально употреблялось в значении «дьявола». С течением времени это китайское прозвище праторкских племён перешло от китайцев и в некоторые другие восточные языки как слова «джинн», или «дзин». Причём, в одних из этих языков использовалось слово «джинн», означавшее, как и в китайском – «дьявол», а в других восточных языках, например, в японском – использовалось слово «дзин» (равносильное чувашскому слову «сын»), сохраняющееся и по настоящее время в японских словах, чем-то связанных с человеком. Следует только иметь в виду то, что японский аффикс «дз» в чувашском языке произносится, как – «ф» (ш). К примеру, японское слово «**дзинруй**» (равносильное чувашскому – «сын әру») означает у японцев, как и у чувашей, «человеческий род», «**дзинку**» – «человеческий труд», а «**нихондзин**» (самоназвание японцев) переводится как – «люди Нихон».

Слово «динлин» составлено из двух слов: «дин» и «лин». Со словом «дин» мы разобрались. А что же означает в этом слове «лин»?

«Лин» – это сохранившийся в китайском языке суффикс, употреблявшийся в древнекитайском языке для образования слов, чем-то связанных с горами, к примеру, горным лесом. Поэтому китайские слова «**chulin**» и

«**senlin**» можно перевести и как «лес», и как «горный лес», а сочетание слов «дин-лин», как «горный или лесной дьявол». У других же народов, в отличие от китайцев, имевших пристрастие к даче прозвищ другим народам, за динлинами закрепилось другое более пристойное название – «лесной человек», или «лесные люди».

Следует отметить, что около 3000–2000 лет до н. э. в степи Западной Сибири, вдоль Джунгарского горного хребта, пришли индоиранские племена, бежавшие от (второго по счёту) наводнения, случившегося в Ближневосточном регионе Средиземноморья, сложившись здесь (в результате смешения с динлинами) в индоиранские племена – «ариев», проживая южнее «лесных людей» (динлинов).

Если оставшиеся в Средней Азии и оазисах Турфана индоиранские племена поклонялись богу солнца и его сыновьям, то пришедшая в степи Южной Сибири другая группа индоиранских племён поклонялась священным животным, то есть в их верованиях культивировался «культ зверя». Главным священным животным, как у египтян и индийцев, у них был «бык» (угор, или вӑкӑр).

С началом днепровского оледенения Европы дикие животные, а вслед за ними и люди, стали из придунайских и приднепровских степей уходить на восток. В этот период в степях Южной Сибири, особенно в Туранской низменности и Тургайском плато, аналогично бизонам американских прерий, скопились бесчисленные стада диких быков (туров). Впоследствии под влиянием культуры Ближнего Востока в лесостепную зону Южной Сибири вместе с земледельцами пришли и домашние животные, вытеснив из степных пространств Южной Сибири «дикого быка» (тура) на запад. А Тургайское плато и Туранская низменность, где когда-то паслись сотни тысяч «диких быков» (туров), сохраняют к настоящему времени лишь в своём географическом названии имя этого «дикого быка» – «тур».

Многие тюркоязычные народы, считая себя «детьми» центрально-азиатских и западносибирских степей, связывая своё происхождение с Тургайским плато и Туранской низменностью, именуют себя туранцами.

Потомки же динлинов (финно-угорские и некоторые славянские народы), выходцы из этого же региона, своё происхождение связывают в основном не с местностью, где когда-то паслись тучные стада «диких быков», а с названием этого священного животного индоевропейцев.

В результате человеческой деятельности «тур» вскоре вообще исчез с лица Земли, прочно сохранившись лишь в названии этого животного у некоторых славянских и финно-угорских народов, пришедших в Европу из Западно-Сибирского региона. К примеру, в литовском языке он сохранился как слово «tauras» (буйвол), в латышском как слово «taurus» (бык), в древнепрусском – в слове «tauris» (зубр), а в словенском языке слово «tur» сохранилось в своём первоначальном виде, которое и означает «дикий бык».

В национальных атрибутах народов скандинавских стран и по сей день символ рогатого быка занимает не последнее место. Нередко даже своим детям они дают имя «тур», тем самым символически подчёркивая своё родство с диким быком – «туром».

Религиозные верования людей того периода характеризовались, главным образом, тотемизмом (культом зверя) – верой в сверхъестественную родственную связь между родом и каким-либо видом животного. Род динлинов после исчезновения дикого быка «тура» был вынужден заменить свой тотем «дикого быка» на домашнего, ставшего у них, как и у арийских племён, – священным животным. Поэтому отличительным племенным знаком (тотемом) теперь уже у них и стал домашний бык – «угор» (вǎкǎр), по названию которого эти племена динлинов и стали называться «угорами», или «уграми».

К моменту прихода в степи Южной Сибири потомков беглых рабов из Китая, динлины уже подразделялись: на западных – носителей андроновской культуры и на восточных – носителей глазковской культуры.

Племена андроновской культуры (западные динлины), сложившиеся здесь под влиянием культур пришлых ираноязычных племён, занимали лесные и лесостепные пространства к западу от Енисея и Саяно-Алтая до Урала.

Племена же глазковской культуры (восточные динлины), менее подвергшиеся иранизации и поэтому более сохранившие свою прежнюю афанасьевскую культуру, занимали лесные просторы от Енисея до Тихого океана. Глазковцы до смешения их с пришлыми монголоидами (потомками беглых рабов из Китая) относились к людям белой расы и были сходными с современными айнами – людьми европеоидного физического типа, чудом сохранившимися на севере японского острова Хоккайдо (см.35, с.43).

Предки западных и восточных динлинов до метисации их с пришлыми племенами характеризовались следующими признаками: рост средний, часто высокий, плотное и крепкое телосложение, продолговатое лицо, цвет кожи белый с румянцем на щеках, белокурые волосы, нос выдающийся вперед, прямой, часто орлиный, светлые глаза (см.35, с.34-35). Все эти признаки говорят о принадлежности динлинов к европейскому стволу, что и подтверждает наше утверждение о кроманьонском их происхождении в широком смысле этого термина (см.33, с.65). Итак, есть все основания считать динлинов особым народом европейской, т.е. белой расы.

Если до прихода индоиранских племён динлины занимались только рыболовством, охотой и бортничеством, то с появлением индоевропейцев динлины стали осваивать и лесостепную зону Южной Сибири, где основой их деятельности стало разведение крупного рогатого скота.

В результате смешения динлинов с индоевропейцами и с началом разведения ими крупного рогатого скота динлины, по роду своей хозяйст-

венной деятельности и образу жизни, стали подразделяться на три большие группы племён:

1. «угры» – пастушьи племена, именуемые так по названию их тотемного (священного) животного – «угор» (бык).

2. «финны» – собирательное название «лесных людей» (динлинов), занимавшихся охотой на дикого зверя и бортничеством, что в переводе с готского и означает «охотник».

3. «сомоны» (саамы) – собирательное название «лесных людей» (динлинов), занимавшихся рыболовством, и именуемых так по названию их священной (тотемной) рыбы – «som» или «somon», что значит – «лосось» (см.39, с.147).

По мере отступления тундры и возникновения на ее месте лесов и степей, динлины, а вместе с ними и пришлые индоиранские племена, тяготели на запад, формируя по мере своего продвижения на северо-запад (в сторону Скандинавского полуострова) – финно-угорские племена, а по мере продвижения на юго-запад: ираноязычные сарматские племена. Недаром, у всех финно-угорских народов, когда-то контактировавших с арийскими племенами, в их самоназваниях присутствует индоиранская основа: «мар», «морт», «мурт» (марийцы, мордва, удмурты), что означает «человек» или «мужчина».

Причастность индоиранских племён к формированию марийских, мордовских и удмуртских племён, подтверждается тем, что удмурты в прежние времена именовались «карами», что, кстати, подтверждается и тем, что татары до сих пор продолжают именовать удмуртов «арскими людьми»⁴⁵. Где слово «ар» происходит от шумеро-аккадского «эре» (ар), означающего, как и в чувашском языке, «человек» или «мужчина».

До прихода в степи Южной Сибири потомков беглых рабов из Китая степные пространства юга Сибири и северные окраины пустыни Гоби, недавно освободившиеся из-под воды морей «восточного Тетиса», или, как его здесь ещё называли – «Таёжным морем»), оказались свободными, то есть не занятыми никакими народами, потому что в этот период Южную Сибирь и Китай продолжали ещё разделять непроходимые пустыни Центральной Азии, а «лесные люди» (динлины) сюда и не стремились, так как степная жизнь не соответствовала житейским навыкам людей лесной зоны.

Около 3000 лет до н. э., с появлением в степях Южной Сибири индоиранских племён – людей восточно-средиземноморского (брахикранного) физического типа, началось интенсивное смешение их с обитавшими в лесной зоне динлинами – людьми европеоидного физического типа, сыграв существенную роль в изменении хозяйственной деятельности и уклада жизни «лесных людей» (динлинов).

В этот период «лесные люди», с самоназванием «угры», смешавшись с потомками индоиранских племен, пришедшими сюда из районов Плодо-

родного Полумесяца, переняв житейские навыки пришельцев, стали постепенно переходить из лесной зоны в лесостепную зону Сибири, расширяя здесь свой ареал обитания.

Таким образом, часть «лесных людей» (угров) стала постепенно превращаться в «степных людей» и стала именоваться (пришедшими в XVIII–XVII веках до н. э., в степи Восточной Сибири тюркоязычными племенами) не «лесными людьми», как прежде, а «уйгурами», то есть – «степными людьми», вернее – «степными уграми». Где тюркское слово «уй» означает «степь» (луг, или лужайка), а слово «гур», в сокращении от слова «угор» (в^ак^ар) – «бык».

В результате смешения пришлых индоиранских племён с динлинами, в степях Южной Сибири в этот исторический период появляется расовый тип – смесь белокурых и синеглазых людей европеоидного физического типа, с рыжеволосыми (брахикранными) людьми восточно-средиземноморского физического типа (см.33, с.83).

Одним из следствий смешения рас является гетерозис – резкое возрастание крепости, мощности, а в случае внутривидового скрещивания, также и плодовитость потомства, по сравнению с исходными родительскими формами. Вследствие этого, численность вновь сформировавшихся в степях Южной Сибири метисных племён и народностей, быстро возрастала. Пространство занимаемой ими земли на юге Сибири стало тесным и недостаточным, и они распространились как на восток, так и на запад, приведя в движение другие народы. Дороги назад им уже не было, потому что с востока начали наступать другие, более расплодившиеся на юге Восточной Сибири и Внешней Монголии тюркоязычные племена, которые давили на ушедших вперёд индоевропейцев и быстро заполняли покинутые места.

Как мы уже отметили, что сформировавшиеся в лесостепной зоне Восточной Сибири, в результате смешения индоиранских племён с уграми, эти метисные племена стали именоваться «уйгурами», то есть «степными уграми» или «степными людьми». В западной же Сибири и в Приуралье эти метисные племена стали именоваться «сарматами» (степными людьми), но уже в транскрипции тюркских (огурских) племён.

Так, например тюркское (огурское) название «степных людей» «*с^ерем^син*», попав в сферу влияния европейской медиевистики, записывалось (в латинской транскрипции) как слово «*sremniscans*» (чремничанс) и означало «степняк», или «степной человек».

Латинское название «степных людей» (*sremniscans*) более понятно в чувашской транскрипции и записывается как слово «*с^ерем^синсем*». Где, слово «с^ерем», означает «луг» (лужайка), а слово *с^ын* (*с^ынсем*), означает «человек» (люди), и в целом переводится как «луговые или степные люди», то есть в том же значении, что и уйгуры, но уже в транскрипции других народов. В современных же языках это древнее латинское название «степных

людей) (sremniscans) трансформировалось: в чувашском языке в слово «сармăс», в русском – в «черемисы», а в европейских языках в слово «сармат», или «сарматы».

Факт проживания между Волгой и Уралом «степных людей» под названием «серемшин» до прихода туда тюркоязычных племён подтверждается сохранившимися здесь названиями рек: Чермасан в Башкирии и Черемшан, что в Ульяновской области, а также тем, что пришедшие на Волгу чувашаи именуют луговых марийцев и по сей день словом «сармăс», то есть «луговыми или степными людьми», хотя сами марийцы именуют себя «лесными людьми».

В конце II-го тысячелетия до н. э. из степей Южной Сибири на запад *хлынули*, сформировавшиеся там, многочисленные тюркоязычные племена – люди с некоторой примесью монголоидных черт, постепенно вытесняя и перемешиваясь с индоевропейскими племенами. В результате такого «великого переселения народов» между Байкалом и Приуральем, к середине II-го тысячелетия до н. э., в основном закончилось смешение трёх различных типов людей и их культур:

1. Финно-угорских племён – белокурых людей европеоидного физического типа;
2. Ираноязычных племён – рыжеволосых людей восточно-средиземноморского (брахикранного) физического типа;
3. Тюркоязычных племён – людей смешанного физического типа.

Смешение и наслоение этих различных культур друг на друга хорошо прослеживается в постепенном усложнении названия реки – Чусовая, что на Урале.

Первоначальное название этой реки придумали финны (вепсы), назвав её словом «Я», что на их языке означало, просто «вода», а затем название этой реки усложнилось до названия «Чу-су-ва-я», прирастая каждый раз дополнительным словом пришлого народа. Слово «река» (вода) у ираноязычных народов «чу», у тюркоязычных – «су», у угорских – «ва», а у финнов (вепсов) – «я».

Вначале эту реку именовали словом – «Я» (вода), затем – «Вая» (река «Я»), следующий народ именовал её – «Сувая» (река «Вая») и, наконец, пришедшие сюда индоиранские племена, стали её именовать – «Чусувая» (река «Сувая»), название которой затем и перешло в современные языки, как слово – «Чусовая».

Таким образом, эта метаморфоза с усложнением названия реки – «Чусовая» не что иное, как повторение множество раз слов «вода» или «река», но на различных языках вышперечисленных племён и народов, сменявших здесь друг друга.

Земли Северо-Восточной Руси в древности тоже были исконными землями финно-угорских и сарматских племён, что подтверждается финно-

угорским названием «Москва-реки», которое переводится с финно-угорских языков как «Медвежья река», а также тем, что Владимиро-Суздальское княжество было основано на исконных землях финно-угорских племён: мордва и мурома.

Таким образом, в период возвышения русских княжеств часть «степных и лесных людей» (из числа сарматских и финно-угорских племён) вошла в состав славянских племен, и были известными под славянскими названиями: «поляне», «северяне» и «древляне». Причём «поляне» – это сарматы, «северяне» – савиры, а «древляне» – это «лесные люди» (динлины).

ОТ БЕГЛЫХ РАБОВ КИТАЯ – К АРАТАМ И БИЛУ-ПУЛЭЙСКИМ ПЛЕМЕНАМ

Пришедшие в Монгольские степи беглые рабы из Китая приручили здесь диких лошадей, приспособившихся к существованию в суровых условиях полупустынь. Лошадь для сформировавшихся здесь племён стала неотъемлемой частью их быта. Спина лошади для них служит «столом и домом» – утверждали китайцы (см.43, с.11).

Благодаря выносливости и неприхотливости своих коней, беглые рабы превратились в недосягаемую «мишень» для китайских властей. В случае опасности они быстро разбирали свои легкие жилища (шалаша) или бросали их без особого сожаления, перебираясь в безопасные места.

Неразлучная связь здешних людей с лошадьми послужило поводом для китайцев утверждать, что эти люди «рождаются, принимают пищу, оправляются и умирают сидя верхом на лошади». Китайцам, не научившимся ещё ездить верхом на лошади, казалось, что эти люди срослись с лошадью, за что их здесь и стали называть – «аратами», то есть – «человеко-лошадьми». Где, слово «ар», значит – человек, а «ат» – лошадь, которое подтверждается тем, что слово «арат» сохраняется до сих пор в монгольском языке, аналогично названию американских ковбоев, в значении «пастуха на лошади» или «всадника-скотовода».

В Европе же «араты» из-за постоянного сидения на лошади (согласно поверью пришедшему к ним через Ближний Восток из древнего Китая), стали известными уже как мифические «кентавры», что переводится некоторыми учёными как «полуконь-получеловек», то есть в том же значении, что и монгольское слово «арат» (человеко-конь). В более поздние времена, как обособленное сословие, «араты» вошли в состав гуннского войска и стали называться «ратами» (ратью), превратившись в основу монгольской конницы.

Как мы уже отмечали прежде, часть потомков беглых рабов из Китая,

предводимая Шун Вэйем, в XVIII–XVII веках до н. э. ушла через пустыню Гоби на северные ее окраины – в прибайкальские степи Южной Сибири.

Язык бежавших сюда потомков государственных рабов Китая формировался на основе смешения пратюркского языка синов с китайским. Из чего напрашивается вывод, что пратюркские языки (в том числе и чувашский) должны иметь какие-то общие корни с монгольскими языками, особенно после того, как пришедшие из оазисов Турфана в Монгольские степи «р»-язычные кидане (метисные потомки серов) стали племенной знатью местных племён, которые с 1115 года и стали именоваться – монголами.

Для того чтобы убедиться в этом, сравним слова современного монгольского языка с одним из древнейших тюркских языков – с чувашским:

русские	чувашские	монгольские
амбар	ампар	амбар
базар	пасар	базар
барин	улпут	алтагут
берёза	хурән	хусун
блины	икерчĕ	акарча
богатый	пуян	баян
богатырь	паттър	баатар
борода	сухал	сахал
бык	вăкăр	укер
верблюды	тёве	тэмээ
вино	эрех	арих
говорить	кала	келе
грабитель	хурах	хураагач
двойня	йĕкĕр	ихир
дрожать	чĕтре	читрех
еле-еле	аран-аран	арай-арай
железо	тимёр	томор
желтый	сарă	шар
жеребёнок	тиха	даха
злой	усал	осол
злой дух	алпастă	алмас
золото	ылтăн	алтан
камень	чул	чулу
каша	пăтă	будаа
кислое молоко	турăх	тараг
кобыла	кĕсре	кеусер
корова	ёне	ўне
лев	арăслан	арслан
лекарство	эмел	ель

лошадиная грудь	амра	омру
мать	анне	ана
мёд	пыл	бал
море	тинёс	тэнгис
муж (мужчина)	ар	ар (эрэ)
мясо	какай	гагай (свинина)
начальник	турхан	дархан
недоуздок	нахта	нохта
ножницы	хача	хайч
нос	самса	самс
озеро	күлэ	кулэ
отверстие	ан	ан (щель)
отвечать	хуравла	хариулах
отец	атте	ата
отклик	хурав	хару
перепёлка	путене	будне
песок	хайяр	хайр
писать (пиши)	сыр	зиру
племя	яру	уруг
повод	салтав	сылтаг
проворный	хавшак	хавшагай
простокваша	уйран	айраг
пшеница	тула	талх (мука)
ребёнок	ача	ач
рост	үсём	ос
свинец	тахла	толха туулаг
семя	вара	уре
собака	ноха	нохай
солнце	нар	наран
сторож	хурал	харауул
телёнок	пару	буру
трость	туя	таяг
хулить	хурла	хорлох
цветок	чечек	цэцэг
чёрный	хура	кара
ценок	анчай	анч
яблоко	улма	алим
ячмень	урпа	арбай

Приведённое сравнение чувашских и монгольских слов, а также явление ротацизма, свойственное монгольскому и чувашскому языкам, показывает очевидность образования их из одного общего праязыка. По этой

причине монгольский язык и был выделен в отдельную группу алтайской семьи тюркских языков, потому что предки монголов (государственные рабы Китая) первоначально были тюркоязычными, в языке которых действительно много слов пратюркского происхождения, кроме того, в их языке немало слов огурского (булгаро-чувацкого) происхождения, означающих первые и ближайшие к человеку предметы (см.31, с.132).

В религиозных верованиях того периода у степных угорских племён культивировался *«культ зверя»*. Основным своим священным животным они считали «дикого быка» (тура), который впоследствии был заменён ими на «домашнего быка» (огуза). Кроме основного племенного тотемного животного (быка), у них были и родовые – из числа различных видов животных, таких, как: заяц (куян), волк (кашкър, буре или корт), рыба (som, пулу или пулă), пчела (кърт или хурт) и так далее.

Потомки беглых рабов из Китая смешивались не только со «степными людьми» (уйгурами), но и с «лесными людьми» (динлинами), перенимая и их *«культы зверей»*. В результате брачных союзов потомков беглых рабов из Китая людей монголоидного физического типа, с женщинами из динлинских племён (занимавшихся рыболовством и бортничеством) – людей европеоидного физического типа, здесь сложились два типа кочевых племён: «билу» и «пулу». У племени «пулу», или «пулă» тотемным племенным знаком стала – рыба, а у племени «билу» – пчела. Тотемный знак племени «билу» (пчела) в переносном смысле означал – «племя, занимающееся бортничеством».

Установлено, что в брачных союзах людей различных рас негроидные признаки побеждают как европеоидные, так и монголоидные. В свою очередь монголоидные признаки в метисных семьях, в большинстве случаев, оказываются сильнее европеоидных.

Сформировавшиеся на основе монголоидных и европеоидных компонентов, кочевые племена «билу» и «пулу» уже через несколько поколений растеряли многие свои европеоидные морфологические признаки, постепенно превращаясь в людей с преобладающими признаками людей монголоидной расы. С течением времени племена «билу» и «пулу» по внешним своим морфологическим признакам уже не отличались друг от друга. Поэтому в дальнейшем их здесь уже не утруждались разделять по отдельности: на племена «билу» и «пулу», а именовали обобщённо, не обращая на их некоторые языковые различия просто «билу-пулэйскими племенами».

У билу-пулэйских племён первоначально, как и у нашего казачества, не было своей государственности и даже потребности в ней. Это был просто *сброд «разношерстных»* тюркоязычных людей (без рода и племени) бежавших сюда из рабовладельческого Китая, которые, приспособившись к проживанию в суровых климатических условиях полупустынных местностей (потому что более доступные экологические ниши были уже заняты при-

шедшими сюда ранее «степными уграми»), выживали здесь, в основном, за счёт рыболовства и вынужденного разбоя, за что местные жители и стали именовать их за разбойничьи действия «разбойниками, пришедшими со стороны Китая» (китайскими разбойниками) – «хунхузами»⁴⁶.

Пришедшие в степи Южной Сибири потомки беглых рабов из Китая, добыв себе жён из динлинских и уйгурских племён, стали жить стойбищами, то есть отдельными семьями, но стойбища в целях безопасности, объединялись в общины: от 100 до 1000 юрт. Они управлялись выборными атаманами, причём имя атамана или старейшины становилось названием их общины.

Такая прахуннская традиция, когда они своим общинам давали имена своих атаманов или же получали своё прозвание от названия реки или горы, около которых они кочуют, вносили такую путаницу в их этническую принадлежность, что, в конце концов, окончательно запугали многих исследователей прахуннской истории тюркоязычных племён и народов. Это было бы равносильно тому, если бы мы начали именовать славянские племена древней Руси по названиям их деревень, получавших свои прозвания аналогичным же образом – по именам (или прозвищам) основателей этих деревень или же по названиям окружающих их местностей. Таким образом, многообразие племенных названий хуннов не должно вводить в заблуждение читателя. В Евразии целые народы часто меняли имена, называясь, то по имени государя, то по месту жительства, то по *кличке*.

Казачество Российской империи в зависимости от места проживания беглых крепостных крестьян тоже подразделялось на: Терское, Донское, Кубанское, Запорожское, Яицкое, Оренбургское, Семиреченское, Сибирское и другие казачества. Хорошо, что казачество России появилось в исторически обозримое время, и поэтому мы пока что в состоянии разобраться в том, что вышеперечисленные названия казачеств не несут никакой национальной окраски. А если бы это произошло в незапамятные времена, то очевидно исследователи их истории тоже бы запутались (как и с пратюрками) в вопросах их этнической принадлежности.

Изучение истории становления прахуннских (пратюркских) племён гораздо упрощается, если мы будем рассматривать эти племена не по многочисленным их названиям, составленным по прозваниям их старейшин или атаманов, или же по названиям окружающих их местностей, а будем рассматривать их как общность разноплеменных людей, аналогично тому, как мы рассматриваем не подразделяющееся по национальным признакам казачество Российской империи.

В 1764 году до н. э. царский сын из низвергнутой китайской династии «Ся», Шун Вэй с семейством и подданными бежал к потомкам беглых рабов из Китая на северные окраины пустыни Гоби. И, так как главой пратюркского сообщества избирался наиболее сильный и почитаемый глава отдель-

ного рода или семейства, то согласно этим требованиям, Шун Вэй и был избран здешним их лидером.

Глава нескольких родов, как мы установили в предыдущих главах книги, именовался у пратюркских племён: «улу-батыром», то есть «великано́м» (великим силачом), а верховный вождь их объединённых племён (избираемый ими на случай войны) именовался словом «ма́н гун», что значило «великий князь» или «великий полководец».

До прихода в степи Южной Сибири Шун Вэйя здесь уже проживали «степные угры» (уйгуры) и метисные билу-пулэйские племена, сложившиеся в результате смешения потомков беглых рабов из Китая с местными уйгурскими и динлинскими племенами. И те, и другие в своём развитии находились ещё только на стадии общиннородового строя. Поэтому менее организованные угорские и билу-пулэйские племена подчинились более развитым соплеменникам Шун Вэйя (см.34, с.30). Причём семейство Шун Вэйя с течением времени сумело объединить здесь десять угорских племён (в том числе и уйгуров), превратившись в их новую племенную знать. Это новое объединение племён именовалось «уногурами», то есть «десятиплеменными уграми».

Известно, что от Шун Вэйя до эпохи Модэ (это XVII–III века до н. э.) правителями над уйгурскими и билу-пулэйскими племенами (после Шун Вэйя) были представители трех знатных родов: Лань, Сюйбу и Хуянь (см.37, с.49). Известно также и то, что первые правители пратюркских племён из родов Шун Вэйя и Лань, были выходцами из китайской династии «Ся», и что они занимали не царские, а выборные (княжеские) должности, вводимые на случай войны. Этот титул именовался словом «гу́н» или «ма́н гун», что значило «князь военного времени» или «великий полководец».

В дальнейшем название «гу́н» (хун) было перенесено и на название объединившихся пратюркских племён, которые впоследствии и стали именоваться «хуннами». В китайской же транскрипции слово «гунны» произносилось как «хунну». То есть, если бежавших в монгольские степи своих государственных рабов китайцы именовали словом «сюнну» (злой беглый раб), то сформировавшиеся в прибайкальских степях племена (объединённые Шун Вэйем) они стали уже именовать словом «хунну» (разбойниками), то есть в том же значении, что мы подразумеваем под словом «казаки» (вольные люди, разбойники).

С приходом в XIV–XIII веках до н. э. на северные окраины пустыни Гоби ещё более организованных (обладающих умением создавать государственных объединения) метисных потомков серов, общая картина во взаимоотношениях пратюркских кочевий резко меняется. Теперь уже царями (шаньюями) пратюрков, объединивших пратюркские и угорские племена становятся представители из знатного рода потомков серов – Сюйбу и представители угорского рода – Хуянь, ставших властвовать над хунно-

угорскими племенами, попеременно сменяя друг друга. Это межплеменное объединение пратюрков с «уногурами» (вунгурами) стало именоваться «Хунно-угорской конфедерацией».

Если последние правители из рода Лань именовались словом «гун», что значило «князь военного времени», то правители из рода «Сюйбу» и «Хуянь», именовались уже словом «шаньюй», что значило уже «царь».

Следует отметить и то, что с появлением в степях Южной Сибири тюркских («р»-язычных, огурских) племён (потомков серов), здесь произошли серьёзные изменения в религиозных верованиях уйгурских и билу-пулэйских племён, заключающиеся в постепенной замене «культы зверя» местных племён на «культ солнца» индоиранских племён, сочетающийся с верой в единого бога (см.34, с.28).

Таким образом, к началу III-го века до н. э. у хуннов появились зачатки государственности и элементы религиозных верований индоиранских племён, принесённых сюда из Средней Азии и оазисов Турфана потомками тюркоязычных племен (племенная знать которых имела киданьское, а еще раньше – шумеро-аккадское происхождение).

“ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП”

Как мы уже отмечали, образовавшееся внутри Евразийского субконтинента огромное пресноводное Срединное море перегороденное горными перешейками подразделялось на несколько частей, которые каскадами спускались с востока на запад – в сторону современного Средиземного моря. Перепад уровня воды в западных и восточных его частях достигал не менее сотни метров, сконцентрировав в себе тем самым огромный разрушительный потенциал, возвышаясь в те периоды «Дамокловым мечом» над всем Средиземноморским регионом.

Непрекращающийся тысячелетний процесс надвига Индостанской литосферной плиты под Евразию приподнимает край Евразийской плиты на несколько миллиметров в год, а вместе с этим и дно Срединного моря, заканчивающийся затем перебросом огромной массы воды с восточной части Срединного моря в западную.

Незаметное, на первый взгляд, приподнятие восточной части Евразийской литосферной плиты заканчивается с достижением критической величины геологической катастрофой, сопровождающейся неслыханными наводнениями и катастрофическими землетрясениями в Средиземноморском регионе Земли⁴⁷.

За последние 12000 лет человеческой цивилизации произошло, по крайней мере, не менее трёх таких природных катастроф, связанных с переносом миллиардов кубических метров воды из восточной части Срединного

моря – в западную его часть. Это подтверждается тем, что один из египетских жрецов в разговоре с Солоном сказал, что потоков действительно было три⁴⁸.

По сведениям древнеегипетских жрецов, первый потоп – это Девкалионов потоп. Второй потоп – тот самый, следы которого обнаружил британский археолог Леонардо Вулли, при археологических раскопках на берегах Евфрата. И, наконец, третий потоп произошёл сравнительно недавно: в XIV–XIII веках до н. э. (см.48, с.108).

После окончания первого ледникового максимума (60000–40000 лет тому назад) началось очередное потепление и быстрое таяние ледников, закончившееся 13000–12000 лет тому назад, полным отступлением ледников с Евразийского субконтинента.

В результате бурного таяния ледников, Срединное море стало вновь превращаться в единый замкнутый пресноводный водоем, без выхода в Мировой океан, протянувшись на несколько десятков тысяч километров, от Апеннинского перешейка на западе, до Байкала на востоке. Переполнение чаши Срединного моря тальми водами подтверждается тем, что 13000–12000 лет тому назад уровень Средиземного моря был на 35 метров (см.13, с.180), а Каспийского моря на 75 метров выше современных их уровней (см.16, с.128).

Кроме того, около 12000 лет тому назад, в результате таяния ледников и в связи с этим переброса огромной массы воды из одной части Евразийской литосферной плиты в другую, произошло перераспределение центра тяжести Евразийской плиты в сторону современного Средиземного моря. В результате чего в Гималаях и на Тянь-Шане резко усилились горообразовательные процессы, а вместе с этим ускорилось и приподняtie дна – восточной части Срединного моря, связанное с подползанием Индостанской литосферной плиты под Евразию.

Приподняtie дна восточной части Срединного моря вызвало дополнительный сброс воды с восточной его части в западную – в бассейн современного Средиземного моря, удерживаемую до поры, до времени от истечения в Мировой океан Апеннинским горным перешейком, соединявшим Африку с Европой.

Девкалионов потоп, по утверждению Платона ссылающегося на египетские источники, произошёл около 11500 лет тому назад. В этот период пополненная чаша Срединного моря, отгороженная от Мирового океана Апеннинской природной платиной, стала выплескиваться через свои края. Часть Передней Азии, Аравийского полуострова и весь север Африканского континента оказались под водами пришедшей сюда с востока гигантской волны (цунами), которая мощным потоком прокатилась по Аравийскому полуострову и северу Африканского континента, разрушив тем самым зародившиеся в этом регионе земли древнейшие человеческие цивилизации,

оставшись в памяти человечества как «гибель Атлантиды».

Большая часть племен и народностей, проживавших до наступления Девкалионового потопа на севере Африканского континента и на Ближнем Востоке (в районе Плодородного Полумесяца), в результате этой природной катастрофы погибли. Часть людей, оставшихся в живых, спаслись бегством или на случайных плавательных средствах в пределах Эфиопского нагорья, сложившись там в эритрейские племена – в пределах арабов.

Новое заселение Средиземноморского побережья Африки и возрождение цивилизаций Плодородного Полумесяца и Египта начинается только через 4000–3000 лет, то есть не ранее 8000–7000 лет тому назад.

Срединное море, перегороженное Апеннинским, Босфорским и Джунгарским горными перешейками (после сброса своих вод на запад), перестаёт быть единым водоёмом, распавшись на три обособленных моря: «западный Тетис», занявший акваторию современного Средиземного моря от Апеннинского перешейка до Босфорского; «центральный Тетис» – от Босфорского перешейка до Джунгарского; и значительно обмелевший «восточный Тетис» из-за сброса своих вод в Средиземноморье. Обмелевший «восточный Тетис», перестав быть единым водоемом, сохранялся ещё в тот период в виде десятка морей и озёр, аналогичных современным Каспийскому и Аральскому морям, простиравшихся около 12–10 тысяч лет тому назад от Джунгарского горного перешейка – на западе, до озера Байкал – на востоке.

Вышесказанное подтверждается тем, что водные остатки «восточного Тетиса» (на месте современных степей и полупустынь Южной Сибири и Монголии), тянувшиеся в древности (поясом морей и озёр) от Алтайских гор – на западе, до Большого Хингана – на востоке, именовались «Таёжным морем» (см.34, с.26). Кроме того, вышеизложенное подтверждается и тем, что в китайских исторических преданиях и легендах водные остатки морей «восточного Тетиса», занимавшие территории современной пустыни Гоби именовались «Ханьхай-морем» (см.34, с.14), а Алапанскую пустыню в древности китайцы именовали «заливом или бухтой Ханьхай-морья» (см.34, с.15).

С окончанием «потопа» и стабилизации уровня «западного Тетиса», на месте современных проливов Босфора и Дарданеллы, из-под Срединного моря (около 11500 лет тому назад) обнажился Босфорский перешеек, отгородивший «центральный Тетис» от «западного Тетиса» природной плотинной, соединив Европу и полуостров Малая Азия.

Из-за переполнения чаши «центрального Тетиса» сточными водами и продолжающимися в этом регионе Земли тектоническими процессами (около 3000 лет до н. э.) произошло разрушение этой (Босфорской) природной плотины, с образованием между Европой и полуостровом Малая Азия проливов Босфор и Дарданеллы.

Сброс огромной массы воды из «центрального Тетиса» в «западный Тетис», удерживаемой от истечения в Атлантический океан Апеннинской природной плотинной, вызвал в восточном Средиземноморье очередное (второе по счёту) наводнение, подтверждающееся исследованиями Леонардо Вулли – в долине реки Евфрат.

Часть Передней Азии и Аравийского полуострова вновь оказалась под многометровой толщей воды. Люди спешно покидали свои насиженные места и были вынуждены вновь отступить в безопасные места. Часть здешних жителей спаслась в горах Кавказа. Основная же их масса уходила на восток, в сторону Иранского нагорья, сложившись там постепенно в предков индоиранских племён и народностей, откуда они (не позднее II-го тысячелетия до н. э.) стали двумя потоками (группами) уходить из Передней Азии ещё дальше на восток⁴⁹.

Одна группа индоиранских племён ушла на Индостанский полуостров и Тибетское нагорье, другая же их часть повернула на северо-восток и ушла на территорию современных республик Средней Азии и Северо-Западного Китая, а оттуда (часть их) ещё дальше на север – в степи Южной Сибири и Приуралья.

Оставшиеся в Средней Азии индоиранские племена именовались здесь: одни – «серами», другие – «мари», а ушедшие в степи Южной Сибири и Приуралья – «арийскими племенами» или просто «индоевропейцами».

После образования Босфорского пролива и истечения части вод «центрального Тетиса» до уровня «западного Тетиса», на его месте образовались моря: Чёрное, Азовское и Скифское. Скифское море (оно же Сарматское, или Хвалынское) представляло собой огромный водоём, в акватории которой помещались современные Каспийское, Аральское моря и озеро Балхаш, а также современные территории пустынь Средней Азии и Казахстана, представлявшими в древности песчаное дно этого водоёма.

Степные пространства, образовавшиеся между Каспийским и Чёрным морями после обмеления «центрального Тетиса» заняли киммерийцы, проживавшие прежде в степях Юго-Восточной Европы вдоль северных границ акватории «центрального Тетиса».

Третью, не менее значительную природную катастрофу, происшедшую около 3500 лет тому назад, существенным образом повлиявшую (как мы уже упоминали в предыдущих главах книги) на дальнейшее формирование предков тюркоязычных народов – мы рассмотрим подробнее.

Для этого нам надо иметь в виду то, что в этот период на юге Сибири и на территории современной Монголии продолжали ещё сохраняться многочисленные водные остатки морей «восточного Тетиса»: на севере, так называемое «Таёжное море», а на месте пустыни Гоби «Ханьхай-море».

Ввиду активного горообразовательного процесса в этом регионе Земли, вместе с суши поднималось и дно здешних морей и озёр, вздымаясь,

всё выше и выше над уровнем Мирового океана. Причём восточная часть этого региона вздымалась интенсивнее, чем западная его часть, что подтверждается китайскими преданиями и мифами о потопах, утверждавшими о том, что воды «Ханьхай-морья», затопив сушу, затем вдруг отступили на запад – в сторону Джунгарского перешейка. Причём, по мере продвижения на запад увеличивалась, что важно заметить, и высота водного покрова, утверждали китайские предания (см.48, с.106). Это произошло из-за образования перепада высот между восточной и западной частью морского дна «восточного Тетиса», после случившегося здесь очередного катастрофического землетрясения.

Остатки вод «восточного Тетиса» («Таёжное море» и «Ханьхай-морье»), выплеснувшись из своих лож, как говорят китайские легенды, затопили северные территории Китая, а затем стали скатываться на запад и скапливаться у Джунгарской природной плотины *стеной воды* в несколько десятков метров. Поэтому-то китайские легенды и утверждали, что высота водного покрова во времена этого катастрофического наводнения увеличилась в направлении современного Северо-Западного Китая.

На непонятное смещение «Таёжного моря» на юго-запад и, связанную с этим на рубеже II-го тысячелетия до н. э. перемену климата и изменение здешнего ландшафта, обратили также внимание многие исследователи древней истории Южной Сибири (см.34, с.26).

Процесс истечения вод с восточной части Евразийской литосферной плиты в западную её часть продолжается и по настоящее время, подтверждающийся постепенным истечением вод Аральского моря в Каспийское море.

Скопление вод у Джунгарской природной плотины вызвало здесь наводнение и затопление Люкчунской котловины, в результате чего наиболее пострадали предки «р»-язычных (огурских) племён – метисные потомки серов, занимавшие наиболее уязвимые для наводнений низменные места Турфанской впадины или Люкчунской котловины на северо-западе Китая. Уцелели лишь те из них, которые до наступления «потопа» успели бежать на юг, в горные хребты Наньшаня, уйти по отрогам Монгольского Алтая на север или отступить на восток – на возвышенные места Внутренней Монголии, то есть в ту сторону как утверждали китайские легенды, в которую и уменьшалась высота (или глубина) затопления суши.

Образовавшийся миллионы лет назад Джунгарский горный перешеек явился естественной преградой (природной плотинной), остановившей на некоторое время хлынувшие на запад потоки воды «Таёжного моря» и «Ханьхай-морья», влившимися из своих лож в направлении Джунгарского перешейка. Следует отметить, что около миллиона лет тому назад на месте современных Джунгарских ворот образовался уже тектонический разлом (трещина), ослабивший монолитность и целостность Джунгарского горного хребта.

Не выдержав давления огромной массы воды, вдруг скопившейся у этой природной плотины, Джунгарский горный хребёт на месте вышеупомянутого тектонического разлома раскололся на две части, между которыми образовался огромный проран (Джунгарские ворота, или Каптагайская теснина) длиной 50 км, шириной 10 км и высотой не менее 300 метров.

К настоящему времени Джунгарский перешеек – это система гор, протянувшаяся с юга на север от Тянь-Шаня до Алтая, состоящая из хребта Джунгарского Алатау, обрывающегося у Джунгарских ворот на высоте 3959 метров, и хребта Барлык (продолжение Джунгарского перешейка), начинающегося здесь же при высоте 2923 метров над уровнем Мирового океана (см.44, с.568).

Огромная масса скопившейся воды, расширив образовавшуюся здесь тектоническую трещину, примерно в XIV–XIII веках до н. э., окончательно разрушив Джунгарскую природную плотину, хлынула дальше на запад – в сторону современного Средиземноморья.

О масштабах происшедшей здесь катастрофы говорят россыпи из обломков разрушенных горных пород, разбросанных за образовавшимся здесь прораном, на расстоянии в несколько десятков километров⁵⁰. Память о внезапном истечении вод из-под Джунгарской природной плотины сохранилась в китайских преданиях, утверждавших о неожиданном отступлении вод «Ханьхай-моря» после случившегося на севере Китая наводнения.

От начавшегося наводнения первыми пострадали предки тюркоязычных (огурских) племён – кидане, оказавшиеся в зоне затопления Турфанской впадины, перед Джунгарской природной плотинной.

Вторыми, но уже после разрушения Джунгарской природной плотины и связанного с этим наводнением в каспийско-черноморских степях пострадали киммерийцы и смешавшиеся с ними, пришедшие сюда с севера, степные арийские племена (сарматы), совместно проживавшие до этой природной катастрофы в каспийско-черноморских степях. Остатки киммерийских и арийских племён спаслись в горах Кавказа, сложившись здесь в армянский, албанский и алано-осетинские этносы, расселившись впоследствии по Кавказу и по северо-восточной части Малой Азии (см.30, с.28).

Неожиданный уход «степных людей» из каспийско-черноморских степей подтверждается также данными археологов, давно уже обративших своё внимание на запустение этого региона в периоде с XIV по VIII века до н. э. – вплоть до прихода сюда на пустующие земли восточноазиатских, или среднеазиатских скифов (см.30, с.23), которых греческий историк Геродот назвал «самым молодым народом, из всех живущих в то время на Земле и, что территория, принадлежащая им (что важно заметить), была пуста до их прихода» (см.40, с.159). Воды морей «восточного Тетиса», смыв пришедшей волной степное население Северного Кавказа, схлынули в бассейн современного Средиземного моря.

Другой естественной преградой, остановившей разбушевавшуюся водную стихию, явился Апеннинский горный перешеек, продолжавший ещё играть роль «моста суши» между Африкой и Европой.

Известно, что скопление вод даже в искусственном водохранилище, созданном руками человека, может вызвать землетрясение. В таком случае, что же следует ожидать от перемещения миллиардов кубометров воды с одной части Евразийской литосферной плиты в другую. Перенос такой массы воды в Средиземноморье вызвал здесь третью по счёту геологическую катастрофу.

Под тяжестью пришедшей сюда воды ближневосточный край Евразийской литосферной плиты просел, образовав огромный провал. Такое явление, когда пласт Земли резко проседает на значительную глубину, носит в геологии название «грабен». «Визитная карточка» этого события – Мёртвое море, которое наглядно свидетельствует, что природная катастрофа была здесь не менее значительной, чем вышеупомянутые две предыдущие геологические катастрофы. В результате последней геологической катастрофы уровень Мёртвого моря провалился на 781 метр ниже уровня Мирового океана.

Согласно Библии, эта катастрофа произошла за четыре поколения «до исхода евреев из Египта», который состоялся при преемнике Рамсеса II-го Меренптахе, правившего Египтом в 1224–1204 годах до н. э. (см.28, с.70). Нам известно, что продолжительность жизни одного поколения древних равен 30 годам (см.31, с.254). Если к периоду правления Меренптаха прибавить реальный возраст четырёх поколений древних людей (из расчёта 30 лет на одно поколение), тогда датой этой природной катастрофы и появления Мёртвого моря будут 1344–1324 годы до н. э. (см.47, с.48), что совпадает с датой затопления Люкчунской котловины и бегства оттуда в 1327 году до н. э. в степи Внутренней Монголии «белокурых варваров» (потомков турфанских и илийских серов) во главе с их князем Шань-фу (см.34, с.13).

Примерно в этот же период, в результате величайшей депрессии суши в этом регионе Земли, произошло извержение вулкана Санторин, повлекшее за собой (в районе современного острова Сицилия) катастрофическое разрушение Апеннинской природной плотины, являвшейся «мостом суши» между Африкой и Европой (см.47, с.46).

Значительные проседания пластов Земли, катастрофические извержения вулканов, вызвавшие ужасные землетрясения и громадные волны цунами, которые безжалостно обрушились на прибрежные области Средиземноморья – вот результаты, происшедшей здесь природной катастрофы, отмеченные Библией, как «Всемирный потоп».

ОТ ДИНЛИНОВ К САВИРАМ, ИЛИ “СЕВЕРЯНАМ”

Пришедшие из тёплого Северо-Западного Китая в степи Южной Сибири тюркоязычные племена, северные места, где проживали динлины и где они впервые узнали, что это такое настоящая зима с её трескучими морозами и обильным снегопадом, стали именовать эту землю на своём языке словами – «сивё сёр», то есть «холодной землёй», что в латинской транскрипции записывалось как слово «seveser» или «sever», откуда и произошло современное русское название «севера».

Жителей же этих холодных мест, вместо их прежнего китайского прозвания «динлины», стали всё чаще именовать «северами», или «савирами», то есть просто «северянами».

В китайской терминологии в дальнейшем, по этой причине, стало всё реже упоминаться название «лесных людей» – динлины. Последнее упоминание о них датируется 90-и годами нашей эры, потому что в дальнейшем динлины ушли далеко на запад и выпали из поля зрения китайских историков, а соседние народы жителей этих холодных мест стали именовать на своих наречиях или же по самоназванию этих племён, не изменяя при этом первоначальное смысловое значение их прозвания «северяне».

Одни народы называли их «савирами», другие «севердами», ираноязычные племена именовали их «сакалиба», или «шурави», предки славян – «северянами». В чувашском же языке от названия «савир» сохранилось лишь окончание этого слова «вир» (вире), означающее «север» (верх, верховье).

В XIV веке до н.э., савиры проживавшие на Алтае, смешались с пришедшими из Турфана метисными потомками серов (сижунами), сложившись впоследствии в одного из предков чувашей. Ушедшие на север вдоль Иртыша, вплоть до устья Оби, потомки серов (сижуну) растворились среди финно-угорских племен. Ушедшие же на запад ославились, но долгое еще время боролись с *россами*, а потом и с царством московским. В XVII веке они еще сохраняли свой древний этноним «севрюки». Под этим именем они пополняли войска Ивана Болотникова.

Исчезновению слова «динлины» способствовало и то, что все народы, берущие свое начало от «лесных людей» (динлинов), с течением времени утратили в своём самоназвании слово «лесной», но повсеместно сохранили при этом в своём самоназвании слово «человек» (мужчина), то есть все эти народы вынуждены были в дальнейшем упростить своё сложное самоназвание «лесной человек», до простого слова «человек». Так, например, в самоназваниях таких финно-угорских народов, как: мордва, удмурты, коми, ханты, манси, буряты и марийцы, совершенно утрачена первая часть их названия «лесной», прочно сохраняясь в названии «человек», во второй его части.

Из этого перечня народов выделяются буряты, перенявшие пратюрк-

ский язык своих завоевателей, но продолжающие и по сей день считать себя потомками «лесных людей» (динлинов) (см.45, с.250) и марийцы, которые хотя и утратили в своём самоназвании слово «лесной», но так же, как и буряты, продолжают себя считать «лесными людьми»⁵¹.

Особо следует отметить марийцев, у которых, кроме племён именующих себя «лесными людьми», были и племена, которые сложились в результате смешения «лесных людей» (динлинов) с ираноязычными племенами в период проживания предков марийцев на более обширной территории, между Волгой и Уралом. Эти метисные племена именовались в латинской транскрипции «сарматами», а у гуннов словом «сармъс», то есть «степными или луговыми людьми». Кроме того, среди марийцев есть племена, которых они именуют «курык марий», то есть «горными марийцами», сложившихся сравнительно недавно в результате ассимиляции проникших в среду правобережных марийцев (после разгрома в 1236 году булгар, монголами) – тюркоязычных огурских племён.

Таким образом, между Волгой и Уралом, в результате постепенного вовлечения в среду обитания динлинов – индоиранских племён, сформировались индоевропейские (арийские) племена; предки славян и многих других европейских народов. В результате же вовлечения в их среду тюркоязычных племён, завершилось формирование удмуртских, марийских и мордовских племён, оказавшихся в зоне контактов финно-угорских и тюркских племён.

НАСЛЕДНИКИ “ШУМЕРСКОЙ” (УРУКСКОЙ) КУЛЬТУРЫ

После Девкалионового потопа, случившегося, согласно легенде «О последних днях Посейдониса» в 9564 году до н. э.⁵², то есть около 11500 лет тому назад, часть цивилизации *«допотопного периода»* стала вновь возрождаться в долине Нила и на Ближнем Востоке (в районе Плодородного Полумесяца), где около 8000 лет до н. э. очевидно, с помощью оставшихся в живых людей этой цивилизации, которых мы будем условно именовать – «шумерами», или «сумарами», а их потомков – «самаритянами», или «ассирами»), и стали возникать здесь небольшие города-государства (см.29, с.4).

В результате смешения потомков этой цивилизации с аккадцами (согласно библейскому мифу о потопе, Ной имел аккадское происхождение) от их детей (как говорит Библия) возродилось новое поколение людей, ставшее говорить на смешанном шумеро-аккадском языке.

Цивилизация пришельцев была на порядок выше цивилизации местных аккадских племён. Поэтому местные жители первоначально боготворили пришельцев, удивляясь их умению и знаниям. Под их руководством они стали для пришельцев строить небольшие укреплённые города, всё больше и больше попадая под их влияние и зависимость.

Покорив местных жителей вокруг городов, пришельцы пережились на женщинах местных племён. Они имели по несколько наложниц, а от них – многочисленное потомство, ставшее говорить на смешанном «шумеро-аккадском» языке. Этот условный «шумерский» (шумеро-аккадский) язык населения Месопотамии считается праязыком целой семьи семитских языков, а вернее праязыком многих племён и народов выходцев из районов Плодородного Полумесяца.

Исследователи древней истории Ближнего Востока смешанный язык жителей городов-государств Месопотамии стали именовать «шумеро-аккадским», или просто «шумерским» языком. Аккадский же язык сельских жителей (в окружении городов-государств) не смешивался с языками пришельцев и впоследствии обособился в отдельные ветви аккадского языка под названиями ассирийского и вавилонского.

По мифологии древних народов пришельцы отличались высоким ростом и необычайным долголетием. Некоторые исследователи склонны считать их потомками самих «атлантов». Мальчиков, родившихся от смешанных браков, они растили воинами, которые защищали их города и держали в повиновении (в окружении городов) местное сельское население.

Грамотную и цивилизованную городскую знать, местное сельское население стало именовать словом «сум-ар», что значило «почитаемые или

знатные люди». Где слово «сум», значило «почётный» (мудрый), а слово «ар» – человек.

С покорением местных племён и создания пришельцами городов-государств, начинается разделение зарождающегося здесь общества на классы и касты.

Высшую ступень в общественном устройстве, возникших здесь городов-государств, занимали жрецы и выборные правители (лугали) из числа пришельцев.

Следующую ступень иерархической лестницы занимали воины и чиновничество, рожденные от смешанных браков между местными жителями и пришельцами.

Самую низшую ступень в общественной жизни городов-государств занимали местные сельские жители (аккадцы), которые кормили и одевали население городов-государств. Это подтверждается тем, что пришедшие впоследствии на Индостанский полуостров преемники цивилизации городов-государств Месопотамии, покорив местные племена, стали именовать их «неприкасаемыми», а оказавшиеся в Центральной Азии «серы», покорив местные племена, стали именовать их «турками», то есть «черню» (простолюдинами).

Как мы уже отмечали выше, местные жители первоначально обожествляли пришельцев. Они верили, что ими владеет и правит сам бог (см.29, с.8). В каждом городе-государстве был свой правитель, который с течением времени обожествлялся и считался богом-хранителем их города. Поэтому у шумеро-аккадцев (городских жителей) было множество богов.

Согласно Библии, после «потопа» спаслась только семья Ноя. Отец Ноя – Ламех (Лемех) был сельским жителем и имел аккадское происхождение. У библейского патриарха Ноя и его жены Ноамы было трое сыновей: Иафет (старший сын), Сим (средний) и Хам (младший).

- **Иафет** является отцом всех иафетических (индоевропейских) этнических групп. У него было семеро сыновей: Гомер, Магог, Мадай, Иаван, Фувал, Мешех и Фирс.
- **Хам** является праотцем хамитских (афро-азиатских) этнических групп. У Хама было четверо сыновей: Хуш, Мицараим, Фут и Ханаан
- **Сим** дал начало семитским (ближневосточным) этническим группам. У него было пятеро сыновей: Елам, Ассур, Арфаксад, Луд и Арам. Мать Ассура (Асира), по имени Зелфа, была наложницей (рабыней) Сима, поэтому потомки Ассура (Асира) впоследствии причислялись к низшему сословию, зарождающемуся здесь классовому обществу.

Если жители городов-государств Месопотамии с течением времени подменили свое верховное божество множеством богов, то сельские жители

считали себя потомками второго сына Сима – Ассура (Ашшура). Они практиковали культ духа Ассура и именовались поэтому (согласно своему верховному божеству) «ассирами» (ассирийцами) (см.29, с.74). Если Ассур (Ашшура) (второй сын Сима), после падения городов-государств, стал верховным божеством – ассирийцев, то третий сын Сима – Арфаксад был признан верховным божеством Старо-Вавилонского царства.

«Ассиры» занимали низшую ступень в иерархической лестнице их городов-государств и олицетворялись городскими жителями с понятиями: «чернь», «простолодины», «невежественные», «неумные» (ăssâr) люди.

После же падения городов-государств и возвышения на их месте сельского населения прежнее нарицательное наименование этих людей превратилось в название их этнонима – «ассиры» (серы, ассирийцы, сирийцы). Городские же жители (сумары, или самары), после отложения от них ассириров, стали именоваться «самаритянами». Ассиры, придя к власти, переняли классовое устройство и цивилизацию городов-государств Месопотамии. У «ассириров» все титулы их вельмож и государей дублировались с аналогичных шумерских титулов.

Около 5000 лет тому назад в районе Плодородного Полумесяца произошло, как мы уже отмечали выше, второе по счёту наводнение, после которого некоторые шумеро-аккадские (семитские) племена, в том числе и предки серов имевшие общие корни с ассирийцами, оказались в Средней Азии и Северо-Западном Китае, сложившись здесь в результате смешения с пратюрками, в метисные тюрко-ираноязычные племена под названием уже не «ассириров» (ассирийцев), а «серов».

В результате ассимиляции пратюрками пришлых из Месопотамии племён, в пратюркские языки синов в этот исторический период проникло большое количество шумеро-аккадских (семитских) слов, в чувашском языке их сохранилось более двухсот, что хорошо прослеживается в нижеприводимом сравнении слов чувашского языка, с языками народов Ближнего Востока, а также с языками народов, считающимися наследниками шумерского языка:

русские	чувашские	шумерские
ангел	пирёшти	бришти (перс.)
бедняжка	мёскён	мискин (аккад.)
благодарю	тав	тав (хорошо) (иврит)
бог	турă	тора (св. писан.) (иврит)
борьба	кёреш	куруш
бумага	хут	хат (письмо) (перс.)
вероятно	ахър	агер (перс.)
вершина	тўпе	тепе (перс.)
ветхий	ёнеш	йанаш (иврит)

ворона	курак	карга (дари)
враг	ташман	душман (дари)
время	ва́хт	вакт (перс.)
вселенная	тён	тин (араб.)
выйди	тух	тух
высоко	сўллё	салла (араб.)
давно	авал	афал (араб.)
дай	пар	бер (перс.)
два	иккё	иги
день хлеба	сая́р кун	шегур кун (день урожая)
добрая гора	ыра́ ту	эрету
доверять	ёнер	инан (перс.)
друг	тус	дуст (перс.)
душа	чун	чан (перс.)
его	яна	ана
зад	кут	кут
закрыто	хупа́	хапа (иврит)
зариться на чужое	хапса́нат	хамсанут (грабёж) (иврит)
зачем	ма	ма (араб.)
злой	хайар	хайра (зверь) (иврит)
известие	хыпар	хабар (араб.)
искусство	ўнер	унер (перс.)
карман	кёсье	кис (иврит)
красавица	саря́ хёр	сарок (иврит)
кружка	курка	курку
кузнец	тимёрс	типир
ложка	кашя́к	кашок (дари)
луг	уля́х	уллу (хет)
мастер	яста	остад (перс.)
матрац	ту́шек	душек (перс.)
мать	анне	анна (аккад.)
местонахождение	тел	тел
мужчина	ар	эре
мучение	асап	ацаб (араб.)
мыло	супа́н	саобан (иврит)
народ	халя́х	халк (перс.)
нога	ура	ара
ножницы	хачя́	кайчи (дари)
оголять	сарат	зарад (араб.)
округа	тавра	давра (дари)
освети	сута́ть	цитат (иврит)
отец	атте	атта (аккад.)

пиво	с̣ара	шире (перс.)
пинать	тап	тапа (ударять) (иврит)
пишет	сырать	серет (царапать) (иврит)
пляс	таш̣а	даш (иврит)
позор	м̣ашк̣ал	мишгал (иврит)
поклонение	ӓру	уру
посуда	сав̣ат-сапа	сапа (иврит)
потом	вара	вараа (араб.)
почва	т̣апра	апра (иврит)
почёт	хисеп	хесеп (перс.)
привет	салам	шолом (иврит)
прохаживать	с̣ӱрех	суах (иврит)
пугливый	х̣ӓракан	харад (иврит)
родник	с̣ав̣ал	йавал (иврит)
рубашка	к̣ёпе	каба (араб., перс)
сад	пахча	баг (перс.)
сарай	ампар	ембар (перс.)
свекла	ч̣ёк̣ент̣ёр	чогондор (перс.)
свойство	с̣апат	сипат (араб.)
село	ял	ал
слава	мух̣тав	мух̣тав (хвала) (иврит)
сметана	х̣айма	хема (иврит)
смотри	кур	кур
смотрите	п̣ахар	бакар (иврит)
соха	суха	сохэ (иврит)
срежем	касар	казар (косить) (иврит)
строить	ту	ду
стыд	нам̣ас	намус (перс.)
суббота	ш̣ӓмат кун	шумат кун (иврит)
суп	шурпе	шурпа (перс.)
счетовод	шут̣аҕ	шутагь
сын	ыв̣ӓл	авил (иврит, аккад)
телега	урапа	араба (перс.)
терять	с̣ёттер	ситтер (иврит)
тихоня	й̣аваш	яваш (перс.)
хмурый	х̣ам̣ар	хмар (иврит)
хорошо	лай̣ах	лаюг
цена	хак	хек (перс.)
цена ума	ӓсхак̣ё	хаскар (разум) (иврит)
шуметь	шавла	шиуа (кричать) (иврит)
шыртан	ш̣ӓртан	ширтан (перс.)
экономия	перекет	перегет (иврит)
эпоха	самана	заман (иврит, перс)

Сравнение слов чувашского языка со словами языков вышеперечисленных народов (выходцев из районов Плодородного полумесяца) наглядно свидетельствует о том, что в среду тюркоязычных синов действительно в древности влились шумеро-аккадские (семитские) племена, проживавшие прежде на территории современных Ирака и Сирии, среди которых были и «ассиры» (предки ассирийцев), создавшие в Средней Азии своё государство – «Серак», или «Серика» и их племенная знать, которых, как мы уже упоминали выше, именовали «сумар», или «самар», оставивших о себе память в названии города Самарканда.

Название города Самарканда переводится как «город почитаемых людей» или просто как «город жрецов и знати». Где слово «канд», означает «город», а слово «самар» произошло от слова «сумар», означавшее в древности «знать» или «жрец» и ошибочно переведённое учёными, как слово «шумер».

Народа с названием «шумер», никогда не было⁵³. Это название возникло от неточного перевода слова «сумар» в «шумер», означавшее «знать», или «жрец», которое и закрепилось среди учёных не как этноним этого народа, а как обобщённое название всего населения, проживавшее на юге Месопотамии, где теперь находится государство Ирак.

О том, что слово «сумар», или «самар» учёные ошибочно перевели как «шумер», подтверждается и тем, что не сохранилось ни одного географического (топонимического) названия, связанного со словом «шумер», хотя по логике вещей, такой известный народ если бы они действительно именовались шумерами, должен был бы как и их бывшие подданные – «ассиры» и их потомки: ассирийцы, серы, сирийцы, сохранить своё имя в течение тысячелетий.

Название же «самар» встречается с глубокой древности с момента возникновения, так называемой шумерской цивилизации. Некогда даже одна из их столиц именовалась «Самария», а её жители «самаритянами» (см.29, с.75).

По приходу из Месопотамии в Среднюю Азию жрецы серов продолжали ещё выделяться как обособленное сословие и имели огромное влияние в их общественном устройстве. По мере переселения потомков серов на новые места они в первую очередь строили храмы (вернее неприступные крепости или замки) для своих жрецов, охраняли и берегли их, как свою «зеницу ока», считая своих жрецов обладателями знаний полученных ими от самих богов Месопотамии. Город или укрепление, построенное вокруг этого храма, именовалось «городом или храмом жрецов», то есть в названии их столичных городов, аналогично названиям: Самария, Саммара, Самарканд, Биляр, Самара на Волге, Джуки-кала (Чук-хула), Джукетау (Чукту), Самар на Оби, и т. д., как правило, присутствовала основа «самар», «чук» или

«джуки» со значениями «жрец», «чародей», «ученый» или «мудрый».

Таким образом, народ, который мы условно именуем «шумер», а вернее наследники шумерской цивилизации, оставили о себе память в Месопотамии в названии городов – Самария и Самарра; в Средней Азии – Самарканд; в Турфане – Джуки-кала (Чук-хула), (в китайском произношении – Чжоха-хота); в устье Оби – укрепленное поселение Самар, а в Волжской Болгарии (конечной территории проживания далёких потомков шумерской цивилизации), они оставили о себе память в названии городов: Биляр, Самара, Сумерля (Шумерля) и Джукетау (Чукту).

Укрепленное поселение Самар (в устье Оби) было основано пришедшими сюда из верховьев Иртыша *«сизжунами»* – одними из предков современных чувашей. Местное угорское население именовало пришельцев (за их знания и умения) чародеями (мудрецами) или даже колдунами. У славянских народов обские савиры (северяне) именовались *«чудесниками»* (*«чудью»*). В дальнейшем пришедшие в устье Оби савиры в окружении отсталых местных племен постепенно деградировали, а их верховные жрецы *«самары»* (*сумары*), постепенно переродились в местных *«шаманов»*.

По мере расселения древних чувашей от Самарской Луки на запад они на завоёванных землях мордовских, марийских племён строили укрепленные поселения с храмом в центре. Один из таких укрепленных поселений пришельцев стал именоваться мордовскими племенами словом «сумерля», что означало в финно-угорских языках «поселение сумер» (сумар), которое впоследствии и трансформировалось в современное его название – Шумерля.

В финно-угорских языках слово «ля» (в сокращении от слова – «ола») переводится, как «поселение» (городок), которое подтверждается тем, что слово «ля» сохранилось в названии рабочего посёлка Кемля (что в Мордовии) и переводится с финно-угорских языков, как «поселение Кема».

Таким образом, мы вправе утверждать, что некоторая часть отуречившихся шумеро-аккадских (семитских племён) была вынесена волной «великого переселения народов» на Северный Кавказ и Среднее Поволжье, и последними носителями культуры древнего Шумера были здесь предки болгар, хазар и чувашей, которые до принятия ислама, христианства и иудаизма (хазары) продолжали исповедовать свою древнюю религию зороастризм.

КРАТКАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ ХУННУ

Около 5000 лет тому назад из Ближневосточного региона в Среднюю Азию и Северо-Западный Китай пришли потомки «ассиров» (предки ассирийцев) и их племенная знать именуемая «самар», или «сумар», принесшие сюда с собой свою шумерскую культуру Месопотамии.

Следует отметить, что обычно по названию племенной знати именуется и всё племя или какое-либо их государственное образование. В данном же случае у пришедших в Среднюю Азию потомков «ассиров» (серов) их правители (лугали) и их жрецы (самар, или сумар) были выборными. Их титулы не передавались по наследству, и они по этой причине не могли ещё создавать свои династийные Дома. Раз у них не было династий, то названия своим городам-государствам серы давали не по имени какого-либо временного их правителя или жреца, а именовали обобщённо «городом знати».

В результате смешения пришедших шумеро-аккадских (семитских) племён, а вернее потомков «ассиров» (предков ассирийцев), с пратюркскими племенами синов, на территории современной Средней Азии сложились ираноязычные и тюрко-ираноязычные племена серов. Часть пришедших шумеро-аккадских (семитских) племён, растворившись в более многочисленной среде пратюркских племён, оказали огромное влияние на развитие производительных и духовных сил этого региона.

Переселенцы из Месопотамии передали пратюркским племенам не только свои знания, культуру и некоторый словарный запас своего языка, но принесли с собой и свою дохристианскую религию (зороастризм), а также веру в единого бога, некоторые особенности которой сохранялись в верованиях предков чувашей вплоть до принятия ими христианства. Из чего следует, что предки чувашей никогда не были как обычно преподносится, «примитивными язычниками». Их религия была вовсе не примитивным язычеством или шаманизмом, а законченной концепцией мировоззрения, с традицией восходившей к глубокой древности, из которой и сформировались впоследствии различные религиозные течения, в том числе и христианство.

В XIV–XIII веках до н. э. после затопления Люкчунской котловины потомки синов и серов были вынуждены поменять свой ареал обитания.

Кочевые племена синов расселившиеся по просторам Казахского мелкосопочника, стали именоваться китайцами, племенами «хуньюй», то есть просто «степными кочевниками», которые впоследствии и сложились в одних из предков современных казахов (кангойцев).

Метисных потомков серов, перебравшихся в верховья Чёрного Иртыша и начавших там осваивать его речные оазисы, китайцы стали именовать «сижунями», то есть «западными жунами», или «западными варварами».

Основная же масса метисных потомков серов, именуемых китайцами «киданиями», перебралась в степи Внутренней Монголии, где уже с XXIII-го века до н. э. начали появляться предки монголов (беглые рабы из Китая), именовавшие себя до прихода сюда потомков серов словом «халха».

Пришедшие в монгольские степи «кидане», подчинив себе местные племена (Халхи), с течением времени превратились в их новую племенную знать. В начале они именовались «киданиями», а с 1115 года (после смены здесь династии) они именовались уже «монголами».

О том, что монгольская племенная знать в отличие от своих подданных имеет инородное происхождение, мы уже говорили. Своё возникновение они связывали с оазисами Турфана, Зеравшана и Илийской долины, что подтверждается историей Санан Сэчэня, под названием «Родословная Дома Монгол».

По данной родословной, Дом Монгол восходит за 2134 год до рождения Христа и начинается где-то среди индоиранских племён на западе (см.31, с.185), то есть подтверждается не местное их происхождение, а далеко на западе от «Халхи». Название «монгол» укоренилось в среде местных племён (Халхи) насильно, в течение нескольких последующих их поколений.

Пришедшие в 1327 году до н. э. из Турфана в степи Внутренней Монголии, во главе с князем Шань-фу, тюркоязычные племена (кидане) покорили здесь местные монголоязычные племена кумоси и татаней (потомков беглых рабов из Китая) и властвовали здесь около 300 лет (см.34, с.13), пока в 1027 году до н. э. не переселились в более благодатные места в Северном Шэньси и не основали там, силами «белокурых варваров», китайскую династию Чжоу.

Оставшиеся же в степях Внутренней Монголии племена в течение некоторого времени оставались данниками династии Чжоу. Постепенно укрепляя свою мощь, они с течением времени обособились от династии Чжоу, создав здесь свои собственные династийные Дома: Кидань и Татань. Эти две династии здесь взаимно возвышались и *упали* и сим образом, в двух линиях, попеременно господствовали тринадцать столетий (см.31, с.213).

В начале VI-го века до н. э. среди монгольских племён стала возвышаться тюркоязычная знать, пришедшая сюда из оазисов реки Или, которая, избрав своего правителя, стала властвовать над оставшимися в степях Внутренней Монголии татаньскими и киданьскими *поколениями*. Вновь избранный правитель татаньских и киданьских племён вступил на престол под именем «Или-хана», что значило «хан с реки Или» (см.31, с.240).

По преданию *праотцем* тюркоязычных племён, заселявших в древности оазисы Средней Азии и Джунгарии, был их вождь по имени Тюрк. В шестом колене от Тюрка и родился Или-хан (см.31, с.234).

По этому же преданию, у Или-хана родились два близнеца. Время их

рождения предание относит за три поколения до рождения Великого Модэ (Огуз-хана), который, как известно, вступил на престол в 209 году до н. э., предположительно в 26-ти летнем возрасте, то есть время рождения Модэ определяется приблизительно 235 годом до н. э. Зная время рождения Модэ и зная возраст трех поколений (из расчета 30 лет на одно поколение), можно определить, что время рождения близнецов Или-хана был приблизительно 325 год до н. э., Или-хана 355 год до н.э., а самого Тюрка 535 год до н. э.

Когда у Или-хана сыновья выросли, он свои владения разделил на две части: западную (киданьскую) и восточную (татаньскую). Ханская ставка Или-хана находилась в восточной части его татаньских владений (у горного хребта Яньжень, что в Хангае) и считалась «старшей» (главной), по отношению к западной «киданьской» части его владений. Понятия «восточный» и «западный» в те времена значили у них также – «старший» и «младший» (см.31, с.61).

Татаньские (восточные) свои владения Или-хан оставил за старшим (который родился первым) из своих близнецов, присвоив ему еще при своей жизни царские (ханские) полномочия, а младшему же своему сыну Или-хан отдал в управление западные (киданьские) свои владения, присвоив ему титул «мән гун», что значило «великий князь».

После смерти Или-хана его старший сын, уже на законном основании, занял престол своего отца (ханская ставка которого находилась на татаньских землях) и стал именоваться «Татар-ханом». Через некоторое время между близнецами-братьями начались разногласия (из-за старшинства), и они стали властвовать независимо друг от друга. Младший брат, спустя некоторое время, объявил себя тоже ханом и вступил на престол западных своих владений под аристократическим именем «Могул-хана» (Монгол-хана), основав здесь свою династию под названием «Дом Монгол».

Современная Монголия за свою многовековую историю именовалась, в зависимости от царствующего Дома, то «Домом Кидань», то «Домом Татань», то «Домом Монгол», окончательно утвердившись под этим названием в 1115 году (см.31 , с.231).

Пришедшие в степи Монголии метисные потомки серов, которых китайцы именовали «белокуроыми варварами» (жунами), или «киданиями» (серверянами), распались на четыре части, начав создавать здесь свои династийные Дома.

На западе и востоке современной Внутренней Монголии попеременно господствовали династии из Дома Татань и Кидань, переродившихся впоследствии в Дом Монгол.

На юге, на захваченных у китайцев землях, на основе пришедших из Турфана «киданей», возникла китайская династия Чжоу.

Северная же ветвь метисных потомков серов, ушедшая в прибайкальские степи Южной Сибири и сумевшая там подчинить своему влиянию ро-

довую знать потомков Шун Вэйя, превратилась в их новую родовую знать под названием Сюйбу, что в гуннском языке означало «край» (см.34 , с.60).

Около 1200 года до н. э., с приходом в степи Южной Сибири метисных потомков серов (носителей шумерской культуры), андроновскую культуру Южной Сибири вытеснила новая – карасукская, перенесенная сюда переселенцами из Северо-Западного Китая⁵⁴. В этот период в степи Южной Сибири проникают некоторые элементы культуры Месопотамии, в том числе клинопись, «культ солнца» и религиозные верования в единого бога.

Пиктограммы и календарь серов впоследствии переняли, сложившиеся здесь тюркоязычные хунны (в том числе: протоболгары и древние чувашши), солнечный календарь которых был гораздо древнее китайского и монгольских календарей, годосчисление которого начиналось 2824 годом до н. э.⁵⁵, очевидно, со времени основания ими в Средней Азии своей государственности.

Таким образом, прахуннские (огурские) племена сумели сохранить свое руническое письмо и свои пиктограммы, которые через много веков дошли до нас в виде рунических писем на чувашских вышивках и амулетах.

Происхождение хуннской письменности на основе шумерских пиктограмм, а не на основе реформированной китайской письменности, подтверждается высказываниями известного исследователя Северной Монголии Козлова П.К. (ученика Пржевальского), утверждавшего об индоиранском происхождении хуннской письменности⁵⁶.

До прихода в степи Южной Сибири метисных потомков серов (киданей), прахуннские общины еще не были единым народом. Они кочевали небольшими стойбищами, а каждое стойбище свое название получало от имени старейшины или от названия местности, вокруг которой они кочевали. Таких стойбищ и названий было великое множество, и китайцам было трудно ориентироваться в бесчисленных их наименованиях.

Китайцы своих государственных рабов, бежавших в степи и полупустыни Внутренней Монголии, именовали «злыми беглыми рабами» (сюнну), или «разбойниками» (хунну). Тюркское слово «гун» (князь) в китайском произношении звучит как «хунн» и воспринималось китайцами не в значении княжеского титула, а как «атаман разбойников».

Запутавшись в бесчисленных наименованиях пратюркских племён, китайцы решили титул прахуннских князей «гун» (хунн) перенести на название всего тюркского населения Южной Сибири и стали именовать их обобщённо словом «хунну». Под словом «хунн», или «хунну» (гунны) китайцы стали подразумевать то же самое, что мы подразумеваем под словом «казак», в его первоначальном значении «вольный человек», или «разбойник».

Подытоживая прахуннскую историю тюркоязычных племен, закончим ее, приходом в степи Южной Сибири из оазисов Турфана и Средней

Азии тюрко-ираноязычных «киданей».

С приходом в степи Южной Сибири метисных потомков серов, здесь стал появляться новый для этих мест расовый тип людей – смесь монголоидов и европеоидов с людьми брахикранного физического типа, причем европеоиды – это динлины и уйгуры, а к монголоидам примешан европеоидный (брахикранный) тип людей, происхождение которых, как мы уже отмечали выше, связано с восточно-средиземноморским физическим типом людей. Внешне представители тюркской племенной знати – серы, в результате прежнего смешения их с синами, к моменту прихода их в степи Южной Сибири напоминали современных узбеков, а их подданные (билу-пулзэйские племена) напоминали современных казахов, со значительной примесью монголоидных черт, чем у их племенной знати.

Период смешения культур Ближнего Востока и Китая, принесенная на территорию Южной Сибири потомками серов и потомками беглых рабов из Китая – это эпоха качественного скачка в развитии духовных и производительных сил этого региона, что связано в первую очередь с освоением здесь обработки железа. Вероятно, потомкам серов (знавших металлургию) удалось освоить ранее своих соседей, производство железа, а в первую очередь оружия. Именно это обстоятельство, а также ряд нововведений в государственном устройстве и в военном деле, в частности изобретение дальноточного лука, и дали хуннам (гуннам) те преимущества, которые позволили им в короткий срок, используя умение потомков серов, создавать государственные образования, подчинить себе близких и отдалённых соседей на западе и востоке, уверенно противостоять Циньской империи на южных своих границах.

Памятником расцвета хуннской (гуннской) культуры является сохранившийся прежде у предков гуннских болгар и чувашей – календарь. Задуман он был в 2824 году до н. э. как солнечный календарь потомков переселенцев из районов Плодородного Полумесяца, для климатических условий Средней Азии. Год по их календарю начинался 22-го декабря (по современному летосчислению) – в день зимнего равноденствия. Этот день считался нулевым и не входил ни в один из месяцев. Все остальные 364 дня распределялись в четырёх сезонах, по 91 дню (13 полных недель) в каждом сезоне.

Все сезоны в их календаре были приняты в соответствии и очередностью сезонных изменений погоды в Средней Азии. Каждый сезон, в свою очередь, состоял из трёх месяцев. В одном году было 12 месяцев, с такими названиями на русском (чувашском и китайском языках): январь (*кярлач, шое*), февраль (*нарйс, эрюе*), март (*пуш, саныое*), апрель (*ака, сьное*), май (*су, уое*), июнь (*сёртме, люое*), июль (*утй, цюое*), август (*сурла, баое*), сентябрь (*авйн, цююое*), октябрь (*юна, шиюе*), ноябрь (*чўк, шиюе*), декабрь (*сурхури, шиэрюе*).

Летосчисление по солнечному календарю предков болгар и чувашей

подразделялось, кроме того, на 12 годовых циклов. Каждый год цикла (как и у китайцев, перенявших и сохранивших календарь серов) назывался именами животных, приводимых на чувашском, китайском и русском языках:

чувашские	китайские	русские
шайши	шу	мышь
ёне	ню	корова
парӑс	ху	барс, тигр
куян	ту	заяц
астаха	лун	дракон
сӗлен	шэ	змея
лаша	ма	лошадь
сурӑх	ян	овца
упӑте	хоу	обезьяна
чӑх	цзи	курица
йытӑ	гоу	пёс
сысна	чжи	свинья

Все сезоны в этом календаре начинались с воскресенья. Некоторые учёные сегодня говорят не только о древности этого календаря болгар и чувашей который почти, что на два века древнее летосчисления китайского календаря, но и о его совершенстве. Наряду с календарями других народов, он даже рассматривался в одной из комиссий ООН как модель нового единого для всего Мира календаря (см.55, с.23).

Приход потомков серов в степи Южной Сибири подтверждается и тем, что у них здесь продолжал ещё существовать (сохранившийся со времени проживания их в Северо-Западном Китае) обычай: во время войны по пути во вражескую страну приносить в качестве «искупительной жертвы» духам своих предков какого-либо преступника, расстреливая его *«тысячью стрел»*. Точно также и по окончании войны они приносили в жертву одного из врагов, на этот раз как «благотворительную жертву» (см.31, с.76).

Пришедшие в степи Южной Сибири потомки беглых рабов из Китая смешались с проживавшими севернее их уйгурами, исповедовавшими *«культ зверя»*. Степные угры (уйгуры) первоначально поклонялись своему священному животному – «дикому быку» (туру), которому затем стали поклоняться и смешавшиеся с ними потомки беглых рабов из Китая.

Если степные угры впоследствии переименовали свой тотем «дикого быка» (тура) на одомашненного быка «огуза», по названию которого и стали именоваться «огузами», то метисные потомки уйгуров и беглых рабов из Китая (билу-пулэйские племена) продолжали поклоняться «дикому быку» (туру) и стали именоваться, пришедшими сюда потомками серов – «турками».

С течением времени более развитые потомки серов во главе со своей

племенной знатью стали постепенно подчинять менее развитые и разрозненные билу-пулэйские племена, находившиеся в своём развитии ещё только на стадии общиннородового строя. Объединившись с угорскими племенами и постепенно подчиняя и закабалая билу-пулэйские племена, потомки серов на основе своей и угорской родовой знати, создали здесь конфедерацию из двух этих равноправных племён.

Билу-пулэйские же племена, являясь подданными объединённой хунно-угорской племенной знати, стали, фактически попав к ним в кабалу, работать в качестве пастухов и придворных слуг хунно-угорских феодалов, содержавших в своих уделах (улусах) большое количество скота (см.25, с.27).

Часть билу-пулэйских племён, по названию своего главного тотемного животного «тура», именовалась «турками». Другая же их часть, избравшая своим отличительным племенным знаком (тотемом) рыбу, именовалась «пулу» (пуля), а впоследствии «пулэйцами».

В течение длительного времени название «турки» у новой хунно-угорской племенной знати было символом бескультурья, дикости и невежества покорённых билу-пулэйских племён и олицетворялось ими, аналогично «ассирам» Месопотамии, «неприкасаемым» Индии или «смердам» древней Руси, с понятиями: «тёмный народ», «чернь», или «простолюдины».

Хунно-угорская аристократия делилась на три категории: принцы крови, служилая аристократия и родовая знать. Особую категорию составляло духовенство со своей иерархией.

Уйгуры и метисные потомки серов, которых здесь стали именовать «хунно-уграми», поклонялись разным богам. У степных угров существовал – «культ зверя» и множество богов, а у потомков серов (хуннов) – «культ Солнца» и единый бог, поэтому на религиозной основе у них впоследствии возникали серьёзные осложнения – вплоть до государственных переворотов.

Пришедшая с потомками серов их духовная знать (жрецы), именовавшаяся прежде словом «сумар», что значило – «всезнающие люди», в Хунно-угорской конфедерации именовалась уже словом – «чжуки», что значило – «мудрый». При совмещении вождём племени и духовных обязанностей он именовался – «чжуки-князем». Название же «самар», или «сумар» сохранилось лишь в названии жрецов тех потомков серов, которые, после затопления Люкчунской котловины, ушли в верховья Иртыша, расселившись отсюда вплоть до устья Оби, и именовались они китайцами «сизунами» (западными варварами).

Разделение священнослужителей у тюркских (огурских) племён продолжало ещё сохраняться и в Волжской Болгарии. У сувар они продолжали именоваться словом «чжуки» (чук), которое подтверждается названием священной местности вблизи болгарского города Джукетау (Чукту), что значит «священная гора». У савиров же (низовых чувашей) священная гора

именовалась словом «самар», находившаяся вблизи современного города Самара.

У волжских же болгар их священнослужители (жрецы), до принятия ими ислама, именовались словом «*бияр*» (билар), что и означало «мудрый», «жрец» или «много знающий человек». У тюрков-огузов слово «*бияр*» означает «мудрость»⁵⁷. У протоболгар же путем добавления к слову «*бияр*» слова «*ар*» образовалось слово «*бияр*» (*бияр*), в значении «мудрый» (жрец).

ХУННО-УГРЫ

Метисные потомки серов, которых китайцы именовали «белокурými варварами», «киданиями», или «жунами», прежде проживали в оазисах рек Или, Зеравшана и Турфанской впадины. После случившегося там в XIV–XIII веках до н. э. наводнения, они вынуждены были покинуть свои «*насиженные*» места.

Часть тюрко-ираноязычных потомков серов ушла на север. Где одна из их групп осела на западных склонах Монгольского Алтая и именовалась китайцами – «западными жунами» (сизунами). Другая же их группа ушла в верховья Иртыша и вошла в состав савирских племён и стала именоваться «савирами».

Ираноязычная их часть осталась проживать на не подвергшихся затоплению западных склонах Тянь-Шаньских гор и именовалась она впоследствии «сакскими племенами», или «согдийцами».

Небольшая часть тюрко-ираноязычных потомков серов спаслась в предгорьях Наньшаня и именовалась усунями, или «большими жунами».

Основная же часть тюрко-ираноязычных потомков серов, именуемая тюрками, или киданиями, ушла на возвышенные места Внутренней Монголии, а оттуда (некоторая их часть) переселилась затем – в прибайкальские степи Южной Сибири.

По пути своего следования тюркоязычные земледельческие племена (огуры) осваивали удобные для земледелия речные оазисы, а кочевые *пастушьи* племена (огузы) – степные пространства Внутренней Азии. В течение XIII–III веков до н. э. они расселились на огромной территории и держали в своих руках широкую полосу предгорий от оазиса Хами на западе до оазисов Хингана на востоке (см.34, с.15), подразделяясь на множество больших и малых племён.

Н.Я. Бичурин характеризовал их так: «Все сии поколения рассеянно обитали по долинам рек, имели своих государей и старейшин, нередко собирались в большом числе родов, но не могли ещё, в поисках нового пристанища, соединиться в государственное образование» (см.37, с.43).

К моменту прихода тюрков в степи Южной Сибири там уже проживали: на востоке – степные угорские племена (уйгуры) и пришедшие сюда же вместе с Шун Вэйем (в XVIII–XVII веках до н. э.) потомки беглых рабов из Китая; а на западе Южной Сибири в верховьях Иртыша проживали угорские племена савиров, входившие в те времена в межплеменное объединение под названием «десятиплеменные угры».

Историю западной ветви тюркоязычных (жуно-угорских) племён, мы временно оставим в стороне, а в начале рассмотрим становление и возвышение восточной ветви тюркоязычных (хунно-угорских) племён, потому что главные события в истории «хуннов» (гуннов) начинаются именно здесь.

В результате смешения, пришедших в прибайкальские степи Южной Сибири потомков беглых рабов из Китая, со степными угорскими племенами, здесь сложились билу-пулэйские племена, ставшие проживать в промежулке между монгольскими (на юге) и уйгурскими (на севере) племенами.

В XIII–XII веках до н. э., с приходом в степи Южной Сибири на земли уйгурских и билу-пулэйских племён потомков серов (тюрков, или киданей), здесь резко меняется политико-этническая ситуация.

Объединившись с племенной знатью «десятиплеменных угров», постепенно подчиняя и закабалая билу-пулэйские, а также монгольские племена (дунху), дальние потомки серов создали здесь конфедерацию племён, с племенной знатью из двух знатных родов: Сюйбу и Хуянь, начав поочерёдно править этой конфедерацией хунно-угорских племён.

Если при Шун Вэе местные билу-пулэйские и уйгурские племена своего верховного вождя выбирали только на случай войны и именовали его словом «гун», что значило не более чем «князь военного времени», то в Хунно-угорской конфедерации избирался уже пожизненный правитель, с

титолом «шаньюй», что значило уже «царь».

Причём, если хунно-угорский царь (шаньюй) выбирался из хуннского рода Сюйбу (край), то себе в жёны он был обязан брать невесту из знатного уйгурского рода Хуань (заяц) (см.34, с.60). Поэтому эти два знатных рода, будучи связанными между собой прочными родственными связями, длительное время правили хунно-угорскими племенами, попеременно сменяя или свергая друг друга.

Кроме того, если уйгурские и билу-пулзэйские племена до прихода в степи Южной Сибири потомков серов (хуннов) не делились на классы и касты, то с приходом сюда хуннов и возникновения в Хунно-угорской конфедерации зачатков государственности (аналогично прежнего классового общественного их устройства в Месопотамии и в Средней Азии) начинается разделение хунно-угорского феодального общества на классы и касты.

Высшую ступень в иерархической лестнице Хунно-угорской конфедерации занимали пожизненно избираемые цари (шаньюй). Затем следовали: принцы крови, верховные жрецы (чжуки), служилая аристократия (луликнязья) и родовая знать, а низшую ступень хунно-угорского общества занимали рядовые члены этого общественного образования (турки), которые обязаны были в мирное время пасти скот, а в случае войны быть воинами. Рядовой хунн, родившийся воином или пастухом (аратом), должен был быть только им и никем другим (см.35, с.63).

Объединение уйгурских (угорских) племён, во главе которых стоял знатный род Хуань, состояло из десяти степных угорских племён и именовались они поэтому «десятиплеменными уграми», что на языке «з»-язычных (огузских) тюркских племён произносилось как – «уногуры», а на языке «р»-язычных (огурских) племён произносилось уже как «вунгуры». Где слова «ун» и «вун» означают на огузских и огурских языках одно и то же число «десять».

Пришедшие в степи Южной Сибири потомки серов, объединив степные угорские, динлинские, монгольские и билу-пулзэйские племена, проживавшие на степных просторах Южной Сибири от южных склонов Алтайских гор на западе, до прибайкальских степей на севере и востоке, теперь уже свои взоры обратили на степи южных окраин пустыни Гоби, где их интересы, начиная с IV-го века до н. э., стали сталкиваться с имперскими устремлениями Китая.

Хунно-угры к этому времени имели уже своего царя (шаньюя), который был не абсолютным монархом, но постоянным, даже пожизненным вождём (см.34, с.45).

Усиление Китая весьма неблагоприятно сказалось на продвижении хунно-угров к южным окраинам пустыни Гоби. Так, например в 214 году до н. э., китайский полководец Мэнь Тань со 100-тысячным войском переправился через Жёлтую реку (Хуанхэ) и нанёс хунно-уграм жестокое поражение.

ние, далеко рассеяв их от своих границ.

Незадачливый хунно-угорский царь Тумань, отец будущего Великого Модэ, вынужден был отступить и скрыться от копий китайской пехоты в песках пустыни Шамо. Казалось, что с хунно-уграми после такого поражения покончено, и их соседи (юэчжи, дунху и китайцы) теперь разделят между собой хуннские степи. Но история рассудила иначе! Кто теперь знает о юэчжах и дунху, враждебных ближайших соседях Хунну тогда, как имя хуннов, или гуннов довольно хорошо известно нашим современникам.

Хунно-угорский царь Тумань скрылся от китайцев в песках пустыни Шамо, затем удалился в Халху и поселился под Хангаем на территории современной Монголии (см.31, с.237).

Здесь он восстановил свою пошатнувшуюся власть над двадцатью большими билу-пулэйскими кочевыми родами, приблизив (аналогично опричникам Ивана Грозного) старейшин хунно-угорской «черни» (тюрков) к своему ближайшему окружению.

Вельможи же Туманя, состоявшие до этого только из представителей знатных родов Сюйбу и Хуянь, этих двадцать старейшин, возвысившихся из среды бывшей их «черни», стали пренебрежительно именовать словом «харахоринь», которое переводилось как «чёрных – двадцать». Это соответствовало в смысловом значении русской поговорке: «Из грязи, да в князи». Самого же Туманя после этого прозвали «Кара-ханом», то есть «ханом над черными», или «ханом над турками».

Таким образом, конфедерация хунно-угорских племён от таких потрясений, нанесённых им китайцами, не распалась. Она стояла на прочной основе, потому что политическая система, социальный строй и культура Хунно-угорской конфедерации, принесённая в степи Южной Сибири потомками серов, была более прогрессивной и значительно отличалась от примитивного образа жизни окружающих их племён.

После Туманя, пришедший к власти его сын Маодунь, лишь усовершенствовал и немного реформировал существовавшие до него социальные отношения и добился на этом поприще огромных успехов, создав в степях Южной Сибири и современной Монголии, могущественную «державу Хунну», или «Великую Хунгарию» (см.34, с.59).

ЭПОХА МОДЭ

Хунно-угорская конфедерация состояла из двух равноправных племенных объединений: потомков серов (киданей) и степных угорских племён. Их верховными правителями (царями, шаньюями) могли избираться только представители из хуннского рода – Сюйбу или из угорского рода – Хуянь, но с таким условием, если их верховный правитель избирался из знатного рода Сюйбу, то жену себе он был обязан брать из знатного рода Хуянь и наоборот (см.34, с.60).

Хунно-угорский царь (шаньюй) Тумань, будучи из рода Сюйбу, после избрания его правителем Хунно-угорской конфедерации, согласно принятой традиции, был вынужден взять себе жену из угорского рода Хуянь, которая родила ему сына, названного Маодунем. Навязанную ему традицией *ханшу* Тумань не любил и вскоре женился на любимой женщине, которая тоже родила ему сына.

Мать Маодуня тайно обучала сына угорским обычаям и их религии, поклоняясь *«культу зверя»*, в частности *«культу быка»*. Когда же Маодунь вырос и возмужал, то его отец, исповедовавший *«культ солнца»* и веру в единого бога, узнав, что его старший сын привержен иной вере страшно рассердился (см.35, с.235). Это послужило ему удобным предлогом для того, чтобы передать свой престол любимому младшему сыну от очаровательной второй своей жены. Для исполнения этой своей цели Тумань решил пожертвовать старшим Маодунем и отдал его в заложники юэчжам (скифам) (см.27, с.33). Затем Тумань напал на юэчжей, рассчитывая на то, что те убьют Маодуня, но он не погиб: он выкрал из табуна юэчжийского хана лучшего коня и прискакал к своим сородичам. Его отец, чтобы сгладить свою вину отдал Маодуню в удельное княжение – одно из угорских племён его матери в десять тысяч семейств, где тот собрал себе боевую дружину из молодых воинов, которым привил железную дисциплину и умение обращаться с боевым оружием.

Обеспокоенные возможностью неимоверного усиления Маодуня, откровенно перешедшего на сторону материнского рода, племенная знать из царствующего рода Сюйбу пыталась уговорить Туманя вернуть своего старшего сына в ханскую ставку, тем самым отлучить Маодуня от войска. Но тщетно. Тумань, пренебрёг советом старейшин. С этого времени в хунно-угорском сообществе начинаются распри между сторонниками Туманя (Кара-хана) и сторонниками его старшего сына Маодуня, которого сторонники Кара-хана, поклонявшихся *«культу солнца»*, прозвали за его поклонение *«культу быка»* «Огуз-ханом». Где, слово «огуз» и значит «бык».

По преданию, если Маодунь выпускал стрелу в любую цель, все со-

провожающие его воины обязаны были поразить эту цель. Как-то Маодунь, проверяя дисциплину своих воинов, выстрелил в своего любимого коня; несколько его приближённых *замешкались*, так как не осмелились стрелять в любимую лошадь своего повелителя, так им немедленно отрубил головы.

Спустя некоторое время Маодунь пустил стрелу в свою красавицу-жену, и снова тех, кто не осмелился повторить выстрел вождя, Маодунь приказал казнить. И когда мишенью стал конь его отца, то «робких» уже не оказалось; не было их и тогда, когда Маодунь на охоте пустил стрелу в своего отца – в него вонзились стрелы всех приближённых Маодуня. Затем он убил мачеху, сводного брата, часть родственников отца и старейшин из низших сословий (опричников), не пожелавших ему повиноваться, и стал хунно-угорским правителем (шаньюем), взойдя в 209 году до н. э. на царский престол под угорским именем Модэ, основав свою династию с наследственной властью и царскими полномочиями.

Как мы уже отмечали выше, часть тюрко-ираноязычных потомков серов из оазисов Средней Азии и Турфана ушла на север – в предгорья Алтая, а другая же их часть ушла на восток, в степи Внутренней Монголии, а оттуда в прибайкальские степи.

Ввиду длительного проживания в различных регионах Внутренней Азии и частичного смешения их с инородными племенами, потомки серов, проживавшие на западе и востоке степей Южной Сибири, стали по внешним своим морфологическим признакам отличаться друг от друга.

Европеоидные потомки серов, оказавшись в прибайкальских степях, смешались там с билу-пулэйскими племенами в результате чего во внешнем их облике появились существенные монголоидные морфологические признаки. Китайцы именовали их обобщённо – «восточными жунами» (восточными варварами), а впоследствии «хуннами», придавая этому слову то же значение, что мы подразумеваем под словом «казаки». А потомки серов, оказавшиеся в алтайских степях Западной Сибири, стали именоваться китайцами «сижунами» (западными жунами, или западными варварами), отличаясь от «восточных жунов» (хуннов) большим количеством европеоидных компонентов.

После прихода к власти Модэ возвысился знатный угорский род Хуянъ (заяц). Попавшая в немилость часть знати из рода Сюйбу и выдвинувшиеся при шаньюе Тумане вельможи из низших тюркских сословий, считая Модэ отцеубийцей и узурпатором, со своими стадами и подданными (в том числе и племя пулу) откочевали к родственным «сижунам», проживавшим в те времена в верховьях Чёрного Иртыша, на западных склонах Монгольского Алтая. Впоследствии племя пулу (пулэй) было переселено сыном Модэ Лаошанем в Турфанский оазис, к предкам низовых чувашей – чешисцам.

Ушедшие на запад сторонники отца Модэ (Кара-хана) стали себя

именовать «караханидами», проживая под таким именем среди «сизунов» (западных варваров).

Если сторонники Кара-хана именовали себя «караханидами»⁵⁸, то сторонники Модэ из бывшего его удельного княжества, подаренного ему отцом, стали себя именовать «модэарами», то есть «людьми Модэ» (мадьярами). Где слово «ар» означает «человек» (люди). Если их, к примеру, спрашивали «Чи вы люди»? то, они с гордостью отвечали, что они «люди Модэ», то есть «модэары». Аналогичные происхождения самоназвания некоторых племён в истории народов не редкость. Пример тому – древняя Русь. Соплеменники князя Олега именовали себя «Олеговичами», а соплеменники князя Рюрика, именовали себя «Рюриковичами».

С приходом к власти, Модэ решил возродить могущество своей страны, а также быстрее вернуть потерянные его отцом земельные области на западе своей державы. Первым делом он организовал поход на более слабых восточных своих соседей – дунху. Они не ожидали нападения и были *наголову* разбиты. Вся их территория, скот и имущество достались победителю. Остатки дунху поселились у гор Ухуань и в дальнейшем были известными под названием ухуань. Вся степная часть Маньчжурии оказалась в руках Модэ (см.34, с.53).

По возвращении из похода против дунху, Модэ не распустил войска, а напал на юэчжей и прогнал их со своих исконных западных земель (см.34, с.53). К 197 году до н. э. «держава Хунну», созданная Модэ, включала уже в себя 24 хунно-угорских племени, подразделяясь: на восточных, южных и западных. У восточных хунно-угров доминировали «модэары» (предки венгров), у южных – монгольские племена, а у западных (жуно-угров) – савирская племенная знать, передавшая впоследствии своё имя предкам чувашей.

С течением времени Модэ разделил свою державу на три части, назвав их «сторонами» (см.31, с.195). В каждой «стороне» был свой князь. Причём западные и южные князья считались «младшими», по отношению к восточным – «великим князьям» (см.34, с.61). Ханская ставка Хунну изначально располагалась на землях «восточной стороны», и поэтому все цари (шаньюи) выбирались только из числа «великих восточных князей». Выбор шаньюев с иной стороны и изменение названия их державы (еще со времен Туманя), считалось у них государственным переворотом. В названии их конфедерации должны были присутствовать слова – «хунну» или «угры».

При описании сражений, с участием хунно-угров (гуннов), древние авторы сообщали: «После окончания сражения, за трусость в бою, гунны расстреляли нескольких вентров». Исследователи истории хуннов до сих пор в недоумении: "О каком неизвестном племени или народе, в данном случае, идёт речь?" Это недоумение легко устраняется, если это слово

рассматривать в чувашской транскрипции с позиции ратного устройства гуннского войска.

Численность войск Модэ определялась в 300 тыс. человек (см.37, с.47). Самым крупным подразделением гуннского войска было в 10 тыс. человек, затем шли: тысячи, сотни и десятки, во главе которых стояли «десятитысячники» (ёмпү), «тысячники» (пинпү), «сотники» (сёрпү) и «десятники» (вунпү, или вунтӑрри). Где, слово «ёмпү», переводится, как «всеобъемлющий» (самый старший). Во главу 10 тысячного войска ставили только «великих князей». Слово «пү», значит «голова», или «глава», «пин» (1000), «сёр» (100) и «вун» (10), а слово – «вунтӑрри» переводится с чувашского как «верх десятки», или «глава десятки» (десятник).

В войсках Модэ была жесткая дисциплина. Если кто-либо из войскового подразделения (десятки) совершал предательство или трусил, то у хуннов расстреливали всю «десятку», вместе с их командиром. Таким образом, проясняется, что слово «вентры», упоминаемое древними авторами, это не название какого-либо народа или племени, а всего лишь название главаря «десятки» в гуннском (хуннском) войске.

Хуннское войско представляло собой конницу. Конные отряды хуннов производили молниеносные налёты на неприятеля; окружали его со всех сторон, осыпая тучами стрел, затем пускали в ход копья и мечи. Боевые стрелы хуннов снабжались костяными шариками с отверстиями – сотни свистящих стрел наводили ужас на врагов и пугали их боевых коней.

К концу I-го века до н. э. хунны (гунны) подчинили себе многие племена Центральной Азии, включили в свою державу: бассейны Иртыша и Оби, верховья Селенги и Енисея, Семиречье, а также междуречье Амударьи и Сырдарьи.

Модэ умер в 174 году до н. э., достигнув такого величия, о котором в начале жизни даже и не помышлял. Его дело просуществовало 300 лет, и ни один из его многочисленных потомков не смог сравниться с ним по способностям и таланту (см.34, с.68).

Таковы подробности основания и возвышения Хунно-угорской державы, сообщаемые выдающимся китайским историком древности Сыма Цянем.

“ДЕРЖАВА ХУННУ”, ИЛИ “ВЕЛИКАЯ ХУНГАРИЯ”

После отстранения от власти царствующего жунского рода – Сюйбу, гегемония (в созданной Модэ державе) перешла к знатному роду «десятиплеменных угров» – Хуянь. За время 35-ти летнего пребывания у власти, Модэ сумел к «десятиплеменным уграм» присоединить ещё четырнадцать племён, создав 24-х племенную державу Хунно-угров (Великую Хунгарию).

«Десятиплеменные угры» именовались – «уногурами», или «вунгурами», а в латинской транскрипции – «венграми». Из чего мы имеем право предположить, что современные венгры, и есть потомки материнского рода Модэ, которое подтверждается тем, что венгры до сих пор именуют себя – «модзарами» (мадьярами), то есть «людьми Модэ», и тем, что свою прародину на востоке они именуют – «Hungaria Magna», что означает «Великая Хунгария». Где, слово – «magn» (по-чувашки – «мӑн»), значит – «великий» или «большой».

За период совместного проживания в «Великой Хунгарии» в среде тюрко-ираноязычных потомков серов (жунов), в финно-угорские языки «десятиплеменных угров», проникли около сотни чувашских (тюрко-иранских) слов, что хорошо прослеживается в нижеприводимом сравнении слов чувашского языка, со словами некоторых финно-угорских народов:

русские	чувашские	венгерские
амбар	ампар	хомбар
бабочка	лӗпӗш	лэпкэ
базар	пасар	вашар
барс	парӑс	пардуц
барсуک	пурайш	borz
блины	икерчӗ	ичке пат (эрзя)
богатырь	паттӑр	батор
богач	пуян	поян (мари.)
борода	сухал	сакал
бык	вӑкӑр	укор
великий	мӑн	magn
верблюд	тӗве	тэве
верёвка	вӗрен	vego
ветер	ҫил	сел
вечер	каҫ	кас (мари.)
вино	эрех	арих (мари.)
войско	ҫар	sireg
волна	хум	хуллам

выворачивать	тавӑр	кавар
глотнуть	сыпни	сопни (сосать)
гнида	шӑрка	шерке
голый	ҫара	szag (плешивый)
горох	пӑрҫа	боршо
гриб	кӑмпа	гомба
двойня	йӑкер	икер
дедушка	кукаҫей	кугызай (мари.)
деньги	укҫа	акса (мари.)
дом	пӑрт	порт (мари.)
дрожать	чӑтре	четырнаш (мари.)
дрожжи	ҫепрӗ	попро
дубинка	чукмар	пӗтмар (эрзя)
желтый	сарӑ	шарга
жилы	шӑнӑр	zsinog (шнур)
журавль	тӑрна	тури (удм.)
заворачивать	ҫавӑр	чавар
зеркало	тӑкӑр	тюкер
зерно	тырӑ	tega (эст.)
зерно	тырӑ	дара
злой	усал	осол (мари.)
злой дух	алпастӑ	алпасты (удм.)
зять	кӑру	кero (жених)
каша	пӑтӑ	пыды (удм.)
кислое молоко	турӑх	турo
клей	ҫилӗм	дялом
клеймо	паллӑ	пале (мари.)
коза	качака	кечке
колодка	калӑп	калып (удм.)
кольцо	ҫӑрӗ	пӑорю
комната	пӑлме	полем (мари.)
конец	вӑҫӗ	vege
конопля	кантӑр	кендер
корова	ӗне	ӑно
который	хӑш	kes (эст.)
красивый	сеп	сӑп
крюк	ҫекӗл	csaklua
лев	арӑслан	орослан
лекарство	эмел	эм (мари.)
линия	чикӗ	чик (кайма)
лошадиная грудь	ӑмра	онг (мари.)
лыжи	йӗлтӑр	йал (нога), тӑр (сани) [мари]

мать	анне	аня
мой	манӑн	mīnu (эст.)
мой	манӑн	минун (финн.)
море	тинӗс	тенгер
муравей	кӑткӑ	готка (финн.)
муха	шӑна	сунбог
мялка	тылӑ	тило
налим	шампа	шомпо
наместник	турун	тудун
народ	халӑх	калык (мари.)
нары	сакӑ	ек (стул)
начальник	турхан	тархан
недоуздок	нӑхта	нухта (мари.)
ножницы	хачӑ	кайыц (мари.)
обед	апат (еда)	эбед
обезьяна	маймун (огуз.)	майом
освещать	çутат(ма)	sütitama (эст.)
отверстие	ан	анг (мари.)
отец	атте	атя
охота	сунар	сонар (мари.)
пашня	ака	еке
перекладина	кашта	кашта (мари.)
перепёлка	путене	пуддырчо (мари.)
перец	пӑрӑç	борш
песок	кум (огуз)	хомок
пиши	çыр	ир
плуг	акапуç	экеваш
подметать	шӑпӑр	шепер
поколение	йӑх	йих (мари.)
польнь	эрӗм	ӳрӗм
приятель	тус	тос (мари.)
проводить	ӑсатма	saatma (эст.)
прорубь	вакӑ	vek
птица	кайӑк	кайык (мари.)
пух	мамӑк	мамык (мари.)
ребёнок	ача	йоча (мари.)
самка	ама	эме
свинья	сысна	дисно
семь	çичче	seitse (эст.)
серб	çурла	шарло
сила	вай	вай (манси)
сирота	тӑлӑх	тулых (мари.)

скручивать	пётёр	пёдёр
сорняк	сум	щюм
сосать	ём(ме)	итема (эст.)
соска	ёмкёч	емни
сторож	хурал	орол (мари.)
судак	шала	шоллё
сыр	чакят	шайт
тёзка	аташ	адаш (мари.)
телега	урапа	орава (мари.)
телёнок	пару	бору
тёлка	тына	тино
товарищ	юлташ	йолташ (мари.)
топор	балта (огуз.)	балта
трость	туя	тоя (мари.)
трубка	чёлём	цилэм (эрзя)
трудный	кансар	kenyszer
тупой	тампай	томпа
убавлять	чак	csokkenni
ударить	сапас	csapni
узкий	хёсёк	кешкень
усадебка	сурт (дом)	сурт (мари.)
хмель	хамла	humala (эст.)
хмель	хамла	комло
ходить	кай(ма)	käima (кайма) (эст.)
цвет	сан	син
цветок	чечек	цеця (эрзя)
цыплёнок	чёпё	чибе
человек	этем	айдеме (мари.)
число	сум	сам
яблоко	улма	алма
языческий праздник	чук-чок	csok (пир)
ячмень	урпа	арпа

Приведённое сравнение слов чувашского (огузского) языка с финно-угорскими не оставляет сомнений о совместном проживании прежде предков чувашей и «десятиплеменных угров» (в том числе и предков венгров) в составе созданной Модэ «державы Хунну», или «Великой Хунгарии».

Государственным языком «державы Хунну» был принят огузский диалект тюркского языка. Огузский же диалект тюркского языка считался языком простолюдинов. После падения «державы Хунну» и обособления «караханидов» огузский диалект тюркского языка стал господствующим в среднеазиатских их княжествах.

“ВЕЛИКАЯ ХУНГАРИЯ” И ЕЁ ПРАВИТЕЛИ

В 174 году до н. э. умер Модэ, оставив в наследство своему сыну Гиюю «Великую Хунгарию», разделив её на три части, названные «сторонами»: «восточная», «западная» и «южная» (см.31, с.195). Причём восточная сторона считалась «старшей», в отношении западной и южной. Очевидно, традиция предков чувашей именовать свой край «стороной», восходит ко времени проживания их на юге Алтая, в составе «Великой Хунгарии».

Гиюй, вступивший на престол под именем Лаошаня, успешно продолжил начатые его отцом войны против юэчжей. В результате этих войн юэчжи потерпели сокрушительное поражение и были далеко отброшены от границ «Великой Хунгарии». Их правитель Кидолу в 165 году до н. э. был убит в сражении (см.34, с.69). Отрубленную его голову доставили Лаошаню, а он подобно печенежскому князю, сделавшему из черепа убитого им князя Святослава чашу для пиров, из черепа Кидолу сделал кубок и пил из него вино, устрашая тем самым своих недругов.

Покончив с юэчжами и развязав себе тем самым руки, Лаошань пошёл на Китай. В 166 году до н. э. он со 140 тыс. конницей вторгся в северные области Китая, захватив великое множество народа, скота и имущества. Сжег летний дворец китайского императора, причём «летучие» отряды его конницы не потеряли ни одного из своих воинов⁵⁹.

В 162 году до н. э. китайский император Вэн-ди обратился к Лаошаню с просьбой о перемирии. Для Китая этот вынужденный мир с «варварами» был тяжёлым и позорным, по которому Китай и «держава Хунну» признавались двумя равными государствами.

После смерти Лаошаня в 161 году до н. э. правителем «державы Хунну» стал его сын, то есть внук Модэ – Гюньчень (в тюркском произношении Гунчун, или Гунджан, что означало – «гуннская душа»), который возобновил войну с Китаем. Он не уронил достоинства созданного его дедом «Великой Хунгарии». Выдержал шестилетнюю борьбу с усиливающимся, после окончания там раздоров, Китаем (см.34, с.85).

В дальнейшем читателям следует иметь в виду то, что гуннские (чувашские) имена в книге представлены, из-за отсутствия других источников, только в китайской транскрипции. В гуннской (тюркской) транскрипции они бы, естественно, звучали бы иначе.

Гюньчень умер зимой 126 года до н. э. Воспользовавшись тем, что в момент смерти отца его сын Юйби находился в походе, то есть в это важное время его не было в ханской ставке, брат Гюньчenea (дядя, в отношении к Юйби) – «восточный» князь Ичисйе объявил себя царём (шаньюем) и пошёл на своего племянника войною и разбил его в сражении.

Юйби бежал в Китай, где вскоре и умер. После неожиданной и быстрой смерти Юйби, начавшаяся было распря князей из-за него вскоре закончилась, и Ичисйе с удвоенной энергией продолжил с переменным успехом войну с Китаем.

В 114 году до н. э. Ичисйе умер, и власть перешла к его старшему сыну Увэю. После падения династии Цинь, Китай был длительное время занят внутренними раздорами и особенно не беспокоил «державу Хунну», а Увэй-хан не отличался воинственностью и старался проживать в мире и согласии со своими соседями, за что и получил своё прозвище «тихий» (см.34, с.89).

В 105 году до н. э. «тихий» Увэй умер, передав престол молодому и энергичному своему сыну Ушилу. К этому времени Китай, прекратив раздоры внутри страны, стал быстро восстанавливать свои силы. Весной 103 года до н. э. китайский (ханьский) полководец по имени По-ну с 20-ти тысячным войском выступил против своих соседей. Ушилу окружил китайский корпус в безводной местности. В поисках воды По-ну ночью выехал из лагеря и был схвачен хуннским разъездом. Вслед за тем хунны напали на деморализованное потерей своего полководца китайское войско и принудили их к сдаче. Ушилу после этой победы немедленно перешёл в контрнаступление на Китай. Казалось, возвратились времена Модэ, но Ушилу внезапно заболел и умер в 102 году до н. э., оставив наследником младенца-сына. У отца Ушилу был брат Гуйлиху, который стал регентом при наследнике-младенце, получив полномочия главного военачальника хуннского войска (см.37, с.71).

Гуйлиху, как и его племянник Ушилу, был враждебен Китаю. Осенью 101 года до н. э. он ворвался в Китай и угнал несколько тысяч пленных. Зимой он попытался вновь повторить свой поход на Китай, но так же как и его племянник Ушилу внезапно заболел и умер и на престоле вновь оказался наследник-младенец. Но время требовало энергичного правителя, и хуннские старейшины вспомнили свою старую систему выборов – на случай войны избирать, «князей военного времени» (вождей-полководцев). В 101 году до н. э. они избрали наиболее подходящего на этот момент «великого восточного князя» (младшего брата Ичисйе) – Цзюйдихэу.

«Великий восточный князь» Цзюйдихэу, став вождём-полководцем хуннов, показал себя благородным человеком, храбрым полководцем и умным политиком. В первую очередь, он попытался помириться с усиливающимся Китаем, заключив с ними договор «родства и мира».

Прибывшее к Цзюйдихэу китайское посольство ставило такие наглые условия примирения, что Цзюйдихэу фактически становился, согласно этому договору, вассалом китайского императора, что, конечно же, не устраивало хуннского вождя. Раздражённые провалом переговоров члены китайского посольства попытались организовать заговор против Цзюйдихэу, но

заговор был раскрыт.

Провал посольства привёл в ярость китайского императора, и снова вспыхнула война (см.34, с.111). В 99 году до н. э., китайцы организовали два безуспешных похода против Цзюйдихэу, потеряв в сражениях около 7000 человек. Китайский император У-ди не успокаивался на этом и посылал всё новые войска. В третий поход в этом же году выступил китайский полководец Ли Лин с 5000 отрядом отборной пехоты.

Китайцы шли по безводной степи; хуннские всадники настигали их; пернатые стрелы с пронзительным свистом мелькали на солнце и вырывали, из среды китайских воинов всё новые и новые жертвы, а хунны всё усиливали свои нападения. Китайцы *издержали* все свои стрелы, и Ли Лин, видя невозможность дальнейшего сопротивления, отдал последний приказ: «*выходить из окружения, кто как сможет*». В результате, ему самому же не удалось выйти из окружения, и он попал в руки к хуннам (см.35, с.111).

Цзюйдихэу не убил Ли Лина. Он считал его храбрым и достойным полководцем и женил его на своей дочери, дав ему в управление удел и динлинское племя хагасов, наградив титулом «западный чжуки-князь» (см.37, с.35).

Ли Лин привёл с собой к хагасам (людям европеоидного физического типа) часть верных ему китайских воинов. Здесь он правил до глубокой старости. Он и пришедшие с ним китайские воины оставили после себя многочисленное потомство, коренным образом изменив физический тип местного хагаского населения, передав им многие свои монголоидные признаки.

В верности, описываемых этих событий Сыма Цанем, подтверждается тем, что на территории современной Хакасии археологами был обнаружен дворец Ли Лина, а недавно и его могила (см.34, с.112).

Капитуляция Ли Лина произвела в Китае удручающее впечатление. Император распорядился произвести расследование и покарать виновников. Ввиду невозможности наказать Ли Лина, решили казнить его мать. За старую женщину заступился сам Сыма Цань (выдающийся историк древности Китая), но был обвинён в заступничестве за предателя, кастрирован и подвергнут в январе 98 года до н. э. тюремному заключению (см. 34, с.112).

В 97 году до н. э. китайцы вновь напали на хуннов, но получили такой ответный удар, что после этого им пришлось в течение семи лет собирать новую армию. В этот напряжённый момент, когда китайцы в открытую готовились к новой войне, умирает Цзюйдихэу и на хуннский престол, в 96 году до н. э., вступает его старший сын – Хулугу.

Реформировав свои войска в 90 году до н. э., китайский император У-ди направляет их в составе 70 тыс. конницы и 100 тыс. пехотинцев против Хулугу.

Несмотря на тотальную мобилизацию, хунны в числе уступали китайцам. На западе против 40 тыс. китайцев они сумели выставить всего 20

тыс. хуннов и 3750 пеших «чувашей» или в китайском произношении «чешисцев». На востоке против 40 тыс. китайцев противостояло 30 тыс. хуннов. Хуже всего было в центре, где против 90 тыс. армии китайцев, Хулугу сумел выставить всего 50 тыс. хуннов и динлинов. Однако малочисленность хуннов с лихвой искупалась боевым духом кочевников, защищавших свои родные земли.

Измотав в мелких сражениях западные и восточные армии противника, Хулугу заманил основную (центральную) армию китайцев вглубь страны. Окружил её в центре своих восточных владений (в Хангае) и у гор Яньжень наголову разбил основную армию китайцев.

От этого поражения Китай долго не мог оправиться. Новое войско взять было неоткуда. К тому же в 87 году до н. э. умер инициатор войны – китайский император У-ди. Хунны рассчитались с китайцами за все свои прежние обиды и снова, как и при Модэ, стали гегемонами Внутренней Азии. Но потчевать на лаврах своих побед им пришлось недолго. В их собственной среде возникли серьёзные противоречия, с которыми не смогли справиться слабые преемники доблестных предков «Великой Хунгарии» (см.34, с.118).

ПОЧЕМУ САВИРЫ СТАЛИ ИМЕНОВАТЬСЯ ЧУВАШАМИ?

Мы уже выяснили, что пришедшие из тёплых южных мест потомки беглых рабов из Китая, холодные места современной Сибири, где проживали «лесные люди» (динлины), стали именовать словом – «сивё сёр», то есть «холодной землёй». Где, слово «сивё» (в огузских языках), значит «холод», а «сёр» – «земля».

В огузских же языках, в результате редуцирования звуков, слово «сёр» превратилось в слово «ер» (земля), а звук «ё», вообще выпал из слова «сивё». Поэтому слово «сивё сёр» в огузских (тюркских) языках превратилось в слово «сивер» (савир), а в латинской транскрипции в слово – «sever» (север). В дальнейшем местное население Сибири, вместо прежнего своего названия «динлины», стало всё чаще именоваться – «савирами» (северянами).

Во времена одного из «великих переселений народов» основная масса савирских (динлинских) племён ушла на запад, за Уральский хребёт⁶⁰, где и стала известна: у восточноевропейских народов как «северяне», а у западноевропейцев – «норманны».

Часть савирских племён, отделившись от основной своей массы, осталась проживать в лесах горного Алтая, а после частичного смешения с индоиранскими (арийскими) племенами перешла от лесного образа жизни к полустепной, занимаясь на южных склонах Алтайских гор пастбищным

скотоводством.

В XIV–XIII веках до н. э., после затопления Люкчунской котловины, в верховья Иртыша пришли тюркоязычные земледельческие потомки серов (сижуну) и здесь смешались с угороязычными племенами савиров. Савирская племенная знать с удовольствием приняла к себе в подданные потомков серов, которые, будучи оседлыми земледельцами, не претендовали на их горные пастбища, занимали небольшие территории, а главное они обладали секретами металлургии и изготовления оружия из металлов.

С течением времени более развитые тюркоязычные земледельческие племена пришельцев ассимилировали в своей среде местные менее развитые кочевые угороязычные племена, превратившись к III–II векам до н. э. в смешанные жуно-угорские племена, сохранив при этом их прежнее угорское название «савиры», так как их племенная знать оставалась прежней.

В результате смешения тюркоязычных и угороязычных племён, в верховьях Иртыша на основе тюркского сложился своеобразный смешанный язык подданных савирской племенной знати, названный впоследствии «алтайской семьёй тюркских языков», в которую входит и чувашский язык.

Сформировавшиеся на основе земледельческих племён, тюркоязычные алтайские савиры отличались своим миролюбием. Разрушительные войны земледельческим племенам савиров были не нужны. Поэтому они были народом не агрессивным, не стремившимся к завоеваниям, но при необходимости они умели и храбро защищать свою свободу и достоинство.

В VIII–VI веках до н. э., на территорию современного Казахстана пришли ираноязычные юэчжи (среднеазиатские скифы), которые, потеснив кангюйцев (предков казахов), оказались соседями алтайских савиров.

Встретив в излучине Иртыша среди воинственных хуннов миролюбивые племена савиров, юэчжи стали их именовать не словом «савир», а сходным в их языке («метким» к этому случаю) словом «сабир», что в их языке и означало «мирный», «смирный», «кроткий». Местность же, где проживали «сабиры» (савиры), они стали именовать «Сабирией», то есть «Сибирью».

С лёгкой руки юэчжей и другие соседи савиров, стали их именовать – «мирным племенем», или «мирными людьми», но уже на своих наречиях.

Так, например, «кроткий» (незловивый) характер человека у узбеков выражается словом «ювоиш», у уйгуров – «жуваш», у каракалпаков – «жууас», у казахов (кангюйцев) – «шупаш» (пограничное мирное племя), у тувинцев – «чаши», у китайцев – «чаиш», или «чешиш», у предков балкарцев (Кабардино-Балкарии) – «джууаш», а у предков болгар – «джувас». С этого времени часть савиров и стала именоваться китайцами словом «чешиш», а соседними народами словами: «савир», «сабир», «шупаш», «суваз», или «джувас» (чувас, чуваш).

Вероятнее всего, этноним «чаваш» пришёл к нашим предкам через

протоболгарское племя «пулэй» (пулу), начавшее проживать в Турфане (на дне Люкчунской котловины) совместно с проточувашским племенем (именовавшимся в китайском произношении, словом «чеши»), ещё со времён Модэ и его сына Лаошаня. А слово «*шупаши*», очевидно, появилось гораздо позже, когда одно из племен алтайских савиров было переселено в предгорья Тарбагатая для охраны западных границ хуннов с дружественными кангюйцами (предками казахов). Здесь предки казахов стали именовать их не словом «*джувас*», или «*жувас*», а своим словом «*шупаши*», придавая этому слову значение «пограничники» («*маркоманы*»).

Балкарские и болгарские слова «джууаш» и «джувас» вполне могли превратиться в чувашском языке в слово «чăваш» (чуваш) из таких соображений: балкарский (болгарский) аффикс «дж» в чувашском языке превращается в «ч», которое подтверждается тем, что название болгарского города Джукетау в чувашском языке превращается уже в город под названием – Чукту, то есть балкарские (болгарские) слова, написанные как «джууас», или «джувас», произносятся на слух как «чууас», или «чувас», а в русском произношении как «чуваш».

Происхождение этнонима «чăваш» от слова «мирный» (незлобивый) подтверждает также хорошо сохранившаяся ещё со времён Болгарии татарская поговорка: «*Чуваши эттэн юаши, песьидэн кырыс*», что при дословном переводе означает «Чуваш смирнее собаки и злее кошки». Эта поговорка говорит о том, что одни из предков татар (болгары) тоже связывали слово «чуваш» со словом «юаш», которое (как и слово – «сабир»), означает: «мирный», «смирный», «кроткий». Эта поговорка подтверждает также (в аллегорической форме) и предыдущее наше высказывание о том, что «чуваши, будучи сугубо мирным племенем, при необходимости могли достойно и храбро постоять за себя и свои земли». Венгерский ученый Г. Немет также считает, что в тюркских языках слово «*dzuvas*» означает «*мирный, радушный*».

Таким образом, ко II-му веку до н.э. на Алтае сформировалось в составе *десятиплеменных* степных угров (смешанное из *серов* и угров) *савирское* племя, именуемое: скифами – *сабирами*, тувинцами – *чааши*, китайцами – *чеши*, кангюйцами (*караханидами*) – *шупашами*, другими *тюркоязычными* народами словами *савир, суваз, джувас*, или *чуваши*.

После смерти Модэ, при его сыне Лаошане, часть савиро-чувашей и усуней была переселена в Илийскую долину, а позже и в долины рек Турфанской впадины. В Илийской долине ими было образовано царство Усунь, а в оазисах Турфана княжество Чешу, включая небольшое их вассальное владение Пулэй.

После же распада «Западного края» хуннов на Тарбагатайскую орду «караханидов», во главе которой закрепился знатный род Сюйбу, и на королевство «модэаров», в верховьях Иртыша, во главе которых остался знат-

ный род Хуянь, савиры оказались расколотыми на три части.

Предки чувашей, оказавшиеся в составе Тарбагатайской орды, стали именоваться «*шупашами*», а проживавшие в оазисах Турфана «чешписцами» (чувашами)

Алтайские же савиры, оказавшиеся в составе королевства «модэаров», после разгрома их королевства сяньбийцами вместе с венгерским королём, знатю из рода Хуянь и их подданными в 155 году н. э. бежали, под ударами сяньбийцев на запад. После этого они почти что на 200 лет исчезают из поля зрения историков древности, пока в 350 году н. э. не появляются в поле зрения европейской медиевистики (см.24, с.202), и становятся известными европейцам: одни уже как «уногуры» (венгры) Приуралья, а другие (чуть позже) – как прикамские сувары.

КРАТКАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ “ЗАПАДНЫХ ЖУНОВ”

В главе «хунно-угры» мы обуславливали: первоначально рассмотреть историю «восточных жунов», а только потом уже – «западных жунов».

Предысторию «восточных жунов» мы оставили в периоде расцвета «державы Хунну», заканчивающуюся для них постепенным растворением среди монгольских, маньчжурских и уйгурских племён.

Метисные племена, сложившиеся в результате смешения потомков серов (восточных жунов) со степными угорскими племенами, мы именовали «хунно-уграми».

После затопления Турфанской впадины часть земледельческих потомков серов, оказалась в степях Восточной Сибири. Проживая в среде кочевых племён, потомки серов (восточные жуны) здесь растеряли все свои земледельческие навыки, превратившись в кочевые хунно-угорские племена.

Теперь же наступила очередь к рассмотрению истории «западных жунов» – другой ветви тюркоязычных (огурских) племён, предки которых (кидане, или тюрки) в XIV–XIII веках до н. э. ушли из оазисов Турфана на север – в верховья Иртыша и Селенги; где, проживая вперемежку с динлинскими племенами савиров не утрачивая своих земледельческих навыков, продолжали заниматься в долинах рек, стекающих с южных склонов Алтайских гор, как поливным, так и богарным земледелием.

Эта часть тюркоязычных савиров стала в дальнейшем именоваться по названию их угорской племенной знати савирами, или обобщённо «жуно-уграми». Таким образом, во главе савиров осталась угорская племенная знать, а у их подданных верх одержал тюркский (огурский) язык пришельцев (сизунов). В дальнейшем алтайские савиры уже числились в составе тюркоязычных племён, аналогично тому, как тюркоязычные протоболгары,

пережившись на женщинах южнославянских племён (переняв язык своих матерей и жён), стали числиться уже в составе славянских народов.

Третья же часть здешних потомков серов, спасаясь от наводнения в предгорьях Наньшаня (хребет Пржевальского), освоила после наводнения оазисы реки Данхэ и Тарима, занимаясь здесь орошаемым земледелием. Потомков серов, проживавших в долине Тарима, китайцы именовали – «каракиданиями», а проживавших в долине реки Данхэ – «усунями», или «большими жунами».

В III-ем веке до н. э., в начале правления Модэ, юэчжи силой захватили усуньские земли в Турфана. Много воинов и усуньской знати полегло в сражении с юэчжами. Их предводитель с малолетним сыном и остатками своего народа отступил во владения Модэ-хана. Пограничные воинские отряды Модэ (*усуни и шупаши*), посчитав это вражеским нападением, вступили с ними в бой, а пока разобрались, убили их государя. Модэ отнёсся милостиво к оставшимся без государя и племенной знати усуням.

Они не были ни перебиты, ни разогнаны. Модэ расселил их среди (родственных им) потомков серов (алтайских савиров), проживавших на западных склонах Монгольского Алтая, а малолетнего сына убитого государя усуней Модэ взял в свою ставку для надлежащего его воспитания. Насчёт усуней и их малолетнего государя у Модэ были свои, далеко идущие планы (см.35, с.100).

В связи с тем, что «восточные жуны» (хунно-угры) с течением времени перестали заниматься земледелием, а перешли на кочевой скотоводческий образ жизни, в «державе Хунну» всё острее становился вопрос обеспечения населения продуктами земледелия (см.34, с.121).

Если до поражения Туманя (отца Модэ) в войне с китайцами и юэчжами эта проблема худо или бедно решалась поставками продуктов земледелия из орошаемых земель Турфана и Илийской долины, а также с земель на западных склонах Монгольского Алтая и верховьев Иртыша, то после поражения Туманя все эти земли оказались в руках юэчжей, лишив хуннов их основной зерновой житницы.

Чтобы решить эту продовольственную проблему за счёт набегов на плодородные земли Китая, у Модэ не было ещё достаточных сил.

В целях решения этой сложной продовольственной проблемы, после возвращения из успешного похода против дунху, Модэ-хан не распустил свои войска, а неожиданно напал на юэчжей и прогнал их со склонов Монгольского Алтая, восстановив свои прежние границы с дружественными кангюйцами (одними из предков современных казахов).

Объединив земледельческие племена усуней и часть савиро-чувашей, Модэ в дальнейшем планировал очистить от юэчжей Илийскую долину и оазисы Турфана и переселить туда племена усунь и алтайских савиров, поставив во главу их сына убитого усуньского государя, воспитываемого для

этой цели в ханской ставке Модэ, с присвоением ему хуннского титула – «гуньмо» (см.34, с.58).

Для начала молодому «гуньмо» (уже после смерти Модэ) силами усуней и алтайских савиrow поручалась нетрудная задача по охране западных границ «державы Хунну» с дружественными кангюйцами (предками казахов) (см.35, с.100).

То обстоятельство, что предки чувашей были поставлены для совместной охраны с усунями западных границ с Кангюем, повлияло на то, что предки казахов (кангюйцы) стали именовать их не по самоназванию «ч'аваш», а словом «шупаши», которое в языке предков казахов означало «пограничник». То есть, одни из предков казахов (кангюйцы) воспринимали самоназвание чувашей не в значении «мирный» или «кроткий», а в значении «хуннских военных поселенцев», поставленных для охраны западных границ «империи гуннов».

Метисные племена жуно-угров, сложившиеся в результате смешения сижуннов с угороязычными савирами, под защитой «державы Хунну», в скором времени так сильно выросли в числе, что к концу I-го века до н. э. они заполнили степные пространства и долины рек: от Алтайских гор на севере, до хребта Пржевальского на юге.

С течением времени жуно-угры (алтайские савиры) всё больше обособливались как по внешним морфологическим признакам, так и по образу жизни от «восточных хунно-угров». Южнее Алтайских гор их все чаще стали именовать «жунгурами», или «джунгарцами». Их западные лули-князья так возвысились, что образовали свою ставку в «Западном крае» и стали соперничать по своему могуществу с «восточными великими князьями». Проживание жуно-угров (джунгарцев) на территории между Алтаем и Тянь-Шанем подтверждается тем, что здесь сохраняются до сих пор горы под названием «Джунгарского Алатау».

Проживавшие же севернее Алтайских гор жуно-угры (те же алтайские савиры) именовались местными сибирскими племенами за их знания и умения «мудрым народом» или «чародеями». В памяти славянских племен они сохранились как мифический народ под названием «чудь».

КРИЗИС «ДЕРЖАВЫ ХУННУ»

Мы уже отметили, что «держава Хунну» наивысшего своего расцвета достигла при хане (шаньюе) Хулугу, который, будучи дальновидным политиком, заранее предвидел, что «Восточный край» Хуннской державы постепенно хиреет и всё большую значимость приобретает «Западный край» его державы. По его мнению, верховную ставку (столицу) следовало бы перенести в «Западный край» их державы – в Джунгарию.

В 85 году до н. э. Хулугу заболел. В предсмертном завещании он повелевал перенести ханскую ставку в «Западный край» и поэтому (после его смерти) просил не сажать на престол своего малолетнего сына, а передать власть западному «лули-князю» (см.34, с.120). Но это распоряжение (о переносе верховной ставки в «Западный край») не было выполнено. Придворная клика скрыла это распоряжение Хулугу и возвела на престол (якобы согласно завещанию Хулугу) молодого сына восточного «лули-князя», по имени Хуанди, чтобы самим править его именем, в то время как правителями хуннов по закону могли быть только «великие восточные князья», а не «лули-князья».

Сохранить в тайне обман с завещанием, в котором участвовало много людей, невозможно. Первыми узнали обо всём западный «лули-князь», который по завещанию Хулугу должен был занять царский престол и брат Хулугу, который мог бы по праву, будучи «великим восточным князем» и из-за малолетства наследника, занять престол брата. После раскрытия обмана, опасаясь за свои головы, они оба решили откочевать подальше – в безопасные места. Единство хуннского общества было нарушено. В среде хуннских князей начались бесконечные раздоры и войны. На востоке Ухуань, а на западе Усунь и Согдиана выпали из сферы хуннского влияния. Несмотря на эти осложнения, придворная клика ради грабежей и своей наживы готовилась к войне с Китаем.

Китайцы знали, что хунны готовятся к нападению. Поэтому, когда в 80 году до н. э. 20 тыс. хуннов ворвались в Китай, они были разбиты и бежали, потеряв около 9000 человек (см.37, с.78). В 78 году до н. э. хунны, с 4000 войском, вновь вторглись в Китай, но предупреждённые разведкой, снова были разгромлены, потеряв в сражении около 2000 человек.

После обособления от хуннов, Усунь уплывала из рук хуннских правителей. Одна из жён усуньского «гуньмо» (титул усуньского правителя, данное ему Модэ-ханом), по имени Гяй-ю, была очень энергичной китайкой. Она приспособилась к обычаям усуней, переходила по наследству от одного правителя к другому, *народжала* им много детей и возглавила в Усуни группу прокитайской ориентации. Она говорила, что «держава Хунну» разваливается и им следует окончательно отделиться от хуннов и вступить в союз с Китаем.

В 73 году до н. э. царица Гяй-ю уговорила своего мужа попросить помощи у китайцев и сообща свергнуть хуннского шаньюя (царя), который обманным путём взойшёл на хуннский престол, и согласно завещанию Хулу-гу он мог бы сам, став хуннским царём, перенести их ханскую ставку в «Западный край». Китайское правительство с восторгом подхватило идею усуньской царицы и начало готовиться к походу против Хунну.

В 72 году до н. э. китайцы мобилизовали 160 тыс. легких конников и пятью колоннами выступили на север, и одновременно 50 тыс. усуней предательски напали на хуннов с запада. Китайские приготовления не остались тайной для хуннов, и они заблаговременно откочевали в недоступные для китайцев пустынные места, что свело на нет все действия китайских полководцев (см.37, с.81-82).

Зато несомненный успех выпал усуням, которые разгромили наместника «Западного края» хуннов, захватили его ставку, увели в плен 39 тыс. человек и угнали 700 тыс. голов скота. В довершение беды восстали: на востоке – ухуани, а на севере страны – динлины.

Собрав все силы, хунны двинулись усмирять усуней. Зимой в 72–71 годах до н. э. они ворвались в усуньские селения и кочевья, уничтожив стариков и детей. Все более крепкие люди бежали в горы. На обратном пути хуннское войско застиг сильный снегопад, а затем ударил сильный мороз и сковал снежный покров. Неподкованные копыта хуннских лошадей не могли пробить твердый наст, поэтому кони хуннских воинов не могли добраться до травы и падали от бескормицы. Вместе с ними умирали и воины: от холода и усталости. Почти всё их войско погибло (см.34, с.126).

Летом 71 года до н. э. усунь с запада, ухуани с востока, а динлины с севера ворвались на хуннские земли и без устали рубили и грабили ослабевших и деморализованных хуннов (см.35, с.127). Силы хуннов иссякли настолько, что в 70 году до н. э. трёхтысячный отряд китайской конницы ворвался в степь и захватил скот и пленных. Царица Гяй-ю сделала для китайской политики на западе больше, чем многотысячное войско китайцев, которые ранее уже не раз пытались покорить Чэши и Усунь (см.34, с.127).

В 68 году до н. э. умер Хуанди. Согласно принятому старинному обычаю власть перешла, не к сыновьям Хуанди, а к восточному «чжуки-князю», с именем Хюйлюй-Цюанькюй. После возвращения из неудачного похода против Китая, в 60 году до н. э., он был отравлен заговорщиками, и власть (с нарушением хуннской традиции, по которому правителями хуннов могли быть только «восточные великие князья») перешла к западному «чжуки-князю» (потомку «тихого» Увэя) – Туцитану, взошедшего на престол под именем Уянь-Гюйди. Выдвижение Туцитана на хуннский престол было связано с пониманием необходимости переноса ханской ставки в «Западный край» как и завещал Хулу-гу.

Уянь-Гюйди, взошед на престол, казнил большинство вельмож и при-

близённых своего предшественника. Особая опасность нависла над головой сына Хюйллой-Цюанькюя, по имени Гихэушань, который успел скрыться в небольшом своём владении, между Усуныю и Кангюем, то есть на территории современного Казахстана (см.34, с.131). Здесь Гихэушань был под надёжной защитой усуньского царя (гуньмо).

Террор, начатый Уянь-Гюйди, напугал старейшин родов прежней династии, и они решили свергнуть правителя-самозванца, и претендентом на царский престол выдвинули сына предыдущего своего правителя, по имени Гихэушань, скрывающегося от преследования Уянь-Гюйди за пределами досягаемости «новоиспечённого» правителя-самозванца.

40 тыс. повстанцев встретились с войском Уянь-Гюйди. Однако битвы не произошло: войска шаньюя (царя) разбежались, отказавшись его защищать. Покинутый всеми Уянь-Гюйди покончил жизнь самоубийством, считая себя правым в стремлении перенести ханскую ставку хуннов в «Западный край».

Таким образом, повстанцы одержали победу, и предложенный повстанцами претендент Гихэушань в 58 году до н. э. вступил на царский престол хуннов, под именем Хуханье.

У Хуханье был родной брат Хутуус, который был тоже сторонником переноса столицы хуннов в «Западный край». В 55 году до н. э., Хутуус поссорившись (на этой почве со своим братом) наделил себя тоже царским титулом, и стал именоваться Чжичжи-шаньюем или Чжичжи-ханом, обособившись в «Западном крае» от Хуханье, чтобы впоследствии перенести сюда и саму восточную (главную) столицу хуннов.

В 54 году до н. э. он напал на своего брата Хуханье, обратил его самого и его войско в бегство, а затем разгромил и историческую ханскую ставку хуннов, испокон веков располагавшуюся на территории Халхи в Хангае (см.35, с.118), после чего опять возвратился в «Западный край». Здесь он (в Таласской долине) начал строить новую столицу хуннов и при защите её от китайцев (около 47 года до н. э.) погиб в сражении. Таким образом, желание переноса хуннской столицы в «Западный край» опять провалилось.

Положение Хуханье было весьма тяжёлым. В стране длительное время царил раздор, как между самими братьями, так и между крупными родовыми князьями. Он понимал, что продолжая в таких условиях враждовать с огромным Китаем – он обречён, и поэтому решил заключить с Китаем договор «родства и мира», послав своего сына в Китай, официально – на службу, а на самом деле – в качестве заложника. Мирный договор, заключённый в 47 году до н. э. гласил, что «Дома Хань и Хунну – равноправны» (см.34, с.140).

В 31 году до н. э. умирает Хуханье. Престолонаследие в дальнейшем у хуннов (в течение нескольких поколений их царей) передаётся без всяких

осложнений и социальных потрясений. Поэтому эту часть истории Хунну мы рассмотрим лишь – в кратком изложении.

После смерти Хуханье хуннским правителем становится его старший сын (от второй жены) – Фучжулэй. После смерти Фучжулэя в 20 году до н. э., царский престол переходит к его младшему брату Сэусйе. В 12 году до н. э. Сэусйе умирает, и престол переходит к его двоюродному брату с именем Гюйя. После смерти Гюйя правителем хуннов, в 8 году до н. э. стал его младший брат – Учжулю.

Все вышеперечисленные хуннские правители, начиная с Хуханье, управляли своих старших сыновей на придворную службу в Китай, где те жили на положении почётных заложников (см.34, с.151).

В I-ом году нашей эры умирает китайский император Айди и на китайский престол вступил малолетний его сын Пин-ди. Регентшей была объявлена императрица, а фактическим правителем стал её фаворит Ван Ман.

Ван Ман был человеком, преисполненным манией величия. Беспредельная власть, которой он стал обладать в Китае (после присвоения себе титула императора), ему казалось недостаточной, то он решил эту свою власть распространить и на «державу Хунну». Для исполнения этой своей цели он задумал вначале раздробить хуннов на мелкие княжества, поставив их в вассальную зависимость к себе. Для этого он пригласил к себе (якобы в гости) 15 князей из знатного рода Хуханье и предложил им стать самостоятельными царствами, отделившись от Учжулю, обещая оказать им необходимую помощь.

Хуннские князья не пошли на измену. Китайцам удалось заманить в расставленные сети лишь одного из них, по имени Хянь. Он, ничего не подозревая, приехал с двумя своими сыновьями, надеясь лишь попить и получить подарки, а его схватили и в 11 году н. э. «силою произвели в шаньюю» (присвоив ему царский титул), взяв в заложники обоих его сыновей (см.37, с.106).

Учжулю, узнав о попытке принуждения его князей к измене, сразу же вспомнил, что Ван Ман – самозванец не имеющий никакого отношения к царствующему китайскому Дому Хань и являющемуся лишь фаворитом китайской императрицы, обозвал его узурпатором и разорвал мирный договор с Китаем. Началась война. Летучие отряды хуннов мигом опустошили границу и угнали к себе огромное количество скота и пленных. Богатые области Китая, 80 лет не видавшие набегов кочевников, за один год опустели (см.34, с.157).

Чтобы все же посеять раздор среди хуннских князей, Ван Ман послал к ним для тайных переговоров лже-шаньюя Хяня, но последний вместо выполнения поручения китайского императора, явился к Учжулю и рассказал о принудительном присвоении ему этого царского титула. Учжулю поверил ему и не стал его казнить. Когда же это стало известно в Китае, Ван Ман приказал казнить сына Хяня. Другой сын Хяня умер в заложниках от болез-

ни (см.34, с.157).

В 13 году н. э. умирает Учжулю. К концу правления Учжулю большую власть при царском дворе вновь приобретает знатный род Сюйбу (бывшая царствующая династия, по отцовской линии Модэ) во главе с главным хуннским судьёй Сюйбуданом. Сюйбудан говорил: «Давайте изберём нашего правителя, того, кого хочет видеть на этом месте китайский император Ван Ман, тем самым и помиримся с Китаем». С тем, чтобы ублажить Ван Мана, Сюйбудан и его партия (примирения с Китаем) возводят на хуннский престол *незадачливого* ставленника Ван Мана – Хяня, не зная ещё о том, что Ван Ман уже казнил его сына-заложника.

Ван Ман длительное время обманывал Хяня, уверяя, что его сын жив. Хянь ждал возвращения сына и всеми силами препятствовал своим подданным продолжать войну с Китаем, но в мае 15 года н. э. он узнал о казни своего сына и война вспыхнула с новой силой.

В 18 году н. э. умирает Хянь, и на престол вступил его брат Юй. Шаньюй (царь) Юй оказался умным и жёстким политиком, при котором все спорные пограничные вопросы с Китаем были решены в пользу хуннов.

В 46 году н. э. Юй умер. Престол перешёл к его сыну – Пуну. Но здесь появился второй претендент на престол – это сын Учжулю (внук Хуханье) по имени Би. Его сторонники считали: так как дед Пуну (шаньюй Хянь) сел на престол с нарушением хуннских правил (был выбран в угоду китайцам), то его наследники (как сейчас говорят) – «нелегитимны».

В 48 году н. э. старейшины восьми южных родов провозгласили Би своим правителем (шаньюем), присвоив ему, имя деда – Хуханье II и откочевали к границам Китая, с которыми (после смерти Ван Мана) установили мирные отношения, обязуясь нести охрану северных границ Китая (см.37, с.116). Дом Хунну, по сему обстоятельству, разделился на северных и южных. Шаньюем (правителем) северных остался Пуну, а у южных, шаньюем стал Би, или Хуханье II.

УСУНИ

Как мы уже установили, до затопления Люкчунской котловины (Турфанской впадины) там проживали земледельческие тюркоязычные потомки серов (жуны).

С началом затопления Турфанской впадины основная часть потомков серов ушла на восток, другая – на север, а оставшаяся их часть в Турфане спаслась на отрогах Наньшаня (хребет Пржевальского).

Потомки серов, оставшиеся в Турфане, именовались усунями, ушедшие на восток – «восточными жунами», а ушедшие на север – «западными жунами» или «сизунами».

Ушедшая на восток часть «восточных жунов» впоследствии растворилась в среде потомков беглых рабов из Китая, сложившись в степях Центральной Азии в западномонгольские и восточномонгольские племена, под общим названием дунху, а другая их часть, смешавшись в степях Прибайкалья со степными угорскими племенами, стала именоваться «хунно-уграми» или просто – «хуннами» или «гуннами».

Потомки же серов, ушедшие на север (западные жуны или сизуны), смешавшись в верховьях Иртыша с угороязычными племенами, стали именоваться «жун-гурами», или «джунгарцами», в числе которых находились и предки чувашей.

В конце правления Туманя (отца Модэ) большинство земледельческих районов на юге и западе Хунну, оказалось в руках юэчжей, и хунны испытывали острый недостаток в продуктах земледелия. С земледельческим Китаем продолжалась война, а сами «хунно-угры» (на востоке) земледелием уже не занимались.

Занявший (после Туманя) хуннский престол Модэ, в первую очередь освободил от юэчжей свои западные земли, откуда и стал получать какую-то часть необходимой ему земледельческой продукции. Основные же их зерновые житницы (в Илийской долине и оазисах Турфана) продолжали оставаться в руках юэчжей.

После наводнения в оазисах Турфана, как мы установили выше, остались проживать: в долине реки Данхэ – усунни, а в долине реки Тарима – каракидане.

Усуни – прямые потомки местных серов отличались от кочевавших вокруг Турфана – синов, своим высоким ростом, и поэтому кочевые племена синов именовали их тюркским, словом «узун». Где слово «узун» в их тюрко-огузском языке означало «длинный» (высокий или большой). После окончания наводнения в оазисах Турфана усунни образовали свое царство под названием Усунь.

Усунь – древнее тюркоязычное племя, сохранившееся на отрогах

Наньшаня как осколок тюрко-огурских серов (жунов)⁶¹, проживавших до «потопа» в оазисах Турфана. О древности усуней подтверждают и китайцы, которые ещё в VII-ом веке до н. э. предгорья Наньшаня, уже в те времена, именовали «древней усуньской землёй» (см.34, с.58).

В конце III-го века до н. э. юэчжи захватили оазисы Турфана. Далее в изложении материала мы должны несколько повториться.

Часть усуней во главе со своим государём и малолетним сыном отступила к хуннам. Усуньский государь в стычке с хуннами был убит, а его двухлетний сын, рожденный в 176 году до н.э. стал воспитываться в ханской ставке Модэ, с присвоением ему хуннского титула «гуньмо», что первоначально означало «молодой царь» (царевич), закрепившись впоследствии как официальный титул усуньского царя.

У Модэ была цель – во что бы то ни стало вернуть хуннам, занятые юэчжами оазисы Турфана и Илийской долины и возродить там свои прежние зерновые житницы. Для выполнения намеченной цели, бежавших к нему усуней, Модэ временно поселил на землях алтайских савиров и стал их готовить, совместно с предками чувашей, для будущего заселения оазисов Турфана и Илийской долины, поставив во главу их молодого усуньского «гуньмо» (государя), воспитанного для этой цели в ханской ставке Модэ.

Первоначально молодой «гуньмо» охранял лишь границы Хунну, а когда он возмужал и набрался опыта на пограничной службе, сын Модэ – Лаошань (после смерти отца) разрешил ему отомстить юэчжам за захват ими усуньских земель. Молодой «гуньмо» вторгся в Илийскую долину и прогнал отсюда юэчжей (см.35, с.101), начав вместе с чувашами (*шунташами*) осваивать плодородную Илийскую долину.

Модэ был не только храбрым полководцем, но и дальновидным политиком, планируя переселение земледельческих племён в Илийскую долину и оазисы Турфана. Он не ограничивался освобождением от юэчжей только Илийской долины. Следующей его задачей было освобождение от юэчжей и оазисов Турфана, куда он хотел переселить племена предков чувашей. С тем, чтобы искусные земледельцы не тратили своё время на другие цели, он запретил им заниматься скотоводством, а специально прикрепил к ним воинственное скотоводческое племя «пулу» (пулэй) для обеспечения их продуктами скотоводства и надлежащей защиты.

В 174 году до н. э. Модэ умирает и завещает эти свои планы осуществить своему сыну Лаошаню, который и приступил к незамедлительному выполнению завещания своего отца.

В 174–165 годах до н. э. юэчжи были разгромлены Лаошанем, а их правитель Кидолу был убит в сражении, и юэчжи больше не помышляли о возобновлении войны с хуннами (см.34, с.69).

После разгрома юэчжей, предки чувашей и пулэйцы были переселены Лаошанем на территорию Турфана.

Усуни же были оставлены в Илийской долине, и они в скором времени заняли всё Семиречье (см.37, с.191). Возмужавший усуньский «гуньмо» (с малолетства воспитывавшийся в ханской ставке Модэ) настолько усилился, что его потомки после смерти Лаошаня даже осмеливались отказываться от участия в совете старейшин Хунну, то есть они фактически уже перестали подчиняться хуннам, образовав здесь свое царство Усунь.

Численность усуней в этот период оценивалась китайцами в 630 тыс. человек, а их войско – в 188 тыс. человек. Это была (по тем временам) грозная сила, с которой приходилось считаться, и поэтому хунны в тот период старались жить с ними в мире и согласии (см.34, с.70).

Усуньский правитель продолжал именоваться (присвоенным ему Модэ) хуннским титулом «гуньмо». Родовые князья усуней именовались «беками», что и значило – «князь», а князья из царствующего рода (как и у хуннов) именовались уже «великими князьями», которое на их языке соответствовало слову «усунь-бек» или «узун-бек». Где слово «узун» означало – «большой» или «великий».

После захвата усунями Согдианы, по названию племенной знати завоевателей, именуемых – «узун-беками», некоторые сакские племена Согдианы впоследствии стали именоваться «узбеками» или «сак-усунями» (см.60, с.45), являясь подданными усуньского «гуньмо» (усуньского царя).

К началу нашей эры Усунь стала распадаться на мелкие княжества, постепенно растворяясь среди предков узбеков и казахов. К примеру, в 11 году до н. э. только один из усуньских беков, *утеснённый* китайцами, ушёл к предкам казахов (кангюйцам) 80 тыс. усуней (см.34, с.152). Вероятнее всего, так поступали и другие усуньские князья (беки) переходя в подданство к согдийцам или кангюйцам. Очевидно, поэтому-то в дальнейшем почти исчезают упоминания об усунях. Последнее упоминание об усунях встречается в 436 году н. э., где сообщается, что одно из племён усуней проживало на западных отрогах Тянь-Шаня (см.37, с.528). К этому времени усунь стали так малочисленны, что на них уже никто не обращал внимания. Последние их остатки, видимо, окончательно смешались с согдийцами (сакскими племенами). Высокородные потомки усуней, именующиеся теперь уже узбеками, до сих пор встречаются среди горных жителей Самаркандской области Узбекистана (см.34, с.152).

Усуни, с течением времени, смешались с кангюйцами и сакскими племенами, обособились от чувашей (чешисцев), сложившись в другую (чем предки чувашей) ветвь тюркоязычных племён, не являющуюся целью наших изысканий.

ЧУВАШСКОЕ КНЯЖЕСТВО (ЧЕШИ)

Переселение чувашей (чешисцев) совместно с пулэйцами в оазисы Турфана, можно считать для предков чувашей возвращением их на историческую Родину своих предков (серов).

В древности, когда здесь проживали потомки серов, общие предки тюркоязычных (огурских) племён в Центральной Азии ещё продолжали сохраняться, из-за отсутствия стока вод в Мировой океан (аналогично Каспийскому и Аральскому морям), многочисленные водные остатки древнего «восточного Тетиса», такие как «Тажное море» и «Ханьхай-море». Поэтому климат Центральной Азии того периода был более влажным, чем во II-ом веке до н. э., когда туда были переселены чувашаи (чешисцы) (см.34, с.98).

В окружавших Турфанскую впадину горах (до XIV-го века до н. э.) было достаточно ледников и снега, которые питали многочисленные реки и ручьи Турфана того периода. К примеру, на картах составленных китайскими историками древности, ныне пересыхающие и теряющиеся в песках реки Турфанской впадины показаны полноводными, а оазисы в их долинах – процветающими (см.34, с.93). И неудивительно, что эта небольшая область в те времена могла прокормить такое большое количество населения, которое, расселившись отсюда в XIV–XIII веках до н. э. смогло стать бесспорным гегемоном среди остального населения Внутренней Азии.

О том, что 3500 лет тому назад климат Турфана был значительной влажности говорит наличие здесь русла большой высохшей реки и многих высохших ручьёв. Высохли они уже в исторически-обозримое время, так как на берегу сухого русла реки остались стоять развалины храмов и монастырей (см.35, с.95). Грумм-Гржимайло убедительно доказал, что первые известные обитатели Турфанской впадины имели не китайское, а индоиранское происхождение, знавшие уже в те времена систему кяризного орошения (см.34, с.94). По утверждению Грумм-Гржимайло, предкам тюркоязычных (огурских) племён, в том числе и предкам чувашей (чешисцам), принадлежит слава создания здесь городов и храмов, которые и ныне пленяют, ведущих здесь археологические раскопки учёных (см.34, с.94).

После истечения водных остатков «восточного Тетиса» в Средиземноморье, влажность климата в Центральной Азии стала резко падать, снизившись на 100–150 мм (см.34, с.93). Природные условия здесь уже начали изменяться в худшую сторону. Существовавшие здесь прежде озёра и реки постепенно истощались, а ручьи ушли в недра земли – под раскалённый щебень и песок пустыни Такла Макан. Оскудела растительность. Горячие вихри занесли песком руины крепостей и храмов, и теперь некоторые учё-

В месяц «юпа уйӑх» (месяц столба) древние чувашы сооружали постоянный антропоморфный памятник из дерева или камня (юпа), который и изображен на переднем плане картины «Древние чувашы».

ные даже не хотят верить, что здесь были цветущие места, где ключом била богатая жизнь.

Появившиеся здесь китайцы (в 108 году до н. э.), сравнивая здешние реки с указанными в их картах (полноводными реками), назвали их «четырьмя убогими ручьями» (см.34, с.94), а немногочисленные племена, проживавшие со своим удельным князем в оазисах этих «убогих ручьёв», они назвали (исходя из их самоназвания «ч'аваш» княжеством Чешпи.

Таким образом, предки чувашей (чешисцы или чешпи), появившиеся в 170 годах до н. э. в Люкчунской котловине, увидели здесь совсем другую картину, чем та, которую созерцали их предки. Здешние реки и ручьи продолжали всё больше мелеть. Причём, вернувшиеся сюда предки чувашей и болгар (племена чешпи и пулэй) устраивали здесь свои поселения и стойбища в небольших сохранявшихся оазисах, например, чешпские (чувашские) земледельческие племена – у склонов Тянь-Шаня, а кочевые (скотоводческие) пулэйские племена – у озера Баркуль, где они занимались также и рыболовством (м.34, с.95).

Княжество чувашей (Чешпи), расположенное в Турфанском оазисе (на дне Люкчунской котловины), было связано с «державой Хунну» тесными экономическими, родственными и политическими узами. Хунны отсюда черпали необходимые предметы ремесла и продукты земледелия.

В 103 году до н. э. китайский полководец По-ну с 20-ти тысячным войском выступил против хуннского правителя Ушилу, и проходя Турфанский оазис, разгромил княжество чувашей (Чешпи).

В 90 году до н. э. китайцы на западе, в центре и на востоке хуннских границ начали наступление против «державы Хунну».

На западе с 40-тысячной армией наступал китайский полководец Ман Тун, против которого хуннский полководец «Западного края» Янькюй, смог выставить всего лишь 20 тыс. хуннов и 3750 пеших чувашей (чешисцев). Чтобы измотать китайское войско Янькюй не принял боя, а отступил через земли чешисцев (чувашей) вглубь страны.

Хотя китайцы в конечном итоге и потерпели поражение от хуннов, но княжество чувашей (Чешпи), так и осталось в руках китайцев. И лишь в 86 году до н. э. хуннам удалось прогнать оттуда китайский гарнизон, и княжество чувашей (Чешпи) вновь вернулось к хуннам.

В начале 70-х и в конце 60-х годов до н. э. у хуннов наблюдается период упадка. Летом 71 года до н. э., усуни с запада, ухуани с востока и воставшие динлины с севера ворвались на хуннские земли. От Хунну отложились все подвластные владения, за исключением чувашей (чешисцев) и пулу (пулэйцев) (см.34, с.127), для которых наступили самые тяжёлые времена.

В 68 году до н. э. два китайских офицера, Чжин Ги и Сыма Хи, с отрядом в 1500 воинов и с 10 тыс. прокитайски настроенных союзников, мобилизованных на борьбу с хуннами, напали на чешисцев (чувашей) и взяли

их столицу (крепость) Джуки-кала (в китайском произношении – Чжоха-хота) (см.37, с.208).

Недостаток продовольствия заставил китайцев отступить, но на следующую осень они снова выступили в поход. За это время чувашский (чешиский) владетель успел обратиться к хуннам с просьбой о помощи, но не дождался её. Находясь в безнадёжном состоянии, он решил (для видимости) перейти на сторону китайцев, но те потребовали доказательства его «искренности», поставив ему условие, разгромить дружественное чувашам (чешисцам) владение Пулэй (см.34, с.129).

Потеря чувашского княжества (Чеши) больно ударила по Хунну, так как народ сразу же начал нуждаться в хлебе. В 64 году до н. э. 12 тыс. хуннов напали на китайский гарнизон, запершийся в крепости Чжоха-хота, и вынудили их убраться из Чеши.

В результате 6-ти летней войны ирригационные сооружения чувашей (чешисцев) были выведены из строя, и в 62 году до н. э. цветущий Турфанский оазис предками чувашей был временно заброшен.

Жалкие остатки чешисцев (чувашей), после разгрома их земель, расселились по южным и северным склонам Тянь-Шаньских гор. Предки чувашей, поселившиеся на южных склонах Тянь-Шаня, стали именоваться Передними Чеши, а поселившиеся на северных его склонах Задними Чеши.

В 40-х годах до н. э. численность населения Переднего Чеши оценивалось китайцами всего лишь в 6050 душ, а Заднего Чеши – 4774 душ обоюго пола, сократившись, за период военных действий, в десятки раз (см.31, с.217).

Чешиские (чувашские) князья после ухода хуннов стали обладать лишь номинальной властью, практически во всём подчиняясь (наделённым неограниченной властью) китайским наместникам. Так, например, в 3-ем году до н. э. приставленный к чувашскому князю китайский чиновник даже арестовал князя Заднего Чеши – Гугюя.

Зная, что ему грозит долгая тюрьма или даже смерть, он рискнул и убежал к хуннам. Вместе с ним *передался* хуннам офицер китайской службы по имени Танду, по происхождению хунн. Хуннский правитель Учжунлю принял было перебежчиков, но по настоянию фаворита китайской императрицы Ван Мана, чтобы наладить мирные отношения с Китаем, выдал их китайскому послу. При этом он просил пощадить Танду и чувашского князя Гугюя, но оба были обезглавлены (см.37, с.210). Другой раз, но уже в 10 году н. э., китайский пристав Дао-ху казнил чувашского (чешиского) князя сам, даже не спрашивая дозволения на эту акцию у вышестоящих китайских властей (см.34, с.156).

Через земли чувашей (чешисцев) проходил «Великий шёлковый путь», и поэтому китайцы Переднее и Заднее Чеши держали под своим неусыпным контролем, создавая здесь свои гарнизоны и военные поселения.

После открытия «Великого шёлкового пути» чувашам (чешисцам) стало известно, что на западе (за Сарматским, или Скифским морем) между современными Каспийским и Чёрным морями, раскинулись (обезлюдившие после «потопа») бескрайние, благодатные для скотоводства и земледелия ковыльные степи Южной Европы, которые уже начали осваивать ушедшие туда среднеазиатские скифы (юэчжи), вытесняемые из Средней Азии усилившимися хуннами (гуннами).

После разгрома «державы Хунну» сяньбийцами жизнь чешисцев (чувашей) между двумя враждебными державами (сяньбийцами и китайцами) становилась невыносимой, и их всё больше стали манить (рассказываемые купцами и путешественниками) прелести этих бескрайних степей на юге Европы.

УПАДОК “ДЕРЖАВЫ ХУННУ”

В 48 году н. э. произошёл раскол в стане хуннов: на северных и южных. Правителем Северного Хунну остался, законно избранный наследник престола Пуну, а самопровозглашенным правителем Южного Хунну стал прокитайски настроенный Би (Хуханье Второй), который не только перешёл на сторону Китая, но в 49 году н. э. даже развязал 37-летнюю братоубийственную войну против северных своих сородичей. Военные действия между южными и северными шаньюями (царями-правителями) продолжались с 49 по 86 годы н. э. и развивались довольно слабо.

В 80 годах н. э. Северное Хунну оказалось в кольце врагов. С юга нажимал Хуханье II, на востоке свирепствовали сяньбийцы, на севере снова поднялись динлины, а в «Западном крае» царилла смута собственных князей.

В 86 г. н. э. полководец Шигы (племянник южнохуннского царя Сюаня) напал на кочевья северохуннского царя Юлю и нанёс ему *большой урон* (см.37, с.127). Вслед за этим последовал удар от спустившихся с гор сяньбийцев. В 87 году н. э. они вторглись в восточные земли хуннов. Северохуннский царь Юлю в сражении с ними потерпел полное поражение. Он был схвачен врагами, подвергнут пыткам, а под конец они содрали с него кожу и, удовлетворившись достигнутым вернулись в свои горы (см.37, с.127).

Хотя сяньбийцы и ушли, но они (своей жестокостью) посеяли панику среди северных хуннов. 58 родов, в которых насчитывалось 200 тыс. душ и 8 тыс. строевого войска, откочевали на территорию Южного Хунну. В следующем году против Северного Хунну ополчилась сама природа. В 88 году н. э. через Халху прошла саранча, и к бедствиям войны прибавился голод. Но на этом их беды ещё не закончились. Весною 89 года н. э. объединённая армия китайцев и южных хуннов во главе с полководцем Шигы выступила

против Северного Хунну.

Наследник престола (пришедший на смену северохуннского царя – Юлю, казнённого сяньбийцами), имени которого не сохранила для нас история, проиграл сражение с Шигы и отступил в свою ставку в Хангае. В 90 году н. э. Шигы вновь вторгся в его владения и неожиданно ночью атаковал ханскую ставку Северного Хунну. В руки Шигы попала царская семья, в том числе государственная нефритовая печать Хунну. Сам же северохуннский царь, хотя и был ранен, сумел, по свидетельству очевидцев, вырваться из окружения. Дальнейшая его судьба неизвестна (см.34, с.182). Его брат – западный «лули-князь» Юйчугянь подождав некоторое время своего пропавшего брата, объявил себя в 91 году н. э. правителем (шаньюем) Северного Хунну и послал посольство в Китай просить мира и вернуть ему символ хуннской власти – нефритовую печать Хунну.

Следует заметить, что в этот период сяньбийцы так осмелели, что нападали не только на Северное Хунну, но беспокоили своими вылазками и самих китайцев. Китайцы боялись непомерного усиления сяньбийцев и поэтому, в противовес им, решили сохранить Северное Хунну – как государство, и вернуть им нефритовую печать, но затем неожиданно раздумали. В 93 году н. э. китайцы заманили Юйчугяня к себе, якобы для этих переговоров и убили, а войско его уничтожили (см.37, с.129).

Юйчугянь был последним северным шаньюем (царём) по отцовской линии Модэ. На основании этого, и утраты хуннами символа государственности (нефритовой печати), китайские историки считали 93 год н. э. – концом Северного Хунну.

На самом же деле борьба не закончилась, народ не сложил оружия. Просто в Северном Хунну сменилась династия: во главе непримиримых стал знатный уноугорский (венгерский) род – Хуянь (материнский род Модэ) (см.34, с.182).

С 87 по 107 годы н. э. китайцы все ещё продолжали (с переменным успехом) вести войны за обладание «Западным краем» хуннов. Эта война дорого обошлась китайской казне, и они в 107 году н. э. решили вообще вывести свои войска отсюда, ссылаясь на то, что их содержание здесь не приносит никакой выгоды Китаю (см.34, с.189). Таким образом, «Западный край» чудом остался в руках Северного Хунну.

Через 17 лет, после потери влияния в «Западном крае» хуннов, идея вывода отсюда войск была признана китайцами ошибочной. Возвратить «Западный край» под лоно Китая поручили Бань Юну, сыну известного в былые времена покорителя «Западного края» – Бань Чао (см.34, с.192).

В 124 году н. э. Бань Юн вторгся в *несчастный* Турфан и в долине реки Ихэ разбил чешского князя Юли, после чего Переднее Чехи подчинилось ему и выставило вспомогательное ополчение в 5000 пеших чувашей (чешисцев).

В 125 году н. э. Бань Юн разбил князя Заднего Чеши и захватил в плен 8000 чувашей (чешисцев) и свыше 50 тыс. голов скота.

Зимой Бань Юн напал на ханскую ставку Хуяня в Тарбагатае и разгромил её. В числе пленных оказался высокопоставленный родственник правителя хуннов. Чтобы вызвать кровную месть между родственниками хуннами и чешисцами (чуваши), Бань Юн приказал чувашскому (чешискому) князю зарезать его. И действительно, после свершения этого акта, правитель хуннов явился к этому *незадачливому* чувашскому князю, чтобы отомстить за кровь своего родственника, но попал в засаду, был разбит и отогнан китайскими войсками.

После этого поражения Хуянь был вынужден перенести свою ставку на земли алтайских савиров, проживавших в те времена в верховьях Чёрного Иртыша, стекающего с западных склонов Монгольского Алтая. Здесь Хуянь основал свою новую ханскую ставку и свою династию уноугорских (венгерских) королей.

В 134–151 годах н. э. продолжалась война из-за Чеши. В 151 году н. э. Хуянь, чтобы облегчить борьбу своих чувашских (чешиских) братьев, разгромил китайскую военную колонию в Хамийском оазисе Турфана. В 153 году н. э. восстали уже и сами чешисцы (чуваши) и тоже уничтожили китайскую военную колонию на своих землях. Китайцы уже ничего не могли поделать с восставшими чешисцами, потому что в 134 году н. э. восстали воинственные кяны (тибетское племя), и все силы китайцев были брошены на усмирении кянов (см.34, с.194).

Северным хуннам не удалось воспользоваться ослаблением Китая и восстановить своё господство в родных степях, потому что на востоке их стали одолевать сяньбийцы, которые приобрели выдающегося вождя и знамя, постепенно превращаясь в нового и молодого гегемона в степях Центральной Азии (см.34, с.195).

А что же произошло за эти годы с южными хуннами? С 49 по 86 годы н. э. южные хунны вели вялую войну со своими северными соплеменниками. Южнохуннский полководец Шигы, разгромивший в 86 году н. э. кочевья северного шаньюя (царя) Юлю, получил за это титул восточного «луликнязя» (у южных хуннов все титулы дублировались с аналогичных титулов северных хуннов). Весной 94 года н. э. Шигы стал правителем (шаньюем) Южного Хунну.

В 98 году н. э. Шигы умер, и престол поочерёдно переходил к его братьям: Тхань (98–124 гг.), Ба (124–128гг.), Хюлю (128–142гг.), которые старались ни в чём не перечить китайским наместникам.

Южнохуннские родовые князья были более самостоятельными и в 140 году н. э. восстали против засилья китайских наместников и чиновничества. В 144 году н. э. восстание было подавлено. Хотя южный шаньюй (их царь) не участвовал в восстании, однако китайский наместник своими при-

теснениями и придирками довёл его в 142 году н. э. до самоубийства. Царский род южных хуннов на нём пресёкся, и на опустевший престол в 143 году н. э. был посажен китайский придворный чиновник, по имени Дэулэчу. Дэулэчу и сменивший его Гюйгюйр были просто ставленниками китайского двора, скорее, чиновниками, чем правителями.

Китайское правительство так мало считалось с ними, что само подрывало их авторитет среди их подданных. Так, например, Гюйгюйр был арестован и умер в тюрьме, его сын правил в 172–178 годах н. э., но имя его даже забыли (или не считали нужным) внести в государственные акты Китая, и оно исчезло для истории. Его сын Хучжен (178–179 гг.) был казнён.

Самостоятельная история Южного Хунну прекратилась в 215 году, когда их царь (шаньюй) Хучуцоань был арестован, а для управления южными хуннами назначен китайский наместник (см.35, с.140).

Таким образом, в 215 году н. э. Южное Хунну потеряло свою государственность, а его население стало постепенно растворяться среди китайцев и в последующей истории гуннов (хуннов) никакой роли уже не играло (см.34, 191).

РАСКОЛ ХУННОВ НА “МОДЭАРОВ” И “КАРАХАНИДОВ”

Начавшаяся распря хуннских князей, в 48 году (дальнейшее летоисчисление дат будут указаны – годами нашей эры) привела к расколу «державы Хунну»: на северных и южных, после чего и намечился закат, созданной Модэ «Великой Хунгарии».

Южные хунны, отделившись от своих северных сородичей и поселившись на границе с Китаем, через несколько поколений потеряли свою самостоятельность и свою самобытность (что и следовало ожидать) – растворившись в среде китайского населения.

Северные же хунны с трудом, но выдержали неоднократное вторжение как китайцев, так и прокитайски настроенных своих южных сородичей.

Воинственные восточные их соседи – сяньбийцы, после вторжения их в 87 году на земли северных хуннов, временно оставили их в покое, обратив свои агрессивные устремления на соседний Китай.

Воспользовавшись, предоставленной передышкой, северные хунны в 107 году сумели освободить свой «Западный край» из-под влияния китайцев (см.34, с.189) и перенесли, как и завещал Хулугу, свою ханскую ставку (столицу), располагавшуюся на территории Халхи (в Хангае), в район Тарбагатайского горного хребта в «Западном крае» (современный Юго-Восточный Казахстан) – подальше от усиливающихся сяньбийцев (см.34, с.185).

В «державе Хунну» попеременно властвовали два знатных рода:

Сюйбу и Хуянь. Знатный род Сюйбу шёл от Туманя (Кара-хана), то есть по отцовской линии Модэ, а род Хуянь – по материнской линии Модэ. Причём, сторонники отцовской линии Модэ, именовали себя «караханидами», а сторонники материнской линии – «модэарами» (мадьярами).

После гибели в 93 году Юйчугяня (последнего северного шаньюя по отцовской линии Модэ), род Сюйбу был оттеснён родом Хуянь на второй план (см.34, с.182).

После утраты нефритовой печати у хуннов возникли проблемы с названием их будущего государя. Царем, при отсутствии у них нефритовой печати, именовать его было нельзя, поэтому было принято «Соломоново решение»: ввести новый хуннский титул «ван», что уже означало не титул царя, а титул равносильный кагану или королю. (см.34, с.185).

Северохуннский князь из знатного «мадьярского» рода – Хуянь, возглавивший (после гибели Юйчугяня) борьбу других северохуннских князей против китайцев, был возведён в 93 году на хуннский престол под именем Хуянь, с присвоением ему этого нововведённого хуннского титула – «ван» (каган, король).

Таким образом, 93 год можно считать датой образования в Северном Хунну (на основе знатного «мадьярского» рода), венгерской королевской династии – Хуянь.

В 126 году китайцы напали на ставку Хуяня в Тарбагатае и разгромили её. После чего Хуянь был вынужден, в целях безопасности, перенести свою (теперь уже) королевскую ставку немного севернее Тарбагатая – на земли алтайских савиров, в верховьях Чёрного Иртыша (см.35, с.135). В Тарбагатае же осталась хуннская орда, во главе с князем из рода Сюйбу. Таким образом, в 126 году род Хуяня (модэары), во главе со своим королём, ушёл в верховья Чёрного Иртыша, а род Сюйбу (караханиды) остался кочевать на склонах Тарбагатайского горного хребта, охраняя южные границы королевства. Территории восточнее Алтайских гор были захвачены воинственными сяньбийцами. В руках же Хуяня оставались лишь земли (вдоль западных склонов Алтайских гор): от озера Баркуль на юге, до «Западного моря», то есть до Арала или даже Каспия (см.34, с.189).

Продвижение по службе для членов рода Сюйбу (особенно для младших членов рода), оказавшихся на вторых ролях в королевстве «модэаров», становилась бесперспективной. Несмотря на все свои личные качества, они не могли выдвинуться, так как все высшие должности получали по старшинству члены рода Хуянь.

В связи с возникшими на этой почве разногласиями Тарбагатайские роды хуннов постепенно обособливались, создав в 140-х годах свою Тарбагатайскую орду лишь номинально подчиняясь Хуяню, который в эти годы был занят сложнейшими проблемами на востоке, возникшими усилением воинственных сяньбийцев. Тарбагатайская орда воспользовавшись этим

обстоятельством распространяла своё влияние на южные области «Западного края». В 150-х годах они уже прочно обосновались как в Тарбагатае, так и в земледельческих оазисах Илийской долины.

Кочевые кангюйские племена (одни из предков казахов) вели интенсивную торговлю с оседлыми земледельческими племенами Илийской долины и постепенно попадали под влияние более организованных – «караханидов».

Слово «караханиды» у «р»-язычных (огурских) племён произносилось как слово «караханлар», а у «з»-язычных (огузских) племён (меняющих звук «р» на звук «з») оно превратилось в слово «казахлар». С течением времени, в результате смешения тарбагатайских хуннов с кангюйцами, и сложилась здесь тюркоязычная орда под современным названием «казахи», с центром орды в Илийской долине.

Тарбагатайские (илийские) «караханиды», после разгрома Хуяня сяньбийцами отступили в южные области «Западного края», где и сохранили свою династию. К примеру, династия Караханидов правила всей Средней Азией даже в XI-XII веках нашей эры (см.58, с. 488).

Одни из предков чувашей – «шупаши», поставленные для охраны западных границ хуннов, впоследствии вошли в состав караханидов, среди которых и затерялись.

СЯНЬБИЙЦЫ

После избрания нового короля (вана), из знатного «мадьярского» рода Хуянь (заяц), хунны (гунны) преобразовали свое царство «Северное Хунну» в новое государственное образование под названием «королевство (каганат) Модзаров» (мадьяр), где основным языком становится теперь уже язык уногуров (венгров). Это королевство (каганат) просуществовало здесь недолго, потому что с востока им стали угрожать, восставшие против хуннов воинственные сяньбийцы.

Сяньбийцы были одними из ответвлений монгольского племени дунху, скрывшиеся, будучи поражёнными Модэ, в горах Сяньби. От названия этой горы и приняли они своё *прозвание* – сяньбийцы. Сяньбийцы находились на низшей ступени иерархической лестницы Хунно-угорской державы. Сяньбийцы, как и другие монголоязычные племена в «державе Хунну», могли быть только воинами или пастухами (аратами), и никем другим. Это была нещадно эксплуатиремая (многочисленная) прослойка хуннского феодального общества, состоявшая из людей монголоидного физического типа, тогда как племенная знать «державы Хунну» состояла из людей европеоидного физического типа. Они страшно ненавидели своих поработителей и не раз поднимали против них восстания.

Возвышение сяньбийцев начинается при Таншихае, который родился в 141 году. Отец его три года служил в войске хуннов. По возвращении домой он обнаружил незаконнорождённого сына и отвернулся от ребёнка, которого затем воспитала родня его жены.

Таншихай рос удивительно талантливым и храбрым ребёнком. В 156 году за храбрость и выдающиеся способности он в возрасте 15 лет был избран главой сяньбийского рода. После чего он построил себе дворец (столицу), собрал многочисленную дружину и возглавил всех прочих сяньбийских старейшин.

Таншихай так же, как и великие полководцы Александр Македонский, Спартак и А.В. Суворов, делил все тяготы и невзгоды походной жизни со своими воинами. В отличие от Александра Македонского Таншихай не принял титула хана или царя и вообще никакого титула. Он был просто Таншихай (как и Спартак), вождь угнетённых степных людей, и, действительно, те стекались к нему для борьбы с ненавистной им хуннской аристократией.

За период с 156 по 166 годы он (аналогично Спартаку) возглавил борьбу низших поработённых слоёв хуннского общества против засилья хунно-угорских феодалов. За десять лет непрерывной борьбы он разгромил «державу Хунну», обеспечив здесь монгольскому элементу преимущественное положение, выгнав хуннов (гуннов) из Джунгарии за «Западное море» (Каспий), а с верховьев Иртыша – за Уральский хребёт. Таншихай сделал то, что китайцы не могли сделать за весь «тысячелетний» период войны со своими северными соседями.

После смерти Таншихая в 181 году, обнаружилось, что вся Сяньбийская держава покоилась на силе обаяния его личности. Сын Таншихая – Холян, пытался продолжать военную политику отца, но из этого ничего не вышло. Половина сяньбийской орды отказалась ему повиноваться и он, при осаде китайской крепости, был застрелен из самострела. За его малолетнего сына стал управлять брат Холяна. Потом дядя и племянник поссорились, и держава Сяньбийцев окончательно развалилась в 235 году.

В этот критический период развала Сяньбийской державы (освободившись из-под влияния сяньбийцев), на основе «савиро-чувашей» (*шупаншей*) и «караханидов», в Семиречье возникло княжество Юебань; а на Алтае возродились оставшиеся в живых алтайские савиры, ставшими известными теперь уже под именем «дулгасцы», или «тюгу», основав здесь (во главе с Апиной) свой Дом Тюгу (см.31, с.232).

Таким образом, после сокрушительного поражения от Таншихая, для северных хуннов наступили страшные времена. Вытесняемые сяньбийцами из земледельческих областей на юге «Западного края», жуно-угры, (джунгарцы) вместе с племенами чеши и пулэй (предками низовых чувашей и болгар), через «Джунгарские ворота» двинулись на запад, и раскололись

снова. «Малосильные» остались в Семиречье, где на основе «караханидов» и «*шупашей*» образовалось уже княжество Юебань, а самые «*сильные*» ушли в степи Северного Кавказа, где и стали известными уже под именем – «гунны».

Первое упоминание о гуннах принадлежит Дионисию Перигиету, писавшему в 160 году о том, что в степи Северного Кавказа пришли с востока воинственные племена гуннов (см.34, с.198). Это говорит о том, что хунны вместе с предками низовых чувашей (чешисцев) и болгар (пулэйцев), убегая от Таншихая, нигде долго не задерживались, а *прямиком* пришли в степи Северного Кавказа.

“ДУЛГАСЦЫ”, ИЛИ “ТЮГУ”

После разгрома Северного Хунну сяньбийцами, небольшая часть алтайских савиров (не успевшая или не сумевшая бежать) осталась в предгорьях Алтая.

Сяньбийцы (люди монголоидного физического типа) считали хунно-угров также, как и жуно-угров (людей европеоидного физического типа) своими поработителями и страшно их ненавидели. Внешний вид, обычаи и нравы хуннов вызывали у сяньбийцев неприязнь или просто физические отвращения. Поэтому сяньбийцы, пришедшие на Алтай, стали преследовать и в буквальном смысле вылавливать и уничтожать оставшихся в «Западном крае» савиров (людей европеоидного физического типа). Высокий нос, белокурые волосы и большие глаза стали считаться у сяньбийцев – уродством (см.37, с.154). Людей с такими «уродствами» Таншихай приказал «*всех перебить*».

О жестокости расправы сяньбийцев с не успевшими бежать хуннами говорят сохранившиеся у китайцев и народов Средней Азии легенды и предания, которые, если их обобщить, так описывают эти события: «*Одно из племён жуно-угров (алтайские савиры) издревле обитало в центре Алтайских гор и составляло аймак. Впоследствии сей аймак был разбит сяньбийцами и совершенно истреблён. Остался один десятилетний мальчик. Сяньбийские ратники, видя его малолетство, пожалели убить его; почему, отрубив у него руки и ноги, бросили его в травянистое болото. Волчица стала кормить его мясом, а недалеко в горах была пещёра, через которую был скрытый от людских глаз узкий проход, ведущий на равнину, поросшую травой на несколько сот ли окружностью (1 ли = 400 м.). Со всех сторон равнины лежат горы. Ни человек, ни крупные звери не могли проникнуть сюда. Здесь укрылась волчица и родила десять детей, которые пришед в возраст, пережились и все имели детей. Впоследствии каждый из её сыновей составил обособивший род (прозвание). В числе их был Ашина, человек*

с великими способностями, и он был признан государём в этой укромной равнине. Поэтому он над воротами своего местопребывания выставил знамя с золотой волчьей головою – в воспоминание своего происхождения» (см.31, с.233).

Символ волка впоследствии стал непременным атрибутом некоторых, возродившихся из уцелевших гуннов (потомков Ашины), *тюркоязычных (огузских)* племен Центральной Азии, которых (впоследствии) так и именовали – «*кашгарцами*» (*кашкър*), что и значило – «*волк*».

Исходя из вышеизложенного можно констатировать, что принятый некоторыми тюркскими народами символ волка к ушедшим на запад предкам современных чувашей отношения не имеет, потому что ко времени рождения Ашины и принятия им для своего рода тотемного знака – «волка», предки современных чувашей давно уже были на Северном Кавказе или вместе с предками венгров – в Прикамье.

Китайская История тоже упоминает о савирах, оставшихся в «Западном крае» хуннов, следующим образом: *«После уничтожения хуннов, остался их род по прозванию Ашина. Он кочевал по северную сторону Алтая. В сем месте Алтай составляет высочайшую точку горы: состоит из кругообразного протяжения сплошных утёсистых гольцов, с глубокою и пространною долиною внутри их, и представляет вид шлема, обращённого углублением кверху»*. Шлём по-монгольски – «*дулга*»; почему Ашина и обратил сие слово в название своему Дому. Китайцы переложили слово «*дулга*» на свой язык звуками «*ту-гу*» (см.31, с.215). Поэтому потомки алтайских савиров, возродившиеся при Ашине, впоследствии именовались «*дулгасцами* или *тюгу*».

После падения государства сяньбийцев, дулгасцы, или тюгу сумели «*возродиться из пепла*» и из рода в род стали жить, найдя выход из окружения гор, на южной стороне Алтая: выращивая зерновые культуры и хмель; добывая и обрабатывая железо успешно торгуя изделиями своего ремесла с кочевыми племенами всей Срединной Азии (см.31, с.240).

В VIII веке дулгасцы, или тюгу были завоёваны уйгурами и переселены в Северо-Западный Китай, где вскоре и растворились среди уйгуров, передав им некоторые секреты своего ремесла и навыки орошаемого земледелия. Дулгасцы, как и уйгуры были наследниками письменности «державы Хунну», которая, в свою очередь, была создана на основе клинописи и пиктограмм, пришедших в Среднюю Азию индоиранских племен.

Некоторые ученые считают, что уйгурское письмо развилось из согдийского⁶², а согдийцы были потомками тех же среднеазиатских серов, основавших Хунно-угорскую конфедерацию, или «державу Хунну».

Уйгуры, после завоевания дулгасцев, лишь реформировали свою письменность, заменив клинопись и пиктограммы дулгасцев на буквенный алфавит, переложив его, кроме того, с «огурского» диалекта на «огузский»

диалект, то есть они просто в дулгаском (гуннском) письме сменили, согласно законам ротацизма, звук «р» на звук «з».

Реформированный уйгурский алфавит состоял из 20 букв, включая 5 гласных и 15 согласных. Ввиду удобочитаемости и прогрессивности реформированного уйгурского письма, его в XII–XIII веках переняли монголы. В уйгурском письме (в одном из древнейших тюркских языков) сохранилось около 1000 слов гуннского (чувашского) происхождения.

Так как гуннская письменность в дальнейшем была утеряна (в том числе и чувашами), то эту утерю (в какой-то мере) можно восстановить сохранившимся уйгурским (дореформенным) письмом, в котором лишь стоит заменить, согласно законам ротацизма, изменяющиеся звуки. Кроме того, некоторые исследователи гуннской истории считают уйгуров тем народом, который в наибольшей степени сохранил специфические особенности культуры тюркоязычных племен гуннского (хуннского) периода их становления, в том числе и культуру и письменность дулгасцев (тюгу).

Бичурин Н.Я. считал дулгасцев сохранившимися потомками алтайских савиров, подчёркивая удивительное сходство их обычаев с древнечувашскими, особо отмечая при этом удивительное сходство одежды и домашней утвари приказанских чувашей (**тюгу**) с одеждой и домашней утварью алтайских дулгасцев (см.31, с.22). Поэтому он в своих исследованиях дулгасцев выделяет особо, очень подробно описывая их династийную историю с перечислением подробных дат и имён их правителей начиная со времени китайской династии Юань-вэй (в правление Да Тхуна) и заканчивает её 745 годом – поражением от уйгуров при правителе дулгасцев Баймэйхане (см.31, с.287).

После бегства основной массы алтайских савиров на нижнее течение Камы, о них ничего не было слышно около 200 лет (155–350 годы н. э.). Поэтому этот 200-летний пробел в истории чувашского народа (их быт, нравы и обычаи) можно восполнить подробно описываемой Н.Я. Бичуриным династийной историей дулгасцев, которых он считал одними из ответвлений савиро-чувашей. В связи с чем, мы и упомянули вкратце – историю возвышения и падения Дома Тюгу.

КУДА ИСЧЕЗЛИ СУВАРЫ?

В предыдущей главе книги говорилось лишь об оставшихся на Алтае и верховьях Иртыша гуннах, предках сувар и венгров. Основная же масса гуннов, пораженная Таншихаем, вместе со своим королем (ваном) из знатного угорского рода Куян, снявшись с верховьев Черного Иртыша и склонов Южного Алтая, бежала в 160 году н.э. через Кулундинскую и Барабинскую степи в Приуралье, где они, победив аланов и смешавшись с ними, сформировались в народ под современным названием венгры.

В Предуралье предки венгров (мадьяры, модэары) кочевали по территории современной Башкирии в районе от Бугульмино-Белебеевской возвышенности до оренбургских степей, основав здесь в междуречье рек – Сюнь и Ик свой летний кочевой стан, под названием Модэар (Мадьяр). Современное название этой местности производится как Маты (Метте).

Летняя королевская ставка венгров была временной и перемещалась в зимнее время в южные или западные области владений венгерского короля (вана). У кочевых венгров в этот период не было постоянной столицы. Их столицей считался кочевой стан из многочисленных юрт, на месте пребывания их короля и его свиты.

В Среднем Поволжье они кочевали по долинам рек: Большого Черемшана, Кондурчи, Сока и Кинели. Венгры, будучи кочевым народом, не строили здесь укрепленные города и крепости.

На территории же современной Татарии венгры селились в низовьях Камы по соседству, с начавшими оседать в долинах здешних рек племенами сувар.

Пришедшие в Прикамье венгры и сувары имели достаточно высокий, для своего времени, уровень цивилизации. Задолго до западноевропейцев они уже знали секреты металлургии. Железо у них было рабочим материалом, тогда как в Византии того времени, железо считалось драгоценностью. Здесь они, объединившись с местными племенами, создали (не позднее VII века) государственное образование под названием «Биармия» (Биармланд), воспеваемая в скандинавских сагах. Суверенная «Биармия», или «Великая Венгрия» просуществовала здесь более 200 лет.

В начале VIII века часть болгар («серебряные болгары») из Северного Кавказа двинулась по правобережью Волги на север. Болгарское войско в начале IX века во главе с Айдар-ханом, который царствовал с 815 по 865 годы, переправилось на левый берег Волги и разгромило венгров, которые вынуждены были бежать во главе со своим королем (из знатного угорского

рода «Куян») – Леведом, в междуречье Дона и Днепра, а оттуда в Паннонию на Дунае.

Угасание Биармии началось по мере усиления пришедших в Поволжье болгар. На этой территории, населявшие его народы, создали во главе с болгарской племенной знатью новое государственное образование. Прямым преемником «Биармии» стала «Волжская Болгария». Биармийцы же в преданиях и легендах финно-угорских народов остались как миролюбивые предки венгров, сувар, башкир и некоторых других народов Поволжья и Приуралья.

Венгры Приуралья были скотоводческими племенами. Кочевали они со своими юртами и поэтому не оставили после себя какие-либо укрепленные поселения. В 1974 году около села Большие Тиганы Алексеевского района Республики Татарстан был открыт археологической экспедицией Е.А. Халиковой лишь большой могильник древних венгров (мадьяр), подтверждающий пребывание здесь венгров. Кочевые народы, обычно, оставляют после себя лишь такие *«примечательные места»*, как кладбища (*каменные города мертвых*), обустривая их по подобию *«настоящих городов»*. Сувары же, наоборот, будучи оседлыми (земледельческими) племенами, в первую очередь строили укрепленное поселение для своего правителя, а сами же селились в округе этого укрепленного поселения. После ухода из Приуралья венгров, алтайские савиро-чуваши остались в низовьях реки Камы и стали известны европейцам под названием сувары.

Сильная военная организация дала возможность племенным вождям болгар объединить тюркоязычное и финно-угорское население края: сначала (в VIII веке) в союз племен, а в конце IX века – в Болгарское государство.

До прихода в Поволжье болгар сувары были уже состоявшимся княжеством, располагавшимся в бассейнах рек Большая Утка и Малый Черемшан, продолжая и при болгарях сохранять свою относительную самостоятельность, что подтверждается высказыванием Б.А. Серебренникова, утверждавшего о том, что часть чувашей (сувары) **издревле** уже обитала в Среднем Поволжье (см.60, с.16). Здесь сувары в VIII веке до прихода болгар уже имели свою столицу на реке Утке. Развалины Суvara находятся на левом берегу реки Утки, у деревни Татарский городок Куйбышевского района Республики Татарстан. Суварское городище было окружено с трех сторон валами и рвами, примыкая четвертой своей стороной к реке Утке, которая в древности была судоходной. Поверх валов возвышались дубовые стены с башнями. В Суваре открыты развалины большого каменного дома с подпольным отоплением, остатки деревянных строений, глинобитных домов. Деревянные жилища имели пол и подполье. В Суваре было развито ремесленное производство (ювелирное, кузнечное, керамическое, стекольное, кожевенное, ткачество). Площадь, занимаемая Суваром, превышала 100 гектаров земли.

У сувар бытовало многоженство. Кроме того, *«согласно языческим нравам своим, они брали в супружество жену отца»* (см. 60, с.32). Среди бедняков было распространено многомужество (*у них два брата имели одну жену*). По словам Ибн-Фадлана у сувар дед имел больше прав на внуков, чем их отец – на своих сыновей; имущество после умершего наследовал брат (как и у гуннов), но не сыновья.

Главным богом сувары и болгары признавали Тангрихана (*«тангри»* означало «небо»). Культ Тангрихана был связан с почитанием священных густолиственных дубовых рощ, где как старейшину выделяли громадное дерево и располагали возле него капища с кумирами (идолами). В этих рощах в жертву Тангрихану приносили лошадей, овец и птицу: *«кровь их поливали вокруг дерев, а голову и кожу вешали на сучья...»*, *«ели и пили тело и кровь жертвенных животных»*. Трогать священные деревья строжайше запрещалось. Служителями культа являлись жрецы, которые в мировоззрениях сувар и болгар являлись обладателями знаний, полученных ими от древних их божеств. Верования древних сувар и болгар совпадали с «языческой» религией чувашей XVI–XVIII веков.

Обрядность жизненного цикла у сувар содержала много архаических элементов. Так при рождении ребенка пуповина мальчика отрезалась на топорнице, а у девочки – на прялке⁶³. Как и алтайские савиро-чувашаи, так и их потомки – прикамские сувары отличались своим миролюбивым нравом. Миролюбивый характер чуваш подтверждается не только в их названии, но и в их повадках и нравах. Чуваш, скорее всего повесится на воротах обидчика, чем поссорится или подерется со своим неприятелем. А.А. Фукс и К.К. Фукс так писали о чувашах начала XIX века: *«Редко найдешь между чувашами злого человека. Редко между ними бывают ссоры, еще реже вражды; но ежели они рассердятся, то какое у них удивительное мщенье! Чуваш идет к своему неприятелю, и, желая навлечь ему беду, давится у него на дворе»*.

Пришедшие на Среднюю Волгу скотоводческие (кочевые) племена болгар стали здесь постепенно переходить и к земледелию. Поселившись рядом с оседлыми (земледельческими) племенами сувар, некоторые болгарские племена перенимали и совершенствовали земледельческие навыки сувар. О том, что болгары и сувары хозяйствовали по-разному, одни были кочевыми, а другие оседлыми племенами, подтверждается описанным Ибн-Фадланом случаем отказа суварского князя Вырыга (Урука) от летней перекочевки вместе с булгарами (см.60, с.14).

В 922 году основной религией Волжской Болгарии стал ислам. Суварский князь Вырыг (Урук) отказался поклоняться богам чуждой суварам религии и увел часть своих соплеменников из левобережья на правый берег Волги. Сувары облюбовали здесь плодородную долину р. Цивилия, расселившись впоследствии по территориям в окружении современных Чебоксар.

Здесь они на землях марийцев недалеко от устья Цивили построили крепость, которую в честь своей прежней столицы города Сувар назвали «Вёдё Сувар» (Веде-Суар), что на их языке означало «небольшой по величине город Сувар» или просто «Малый Сувар». Эту суварскую крепость марийцы стали именовать «Суас-Кар», то есть «чувакской крепостью» или – «чувакским городом». О том, что сувары перенесли свою столицу из левобережья Волги на правый её берег подтверждается тем, что географ XII века Эндрисси, месторасположение города Сувара указывает на правом берегу Волги. В XIV веке город (крепость) Суас-Кар стали именовать «*городом шупашей*» (Шупашкар) (см. выше, стр. 4, 107, 110).

Перешедшие на правый берег Волги сувары по своим морфологическим признакам были европеоидами. Сувары того времени имели наибольшее сходство с венграми и марийцами, то есть с европеоидами (см.60, с.176). Монголоидные признаки примешались к ним позже, когда разгромленные монголами, болгары левобережья Волги в массовом порядке хлынули на северные территории современной Чувашии, коренным образом изменив морфологический тип населения северных районов Чувашского края, добавив к их физическому типу заметную монголоидность. У болгар было больше монголоидных черт, чем у «низовых чувашей», тем более, чем у сувар.

После переселения части болгар на правобережье Волги у населения северных районов Чувашского края стало больше встречаться монголоидных черт, чем у низовых чувашей и сувар, поэтому-то при археологических раскопках могильников домонгольского периода антропологи относят жителей северных областей Чувашии к автохтонам (европеоидам), а при раскопках послемонгольского периода, их антропологический тип причисляют уже к пришлому народу, то есть к монголоидам.

Исходя из вышеизложенного материала и с тем, чтобы этноним – *сувары* не исчез бесследно в истории чувашского народа, было бы правильнее современных чувашей подразделять не на три (как сейчас), а на четыре этнографические группы:

1. Низовые чувашаи (*анатри*) – пришедшие в Среднее Поволжье в VIII веке из Северного Кавказа. Люди с незначительной примесью смуглости и монголоидности.

2. Сувары – бывшие алтайские савиры, переселившиеся во II веке с Алтая в устье реки Кама. В X веке они перебрались с левобережья Волги, на правый ее берег, в устье Цивили. Люди европеоидного физического типа, наиболее сохранившие свои европеоидные морфологические признаки.

3. Средненизовые чувашаи (*анат енчи*) – переходная этнографическая группа, сложившаяся в результате смешения сувар с низовыми чувашами. Люди смешанного физического типа.

4. Верховые чувашаи (*вирьял*) – потомки левобережных болгар, бе-

жавшие с правобережья Волги после разгрома их монголами. Люди со значительной примесью смуглости и монголоидности.

В связи с тем, что предки чувашей формировались, как мы уже отмечали выше, в результате смешения пратюркских племён, первоначально с индоиранскими племенами (людьми брахикранного физического типа), а впоследствии с людьми монголоидного физического типа и угорскими племенами (людьми европеоидного физического типа), а в последние годы и со славянами, то поэтому среди современных чувашей встречаются как типичные кучерявые арабы, белокурые или рыжеволосые европеоиды, так и типичные монголоиды, причем у «верховых» чувашей, сложившихся в после-монгольский период гораздо больше монголоидных черт, чем у других этнографических групп чувашей.

Антропологический тип современных чувашей определяется как субуральский, для него характерно преобладание европеоидных расовых признаков, при наличии некоторой доли монголоидности. 21,1% чувашей европеоиды (потомки сувар), у 10,3% преобладают монголоидные черты (потомки левобережных булгар), а 68,6% чувашей относятся к смешанным монголоидно-европеоидным типам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключительной части книги мы вправе утверждать, что предки современных венгров, болгар и чувашей проживали прежде в едином государстве под названием «Великая Хунгария», или «державе Хунну».

Мы также вправе утверждать, что первое государственное образование предков чувашей было создано в Турфанском оазисе (на дне Люкчунской котловины) в 174–161 годах до н. э. сыном Модэ – Лаошанем и именовалось оно китайцами (имевшими пристрастие к изменению и укорочению чуждых им слов) не княжеством Чуваш, а княжеством Чеши, и что первой столицей этого княжества был город (крепость) с названием «Чук-хула» (Джуки-кала), а в искажённом китайском произношении «Чжоха-хота», что означало «город главного жреца» или «город знати». Здесь же было образовано (подвластное чешицам) и первое протоболгарское владение Пулэй. У предков болгар и чувашей в «державе Хунну» сложился общий (гуннский) язык, схожая культура и общая религия (зороастризм).

В 156–166 годах гунны были разгромлены сяньбийцами. Основная часть гуннов в составе венгров, савиро-чувашей бежали в Предуралье. Сяньбийские ратники преследовали их до северных границ оренбургских степей.

Другая их часть (савиро-чешицы и пулэйцы) под ударами сяньбийских копий бежала на Северный Кавказ. Третья их часть («малосильные»), в том числе и «савиро-шупаши», остались на землях современной Средней Азии и Казахстана, объединенные впоследствии в государственное образование – династией Караханидов, то есть династией гуннов по отцовской линии Модэ.

Из вышеизложенного материала мы также узнали, что наследником Северного Хунну стало, образовавшееся в 93–126 годах н. э., королевство «модзаров» (мадьяр), со столицей в верховьях Чёрного Иртыша, и что первые правители (короли) этого государства-королевства были представители из знатного угорского рода Хуянь (Куян). В Предуралье предки венгров, сувар и башкир совместно с некоторыми местными финно-угорскими племенами создали племенное объединение, а впоследствии – государственное объединение под легендарным названием «Биармия» (Биармланд), или «Великая Венгрия».

Если суваро-чуваши пришли в Поволжье во II-ом веке *прямоком* с Алтая, то приход низовых чувашей в Поволжский регион более сложен. Их предки (часть тех же алтайских савиров) первоначально были переселены сыном Модэ – Лаошанем в Турфанский оазис на северо-западе Китая, где они и образовали в составе империи гуннов свое княжество Чеши (см. карту-схему № 1, стр. 144 -146).

В 64–90 годах до н.э. на территории Чешского княжества шли не-

скончаемые войны хуннов с китайцами. В результате длительных военных действий особенно пострадали земледельческие племена предков низовых чувашей, чем скотоводческие племена пулэйцев, потому что ирригационные сооружения чешисцев (чувашей) были полностью выведены из строя. Население Чешиского княжества уменьшилось в несколько раз. По подсчетам китайцев, чувашей (чешисцев) в 40-х годах до н.э. здесь оставалось всего 10824 человеческих душ обоего пола.

После разгрома империи гунов сяньбийцами, чешисцы в 160 годах н.э. переселились вместе с пулэйцами (предками болгар) и частью «оногуров» (десятиплеменных угров) на Северный Кавказ (см. карту-схему № 1, стр. 144 -146).

Возвышение болгар происходит после переселения их в составе «р»-язычных (огурских) племен на территорию Северного Кавказа. Здесь уже, наоборот, ослабленные войною и перекочевкой, князя «низовых чувашей» становятся вассалами «Великой Болгарии», потому что пулэйцы, сохранявшие кочевой образ жизни, при переселении их из Турфанского оазиса на Кавказ пострадали в меньшей мере, чем земледельческие племена чувашей-чешисцев, не приспособленные к кочевому образу жизни. Здесь пулэйцы в благодатных для скотоводства степях Северного Кавказа необычайно быстро выросли численностью и, избрав молодого и энергичного своего вождя, стали беспспорными гегемонами в каспийско-черноморских степях.

Необычайно быстро возвысившиеся пулэйцы стали считать себя законными наследниками «державы Хунну», начав образовывать здесь свое «царство-государство», но при этом им мешало их прошлое (незвучное) прозвание «пулу» (пулă), то есть «рыба».

По гунским традициям в названии их конфедерации, еще со времен Туманя, должно было присутствовать основа «хунн» или «гур». Чтобы как-то узаконить свое царственное положение среди остальных гунов, пулэйцы прибавили к своему прозвищу «пулу», слово «гур» и стали именоваться уже «пулугурами», где слово «пулу», или «пулă» значило «рыба».

Соседи «пулугуров» восприняли их новое прозвание без особых возражений, потому что одни из их соседей быстро переименовали их прозвание (за задиристость и воинственность), схожим в их языке словом «булугур» (балагур), то есть «*возмутителями спокойствия*». Другие же их соседи (еще в Турфане) именовали их (за смешение с «савиро-чешисцами») «булгамаками», то есть «*метисами*», где тюркское слово «булгамак» означает «*смешивать*»⁶⁴.

Таким образом, новое прозвание пулэйцев «пулугуры» успешно прижилось, учитывая их могущество в этот период среди новых их многочисленных соседей.

Объединив в каспийско-черноморских степях земледельческие и скотоводческие племена, «пулугуры» образовали здесь (в IV–VII веках) мощ-

ное государственное образование под названием уже не «Великая Хунгария», а «Великая Болгария» со столицей под названием Фанагория, располагавшейся в Приазовье.

Население «Великой Болгарии» состояло из многочисленных племен, подразделяясь, в первую очередь на оседлые (земледельческие) племена, именовавшиеся «утургурами» (сидячими уграми), где слово «утур» означает «сидеть» и на кочевые (скотоводческие) племена, именовавшиеся «кутургурами», где слово «куту» (кётү) означает «стадо». Кроме того, «пулугуры» подразделялись на «передних», «задних» («кутигуры»), «степных» («уйгуры»), «черных» («карагуры»), «желтых» («сарагуры»), «восточных», «западных» и т.д., где слово «кут» означает «зад», «уй» – «степь», «кара» – «черный», «сара» (сарй) – «желтый» (белый) и т.д.

Наивысшего расцвета «Великая Болгария» достигла при хане Кубрате. После его смерти (в VII веке) «Великая Болгария» распалась на несколько частей: одна из их частей ушла на запад (дунайские болгары), другая осталась на Кавказе (балкарцы или «чёрные болгары»), а третья их часть (серебряные болгары) во главе с одним из сыновей Кубрата – Котрагом ушла (в 669–670 годах) на север⁶⁵.

Языком знати «Великой Болгарии» был тюрко-огурский (гуннский) язык, который получил (в те времена) значительное распространение в каспийско-черноморских степях. После утраты болгарами своего тюрко-огурского (гуннского) языка, последними носителями (наследниками) этого языка принято считать современных чувашей⁶⁶. Тюрко-огузские же языки появились здесь во времена тюркского каганата, а впоследствии еще и дополнительно – после нашествия монголов.

Пришедшая в степи Северного Кавказа в составе гуннов – тюркоязычная общность впоследствии распалась на три родственные языковые группы – болгар, чувашей и хазар. Это были тюркские «р»-язычные (огурские) племена. Согласно мнению Б.А. Серебрянникова их язык был предком чувашского, который «мощной волной переселения народов был оттеснен в Европу» (см.65, с.42). «З»-язычные же (огузские) племена оставались (до поры, до времени) на территории Средней Азии и Казахстана, объединенные династией среднеазиатских Караханидов.

Савиро-чепишцы хотя и находились первоначально в вассальной зависимости от болгар, а впоследствии и от хазар, но всё же имели своё отдельное владение под названием (в транскрипции армянских историков древности) «Чашрот», которое, как считал профессор В.Ф. Каховский, произошло от чувашского «чаваш аравё», что означает «племя чувашей», или «род чувашей» (см.60, с.64). После же распада «Гуннской державы» в 454 году савиро-чепишцы, как и другие племена гуннов, начинают действовать самостоятельно (см.60, с.15).

Иоанн Маллала определял численность савиро-чепишцев до 100 тыс.

человек, то есть к VI веку численность савиро-чешисцев выросла до прежней максимальной их численности в Турфанском оазисе. По мнению М.И. Артамонова, военно-политическое объединение савир в VI веке было самым крупным союзом в Юго-Восточной Европе (см.60, с.16).

В VIII веке арабы начали войну с хазарами. В 732–737 годах военные действия развернулись на савиро-чувашицких землях. После более 600 лет проживания на Северном Кавказе предки низовых чувашей (бывшие чешисцы) были разгромлены арабами и в VIII веке переселились в Поволжье к родственным «серебряным болгарам» и суварам, получив впоследствии здесь свое современное название низовые (анатри) чувашаи.

В 770-х годах в Среднее Поволжье, намного позже сувар, из Северного Кавказа переселились «серебряные болгары». Это был родственник чувашам по языку, культуре и религии, но не по крови народ. Протоболгарский и чувашский языки относятся к *торко-огурской* группе языков.

Согласно своим древним гуннским религиозным обычаям, болгары на новом месте обитания должны были выбрать «священное место» для своего народа.

Таким местом они облюбовали большой неприступный холм в 90 км. от Сувара, из подножия которого бил мощный родник, названный ими «Священным родником». На этом месте они построили неприступный замок для своего жреца, присвоив замку название «Биляр», что значило «все-знающий» (жрец). «Бильга» в гуннских языках значило «мудрость», «бильгар» – «мудрец» (чудотворец) (см.57, с.144). Это утверждение подтверждает и Ал-Гаранти в своей книге «Ясное изложение некоторых чудес Магриба», где он пишет: «а ученый у болгар называется – балар». Это было священным местом (но не городом) для «серебряных болгар», до принятия ими ислама. Основной религией «серебряных болгар» и чувашей (в те времена) была вера в единого бога (зороастризм). Рядом с замком жреца впоследствии (в VIII–IX веках) здесь и возникла одна из экономических столиц Волжской Болгарии, под названием «Биляр».

В 895 году при хане Алмуше в Среднем Поволжье образовалось государство, известное в истории под названием *Волжская Болгария*, в состав которой вошло и суварское княжество. Административной столицей волжских болгар был город Булгар, основанный в VIII веке в 7 км. восточнее реки Волги.

Булгар и Сувар в период политической борьбы между болгарской и суварской знатью даже соперничали друг с другом. После ухода (в 922 году) части сувар на правый берег Волги, их древняя прежняя столица стала терять свое бывшее величие, а Булгар и Биляр, наоборот, стали средоточием политической, экономической и культурной жизни страны. По площади Биляр стал одним из самых больших городов Европы, занимая около 700 гектаров земли. Биляр в то время был крупнее, к примеру, чем, вместе взя-

тые: Париж, Киев и Владимир, уступая в своих размерах европейским столицам – лишь Константинополю. Некоторое время Биляр (в XII в.) был также и административной столицей Волжской Болгарии.

Волжская Болгария в 1236 году была разгромлена монгольским ханом Бату. В 1243 году он обосновался на Нижней Волге и образовал новое государство под названием Золотая Орда. Его верховная ставка, под названием «Сарай» располагалась на половецких землях.

Границы Золотой Орды простирались от Иртыша до Дуная. Волжская Болгария (Булгария) превратилась в провинцию (улус) Золотой Орды. В «Булгарском улусе» были размещены крупные отряды половцев (кыпчаков) во главе с военачальниками и знатью из «татанских» родов Монголии. По названию племенной знати монголов «татани», (таты), завоеватели и получили свое прозвание – татары. (*Происхождение слова «татары» см. выше, стр. 53*).

Через несколько поколений половцы легко переварили в своем этносе немногочисленную «татанскую» (монгольскую) знать, в результате чего государственным языком (языком знати) в Золотой Орде и стал «тюрко-огузкий» язык половцев (кыпчаков), сохранив при этом прежнее название монгольской знати «татары».

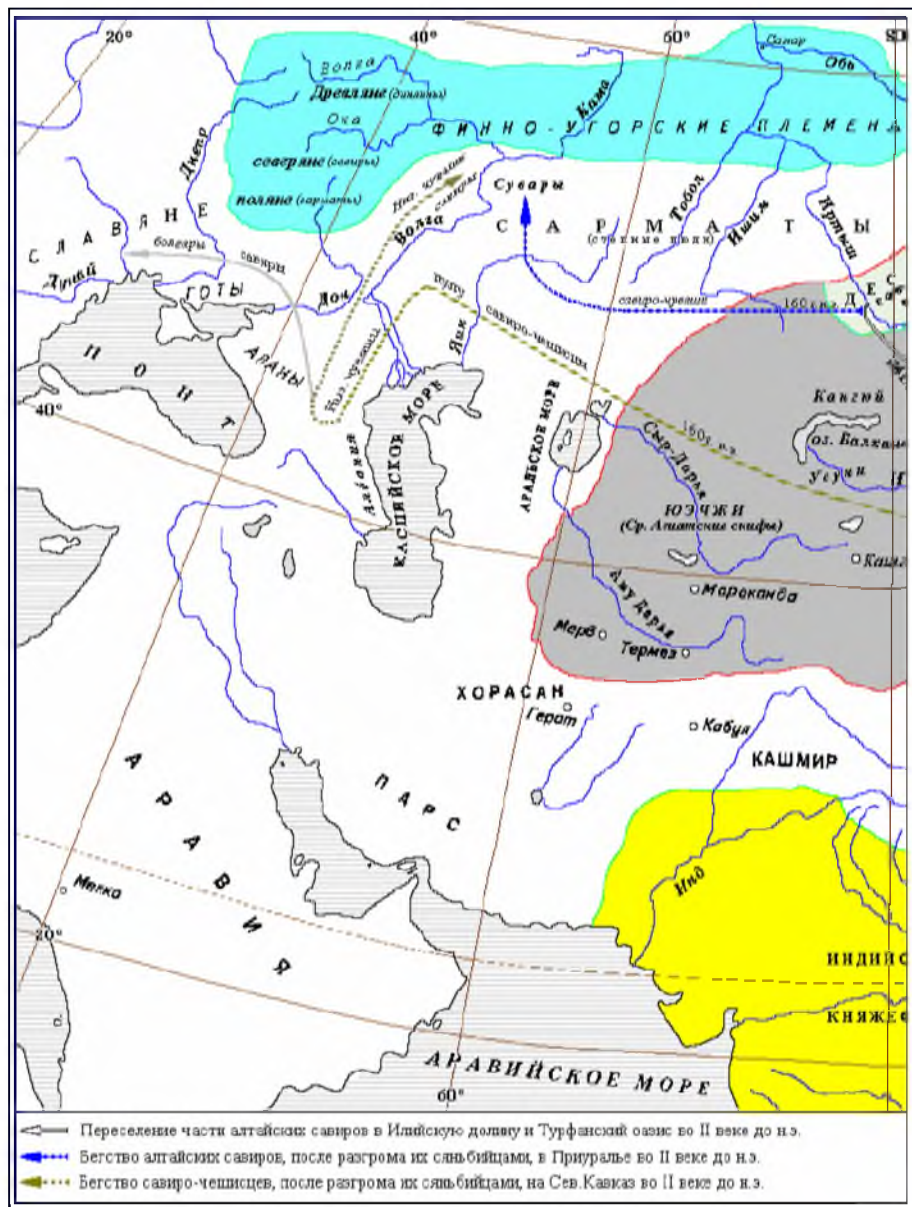
Численность пришедших с ханом Бату в Европу монголов (в его войске) не превышала десяти тысяч человек, поэтому монгольский язык оказал лишь незначительное влияние на формирование смешанного болгаро-половецкого языка, оформившегося впоследствии в язык современных казанских татар.

Половцы и болгары были людьми смешанного европеоидно-монголоидного физического типа с заметной примесью монголоидных черт. После же нашествия монголов у значительной части населения «булгарского улуса» проявляются признаки людей монголоидного физического типа еще в большей степени.

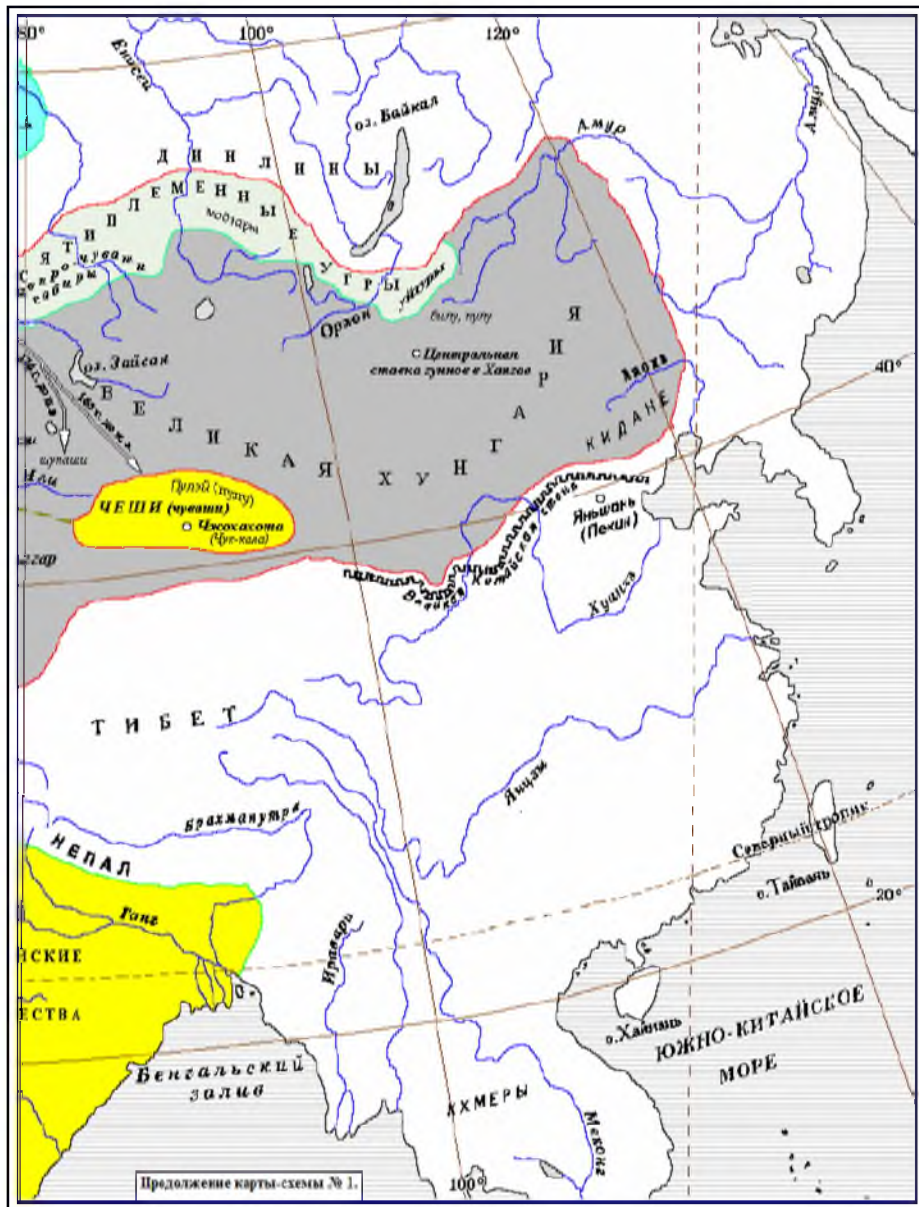
Таким образом, если влияние монгольского языка на формирование татарского языка было незначительным, то влияние монголоидных черт на формирование внешнего облика населения «булгарского улуса» было более значительным.

С середины XIII до середины XV веков в «Булгарском улусе» идет «добровольно-принудительное отатаривание» булгарского населения бывшей Волжской Болгарии. С образованием же (в 1437–1445 годах) Казанского ханства, булгарское население этого государства уже повсеместно именовалось татарами. В течение еще длительного времени понятие «татары» у населения «Булгарского улуса» оставалось нарицательным. В течение нескольких поколений булгар, название монгольской (татанской) племенной знати «татары», являлось «страшилкой» для булгарских детей того периода.

Из истории известно, что нарицательные имена народов (здесь мы

Карта-схема № 1 (в редакции автора).

Продолжение Карты-схемы № 1.
 Среднюю часть карты-схемы см. стр. 148 (Карта-схема № 1а).

немного повторимся) иногда могут перейти в их этнонимы. Так, например: франки означает «свободные», чувашаи – «мирные люди», норманны и савиры – «северные люди», марийцы и буряты – «лесные люди», алеманы – «сброд», маркоманы – «пограничники», а шведы (свевы) – «бродяги». Так и слово татары, воспринимавшееся первоначально «серебрянными болгарами» как нарицательное, с течением времени превратилось в их этноним.

Таким образом, из вышеизложенного материала следует, что одними из наследников волжских болгар являются современные «верховые чувашаи», сохранившие их язык и внешние морфологические признаки, и татары (метисные потомки «серебрянных болгар» и половцев), утратившие, к сожалению, свой древний тюрко-огурский язык и свое название «серебрянные болгары». Чувашаи же (сувары), до прихода в Поволжье «серебрянных болгар», были уже состоявшимся княжеством

Утверждение некоторых исследователей о том, что и другие этнографические группы чувашей тоже произошли от волжских болгар не соответствует действительности. Предки болгар и чувашей действительно говорили на одном и том же тюрко-огурском (гуннском) языке и испокон веков проживали на общей территории, но хозяйствовали они раздельно. Предки чувашей издревле были земледельческими племенами, а предки болгар были первоначально кочевыми скотоводческими племенами.

Особенно ощутимый наплыв болгар в северные районы современной Чувашии произошел после 1236 года, когда Волжская Болгария была разгромлена монголами, и большая часть болгар бежала от уничтожения в северные области Чувашского края к правобережным суварам. Жизненный уклад, пришедших с правобережья Волги части болгар (земледельцев), имел довольно много сходных житейских навыков и привычек местных чувашей, что с течением времени и привело к слиянию их с родственными по языку чувашами, под современным названием – чувашский народ.

Предки болгар (пулэйцы) во II веке до н. э. были переселены в княжество Чеша (в Турфанском оазисе), к предкам низовых чувашей, сыном Модэ Лаошанем, где пулэйцы стали вассальным владением чешиского князя и по указанию Лаошаня поставляли чешисцам продукты скотоводства и рыболовства. Чешисцам же (искусным земледельцам) вменялось заниматься только земледелием и обеспечивать «державу Хунну» продуктами земледелия. Предки болгар (пулэйцы, или пулу) первоначально были ближе к монгольязычным племенам, перешедшим впоследствии на тюрко-огурский (гуннский) язык и их религию зороастризм, в периоде проживания их в княжестве Чеша, а впоследствии и на Северном Кавказе – совместно с предками низовых чувашей.

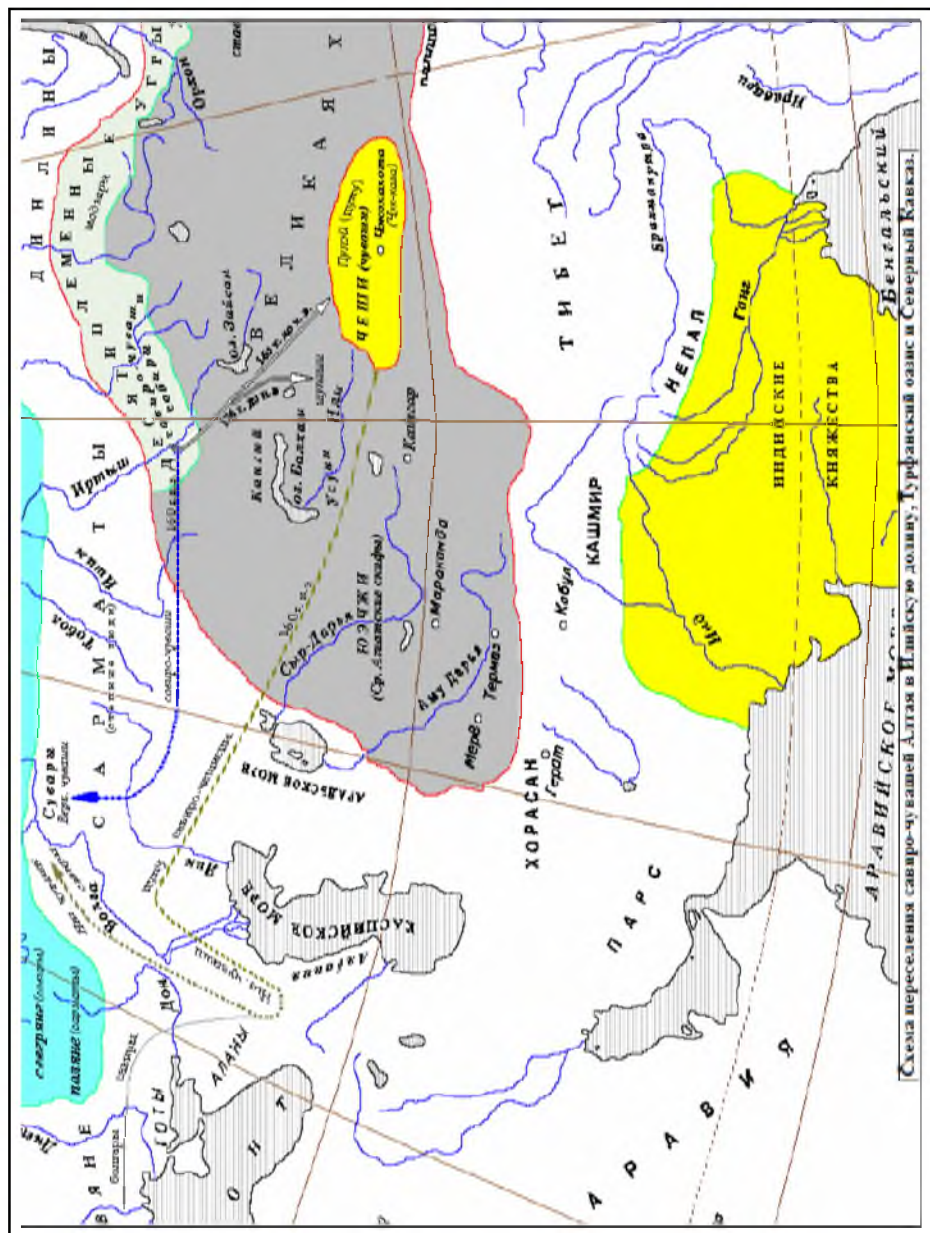
В последние годы усилиями татарского народа идет восстановление руин болгарских городов – Булгара и Биляра. Территория же, где находилась столица суварского княжества, по стечению исторических обстоя-

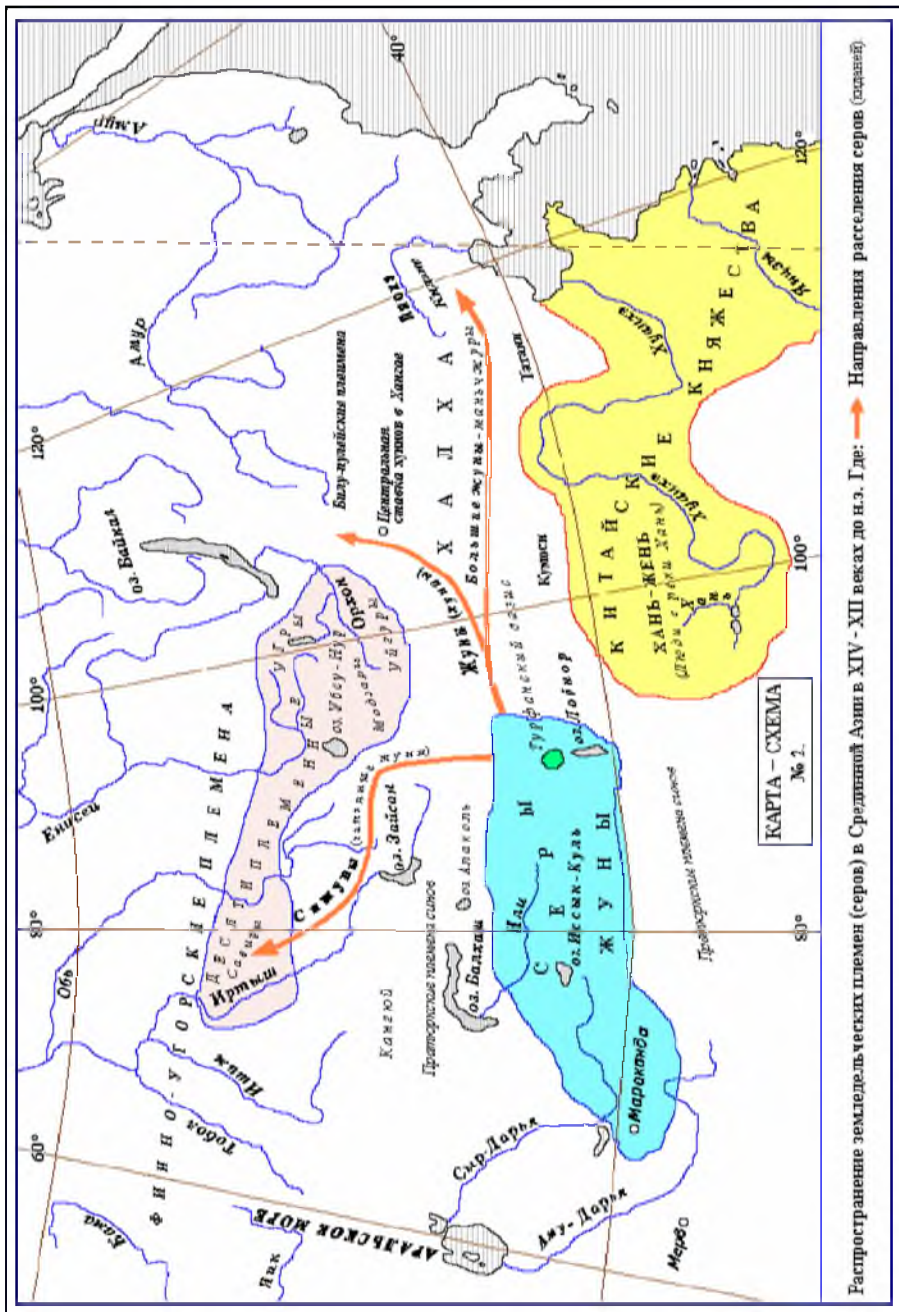
тельств, оказавшись вне территории Чувашской Республики, пришла в запустение. Местность, где располагалась столица суварского княжества, была распахана, превратившись к настоящему времени в пастбище для скота. Сохраняются пока что городской вал и ров вокруг бывшего здесь когда-то большого города. Здесь нет ни мостов, ни дорог с твердым покрытием. Кругом запустение. Очевидно, чувашскому народу, по примеру одних из потомков «серебряных болгар» (татар), надо приложить усилия по облагораживанию и восстановлению своей ближайшей **Природины**. Может быть, даже стоит нам, будучи одними из потомков левобережных сувар, построить там гостевой дом, открыть туристический маршрут, чтобы иметь возможность своими глазами увидеть земли, где располагалось наше древнее Суварское княжество.

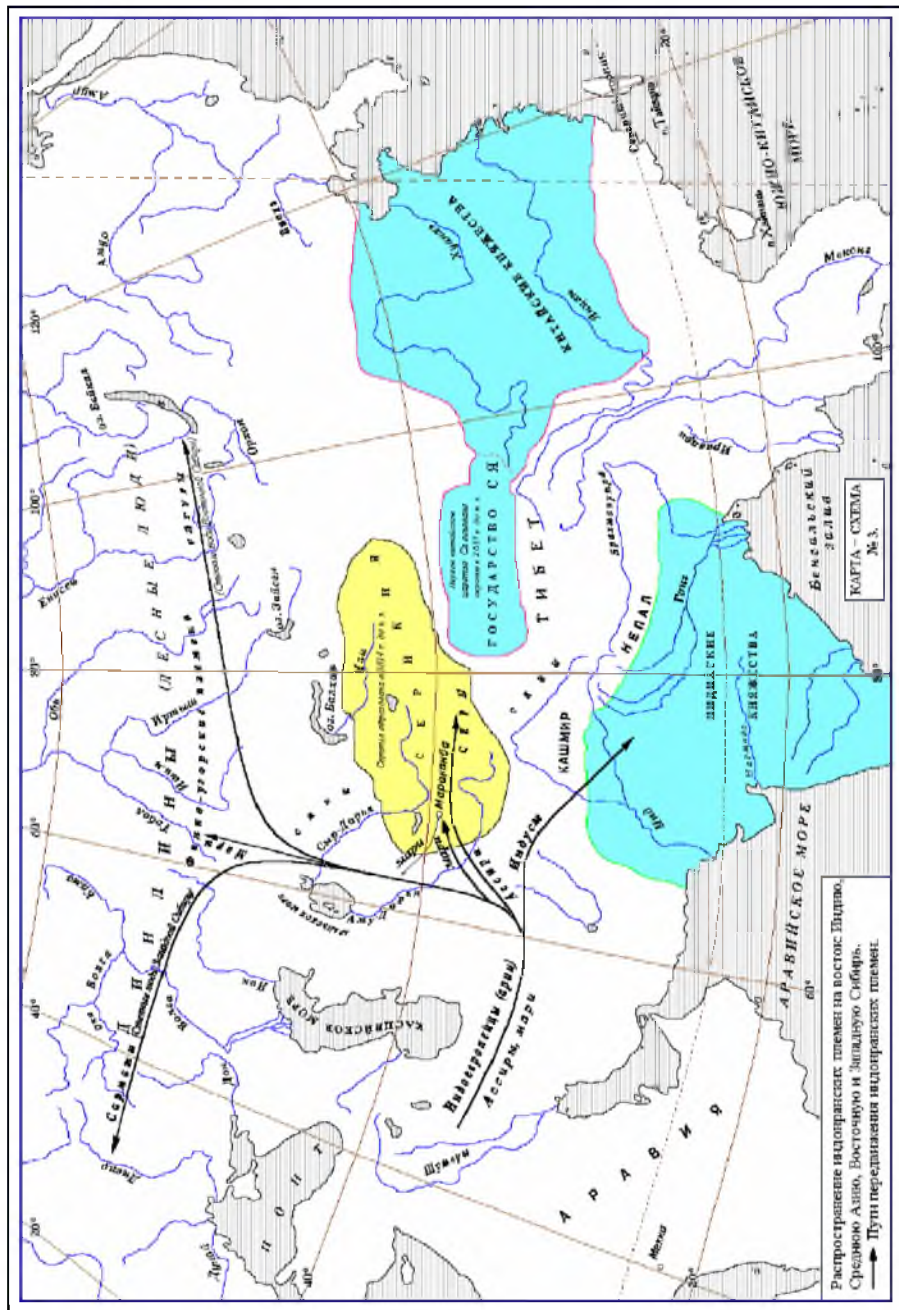
Мы проследили судьбу хуннов от глубоких истоков зарождения народа до его преобразования на новой земле в гуннов, опираясь в основном на сферу китайской медиевистики, то есть, опираясь на сведения китайских историков древности, которые, как известно, в своих исторических хрониках не освещали ход европейских исторических событий. Поэтому после ухода хуннов на запад они просто выпали из поля зрения китайских историков.

Для того чтобы проследить более подробно судьбу предков низовых чувашей, мы должны вначале изучить не менее сложную судьбу той ветви хуннов, которая после разгрома их Таншихаем бежала на запад и стала известна там под общим своим названием гунны.

Здесь мы вправе прервать своё повествование о хуннах (гуннах), так как вновь открываемая страница истории не относится к китайской сфере медиевистики. Это уже совсем другая история, которая уже опирается не на китайскую, а на европейскую сферу медиевистики.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

(Приблизительная численность тюркоязычных народов в мире оценивается в 100 миллионов человек).

	Название народа.	Самоназвание. (что оно означает)	Численность.	Основные места проживания.
1	Азербайджанцы	<i>азербайджанлылар</i>	17 млн.	Азербайджан, Иран.
2	Алтайцы	<i>Алтай-кижи (алтайский человек)</i>	70,8 тыс.	Алтайский край.
3	Балкарцы	<i>таулула (горец)</i>	78,3 тыс.	народ России.
4	Башкиры	<i>башикорт</i>	1 449,2 тыс.	народ России.
5	Гагаузы	<i>гагауз</i>	220 тыс.	народ Молдавии.
6	Долганы	<i>тыя-кихи</i>	5,3 тыс.	Красноярский край.
7	Каджары	<i>каджар</i>	30 тыс.	народ в Иране.
8	Казахи	<i>казах</i>	9,4 млн.	Казахстан.
9	Караимы	<i>караим</i>	27,6 тыс.	2,6 тыс. в СССР, 25 тыс. в Израиле.
10	Каракалпаки	<i>каракалпаки</i>	423,5 тыс.	Узбекистан.
11	Каракачаны	<i>каракачаньы</i>	12 тыс.	Греция.
12	Карачаевцы	<i>кърачайлыла</i>	150 тыс.	народ России.
13	Кашкайцы	<i>каткаи</i>	780 тыс.	народ в Иране.
14	Киргизы	<i>кыргыз</i>	2,5 млн.	Киргизия.
15	Кумыки	<i>къумукъ</i>	350 тыс.	народ Дагестана.
16	Нагайбаки	<i>крещенные татары</i>	6 тыс.	Башкирия, Челяб. обл.
17	Ногайцы	<i>ногъай</i>	75 тыс.	Даг. Чечня, Ставроп. кр.
18	Салары	<i>салыр</i>	90 тыс.	народ в Китае.
19	Таймени	<i>таймани</i>	130 тыс.	Афганистан.
20	Татары	<i>татар</i>	6 710 тыс.	в СССР.
21	Крымск. татары	<i>кърым татарлар</i>	272 тыс.	в СССР.
22	Теймуры	<i>тимури</i>	290 тыс.	в Иране 170 тыс., в Афганистане 120 тыс.
23	Телеуты	<i>татарлар, теленгеттер</i>	3 тыс.	Кемеровская обл. Алтайский край.
24	Тофалары	<i>тофа, доха</i>	730 тыс.	Иркутская область.
25	Тувинцы	<i>тыва (206.2 тыс. в России)</i>	249, тыс.	40 тыс. в Монголии, 3 тысячи в Китае.
26	Турки	<i>тюрк</i>	53,3 млн.	Турция.
27	Турки-Месхетин.	<i>тюрк</i>	282 тыс.	в СССР.
28	Туркмены	<i>туркмен</i>	4,6 млн.	Туркмения.

29	Тюрки Ирана	<i>афшары, кызылбаши</i>	535 тыс.	500 тыс. в Иране, 35 тыс. в Афганистане.
30	Узбеки	<i>узбек</i>	19 млн.	Узбекистан. Афганистан.
31	Уйгуры	<i>уйгур</i>	7,8 млн.	Китай, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Афганистан.
32	Фирузкухи	<i>фирузкухи</i>	150 тыс.	Афганистан.
33	Хазарейцы	<i>хазара (тысяча)</i>	1,92 тыс.	1,7 млн. в Иране, 220 тыс. в Афганистане.
34	Хакасы	<i>тадар, хоорай</i>	80,3 тыс.	народ России.
35	Хуэй	<i>хуэйцзы (родственные дунганам)</i>	8,9 млн.	народ Китая.
36	Чараймаки	<i>чар-аймак (четыре народа)</i>	860 тыс.	600 тыс. в Афганистане, 260 тыс. в Иране.
37	Чулымцы	<i>чюс кижилер (чулымские люди)</i>	688 тыс.	Томская область, Красноярский край.
38	Шахсевены	<i>близки азербайджанцам</i>	270 тыс.	народ Ирана.
39	Шорцы	<i>шор</i>	16,6 тыс.	Кемеровская область, Хакасия, Алтай.
40	Юйгу	<i>сарыг уйгур (желтые уйгуры)</i>	13 тыс.	народ Китая.
41	Якуты	<i>Саха</i>	382 тыс.	народ России.
42	Чуваши	<i>чӑваш</i>	1, 842 тыс. 1, 774 тыс.	СССР (1989 г). РСФСР (1989 г).

Чувашей проживают в Чувашской Республике – 907 тыс., Республике Татарстан – 134,2 тыс., Республике Башкортостан – 118,5 тыс. Самарск. обл. – 118 тыс., Ульянов. обл. – 116,5 тыс., Тюм. обл. – 31,2 тыс., Краснояр. крае – 26,9 тыс., Кемеров. обл. – 24,4 тыс., Оренбург. обл. – 21,4 тыс., Саратов., обл. – 20,6 тыс., Москве – 18,4 тыс., Свердлов. обл. – 16,3 тыс., Ханты-Мансийск. нац. округе – 14 тыс., Московск. обл. – 13,4 тыс., Нижегород. обл. – 12,3 тыс., Челябин. обл. – 12,3 тыс., Иркутск. обл. – 11,4 тыс., Республике Коми – 11,3 тыс., Волгоградск. обл. – 10,8 тыс., Пермск. обл. – 10,8 тыс., Республике Марий Эл – 9 тыс., Санкт-Петербурге – 9 тыс., Томск. обл. – 7,8 тыс., Пенз. обл., – 7 тыс. Еще около 100 тыс. чувашей проживают в других областях и краях РСФСР⁶⁷.

Числен. чувашей в странах ближнего зарубежья (1989 г., чел.): Казахстан – 22305, Украина – 20395, Узбекистан – 10074, Беларусь – 3223, Туркменистан – 2281, Таджикистан – 2512, Кыргызстан – 2079, Латвия – 1509, Молдова – 1204, Эстония – 1178, Литва – 687, Грузия – 542, Азербайджан – 489, Армения – 123.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ХУННСКИХ ЦАРЕЙ (ШАНЬЮЕВ)

(Имена хуннских правителей приведены в китайской транскрипции).

Тюрк род. в 535 г. до н. э.

Шесть поколений хуннских ханов с неизвестными именами

Или-хан род. в 355 г. до н. э.

Неизвестный брат Или-хана

Могул-хан род. в 325 г. до н. э.

Братья
близнецы

Татар-хан род. в 325 г. до н. э.

Два поколения хуннских ханов с неизвестными именами

Тумань (Кара-хан), 220-209 г. до н. э.

Модэ (Огуз-хан), 209-174 г. до н. э.

Сводный брат Модэ, имя неизв. X.

Лаошань, 174-161 г. до н. э.

Переворот братом Гюньчэня

Гюньчэнь, 161-126 г. до н. э.

Ичисие, 126-114 г. до н. э.

Юйби X. Свергнут дядей Ичисие

Гюйлиху, 102-101 г. до н. э.

Цюйдихэу, 101-96 г. до н. э.

Увей, 114-105 г. до н. э.

Хулугу, 96-68 г. до н. э.

Ушилу, 105-102 г. до н. э.

Хюйлэй-Цюанькюй, 68-60 г. до н. э.

Чжичжси X.

Двоевластные братьев

Хухань, 58-31 г. до н. э.

Фучжусей, 31-20 г. до н. э.

Сзусей, 20-12 г. до н. э.

Гюйя, 12-8 г. до н. э.

Учжуслю, 8 г. до н. э. - 13 г. н. э.

Хянь, 13-18 г. н. э.

Юй, 18-46 г. н. э.

Пуку, 46-? г. н. э.

Юлю, ?-87 г. н. э. X.

Сын Юлю (имя неизв.), 87-90 г. н. э. X.

Безвластие, 90-91 г. н. э.

Другой сын Юлю - **Юйчжунь**, 91-93 г. н. э. X.

Преобразование державы Хуну в 93 году - в королевство Модэарос

Основание королевской династии мадьяр - Хуянь, 93-166 г. н. э.

Где: **Ушилу**, 105-102 г. до н. э. - Несостоявшиеся династии.

----- - Туииковые линии династии.

X - Насильственная смерть.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

6000 лет до н. э.	Обитание пратюркских племен на территории Северо-Западного Китая.
5000-4000 лет тому назад.	Переселение индоиранских племен в Индию, Среднюю Азию и Северо-западный Китай.
2824 год до н. э.	Образование государства серов под названием – Серикия. Начало летосчисления болгаро-чувацкого календаря.
2637 год до н. э.	Образование серами государства «Ся». Начало летосчисления древнекитайского календаря.
2134 год до н. э.	Возникновение монгольской знати (киданей) на территории современной Средней Азии.
1797-1764 годы до н. э.	Ниспровержение династии «Ся». Утверждение династии «Шан».
1764 год до н. э.	Бегство Шун Вэя в степи Южной Сибири.
1327 год до н. э.	Затопление Люкчюнской котловины. Переселение серов в верховья Иртыша и на северные окраины пустыни Гоби.
753 год до н.э.	Основание Рима.
535 год до н. э.	Родился Тюрк. Прародитель тюрков (караханидов).
356-323 до н.э.	Время рождения и смерти А. Македонского.
359-349 годы до н. э.	Время правления Или-хана.
329-328 годы до н.э.	Вторжение войск Александра Македонского в Среднюю Азию, на территории контролируемые хуннами.
325 год до н. э.	Родились близнецы: Татар-хан и Могул-хан.
220-209 годы до н. э.	Время правления Туманя (Кара-хана).
214 год до н.э.	Возведение Великой китайской стены.
209-174 годы до н. э.	Время правления Модэ (Огуз-хана).
208 год до н. э.	Победа хуннов над юэцжами.
197 год до н. э.	Образование державы Хунну.
174 год до н. э.	Смерть Модэ.
174-161 годы до н. э.	Переселение Лаошанем (сыном Модэ) алтайских савиро-чувашей в Турфанский оазис. Образование чувашского княжества (Чеши).
165 год до н. э.	Уход усуней из Турфана в Семиречье.
86 год до н. э.	Изгнание китайцев из княжества Чеши.

48 год н. э.	Разделение хуннов на «северных» и «южных».
90-93 годы.	Правление Юйчугяня, последнего царя хуннов, по отцовской линии Модэ.
93-126 годы.	Образование королевства Модзаров (мадьяр).
141-181 годы.	Время правления Таншихая.
155-166 годы.	Разгром Таншихаем державы Хунну. Бегство савиро-чувашей Алтая в Прикамье.
160 годы.	Переселение чувашей (чепишцев), вместе с пулэйцами, на Северный Кавказ.
334 год.	Первое упоминание болгар на Кавказе.
354 год.	Начало объединения болгарских и савирских и других племен под предводительством болгарских князей.
482 год.	Основание Киева.
635 год.	Создание Кубратом «Великой Болгарии».
640 годы.	Смерть Кубрата, начало распада «Великой Болгарии».
670 годы.	Савиры (предки низовых чувашей) в составе Хазарского каганата.
737 годы.	Разгром Хазарского каганата арабами. Переселение савиров (предков низовых чувашей) в Среднее Поволжье.
Начало X века.	Образование Волжской Болгарии (Булгарии).
Начало X века по 1240 год.	Чуваши в составе Волжско-Камской Болгарии.
922 год.	Основание Вырыгом на правой стороне Волги города Веде Суар (Чебоксар).
1156 год.	Основание Москвы.
1236 год.	Монгольское нашествие и разорение Булгарии.
1240 - начало XVI века.	Чуваши в составе Золотой Орды.
1312-1342	Время правления Золотоордынского хана Узбека.
1336-1405	Время рождения и смерти Тамерлана (Тимура).
1395 год.	Разгром Золотой Орды и разорение Тимуром (Тамерланом) Булгарского улуса.
1437-1556 годы.	Казанское ханство.
1551 год	Добровольное вхождение чувашей в состав Российского государства.
1920 год, 24 июня.	Образование Чувашской автономной области.
1925 год.	Образование ЧАССР.
1992 год.	Образование Чувашской Республики.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Наука и жизнь. 1988, № 11. Биография древнего океана, с. 10.
2. Наука и жизнь. 1973, № 10. Переменчивая Земля, с. 65.
3. Наука и человечество М., «Знание», 1983, с. 106
4. Наука и жизнь. 1983, № 10. Этот странный изменчивый климат, с. 132-139.
5. Наука и жизнь. 1981, № 12. Проект «Литосфера» (схемы образования горных хребтов и литосферных плит Земли), с. 68-73.
6. **Негман Нааск.** Atlas weltmeer, Cotha, DDR, 1989, с. 8-9.
7. Знание – сила. 1987, № 2. В движении плит рождаются месторождения, с. 3-7, 122.
8. Наука и жизнь. 1986, № 8. Где искать Атлантиду? с. 89.
9. Знания – сила. 1987, № 2. Когда гибнут сильные, с. 51.
10. Советский энциклопедический словарь. М., 1989, с. 838, 1339.
11. Наука и жизнь. № 10. На великом водоразделе Азии, с. 52, 57.
12. Физическая карта СССР. ГУКК СССР, 1989.
13. **Кукал Зденек.** Великие загадки Земли. М., «Прогресс», с. 174-175.
14. Наука и жизнь. 1983, № 1. Геологическая эпоха, в которой мы живём, с. 40-47.
15. Наука и жизнь. 1982, № 5. От обезьяны к человеку, с. 72-76, 98.
16. **Мажуга П. М.** От вероятного к очевидному. Киев, «Молодь», 1989, с.65-128.
17. Человек в прошлом, настоящем и будущем. Сборник статей. М., «Знание», 1981, с. 3-64.
18. **Итс Р. Ф.** Очерки по истории Китая. Ленинград «Учпедгиз», 1961, с. 5-10.
19. Наука и жизнь. 1981, № 9. Судьба наших северных озёр, с. 12-14.
20. **Константинов А. В.** Основы эволюционной теории. Минск, «Высшая школа», 1979, с. 335.
21. **Николов Т. Г.** Долгий путь жизни. М., «Мир», 1986, с. 156-157.
22. **Тегако Л. И.** На пути к человеку. Минск, «Наука и техника»
23. **Гумилёв Л. Н.** Из истории Евразии. М., «Искусство», 1993, с. 7.
24. **Романовский Н. Н.** Холод Земли, М., «Просвещение», 1980, с. 141-142.
25. История Чувашской АССР. Чебоксары, 1983, т. I, с. 10.
26. История СССР. Сборник статей. М., «Знание», 1981, с. 3-64.
27. **Димитриев В. Д.** Чувашские исторические предания. Чебоксары 1983, часть 1, с. 35.
28. **Томсон Д. О.** История древней географии. М., 1953, с. 437-439.
29. **Джейн Чизхольм.** Ранние цивилизации М., «Росмэн», 1994, с. 4.
30. **Артамонов М. И.** Киммерийцы и скифы. «Издательство Ленинградского университета». 1974.
31. **Бичурин Н. Я.** Ради вечной памяти. Чебоксары, 1991, с. 192.
32. **Аммиан Марцеллин.** История. Киев, 1908, т. III, с. 236-243.
33. **Дебец Г. Ф.** Палеоантропология СССР. Москва-Ленинград 1948, с. 83.
34. **Гумилёв Л. Н.** Хунну. (Степная трилогия). С-Пб., «Тайм-Аут» – компас, 1993, с. 19.
35. **Грум-Гржимайло Г. Е.** Западная Монголия и Урянхский край. Л., 1926, т. II, с. 16-69.

36. **Фань Вэнь-лань.** Древняя история Китая. М., 1958, т. I, с. 45.
37. **Бичурин Н. Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии. Москва-Ленинград 1950, т. I, с. 40.
38. **Мунукаев Н. Ц.** Мэн-да-бэйлу. Полное описание монголо-татар. М., «Наука», 1975.
39. **Магазаник Д. А.** Русско-турецкий словарь. М., «ОГИЗ», 1946.
40. **Левин В. И.** Свидетели каповой пещеры. М., «Детская литература», 1982, с. 34-194.
41. **Леонтьев А. А.** Путешествие по карте языков мира. М., «Просвещение», с. 18-24
42. **Е. Лун-ли.** История государства киданей. М., «Наука», 1979, с. 11.
43. **Гумилёв Л. Н.** Хунны в Китае. С-Пб., «Абрис», 1994, с. 27.
44. Большая Советская Энциклопедия Том 20, с. 586.
45. Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М., «Наука», 1985, с. 75.
46. **М. Фасмер.** Этимологический словарь русского языка, т. IV, с. 284.
47. Вокруг света. 1988, № 3. Город, побывавший под водой, с. 46.
48. **Щербаков В. И.** Всё об Атлантиде. М., «Ларге». Общество по изучению тайн и загадок Земли, 1990, с. 106.
49. Наука и человечество. М., «Знание», 1989, с. 72-88.
50. Малая Советская Энциклопедия 1931, с. 838.
51. **Сануков Ксенофонт.** Газета «Волга-Урал», 1991, с. 8-9.
52. Космические легенды востока. М., «Сфера», 1992, с. 62.
53. **Егоров Г. П.** Воскресение шумеров. Чебоксары, «Атл», 1993, с. 3.
54. **Кисилёв С. В.** Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 114-116.
55. Крестьянка (журнал). Болгарский календарь. 1988, № 1, с. 23.
56. **Козлов П. К.** Краткие отчёты по исследованию Северной Монголии. Л., 1925, с. 26.
57. **Крадин Н. Н.** Империя Хунну. М. «Логос», 2002, с. 144.
58. Энциклопедия персидско-таджикской прозы. Душанбе, 1990, с. 500.
59. **Бичурин Н. Я.** Записки о Монголии. С-Пб., 1828, т. III, с. 59.
60. **Каховский В. Ф.** Чавашсем. Историко-этнографические очерки. Чебоксары, 1984, с. 62.
61. **Гумилёв Л. Н.** Динлинская проблема. «Известия Всесоюзного географического общества». 1951, № 1.
62. **Иоганес Фридрих.** История письма. М., 1989, с. 167.
63. **Фукс А. А., Фукс К. К.** «Записки о чувашах».
64. **Богданов Иван.** Прабългари. София. Държавне издателство народна просвета, с. 11.
65. **Серебренников Б. А.** Происхождение чуваш по данным языка. (О происхождении чувашского народа). Чебоксары, 1957, с. 43.
66. **Barthold W.W.** 12 Vorlesuugen uber die Geschichte der Turken Mittelasiens, Berlin, 1935, s. 30-31.
67. **Иванов В. П.** Этническая карта Чувашии. Чебоксары «Руссика», 1997, с. 166.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.	3
Главные события в истории Земли.	6
Климат недавнего прошлого	12
Время появления и становления человека в Евразии.	13
Человек Евразии в середине каменного века.	15
Рисское, или днепровское оледенение	20
Потепление в позднем палеолите	22
Истоки тюрко-язычных народов.	23
Пратюрки в Северо-западном Китае.	26
Самоназвание пратюрков и их прозвища	30
Сины и серы.	33
Тюркоязычные племена в Китае и их изгнание.	40
Почему у Китая так много названий?	44
От государственных рабов Китая, к монголо-татарам.	46
Динлины, или «лесные люди».	56
От беглых рабов Китая – к аратам и билу-пулэйским племенам.	62
«Всемирный потоп».	68
От динлинов к савирам, или «северянам».	75
Наследники шумерской (урукской культуры).	77
Краткая предыстория Хунну.	84
Хунно-угры.	91
Эпоха Модэ.	95

«Держава Хунну», или «Великая Хунгария»	99
«Великая Хунгария» и ее правители	103
Почему савиры стали называться чувашами?	106
Краткая предыстория «западных жунов»	109
Кризис «державы Хунну»	112
Усуни	117
Чувашское княжество (Чеши)	120
Упадок «державы Хунну»	124
Раскол хуннов на «Модэаров» и «Караханидов»	127
Сяньбийцы	129
Дулгасцы, или тюгу	131
Куда исчезли сувары?	134
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	139

СХЕМЫ, КАРТЫ, ТАБЛИЦЫ

Карта-схема № 1.	144
Продолжение карты-схемы № 1.	145
Карта-схема № 1а.	148
Карта-схема № 2.	149
Карта-схема № 3.	150
Список основных тюркоязычных народов.	151-152
Генеалогическая таблица хуннских правителей	153
Схема формирования физического типа древних чувашей.	154
Хронологическая таблица	155-156
Использованная литература	157-158